Экономические и гуманитарные исследования регионов

5/2013

www.cegr.ru.

Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологи, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал
№ 5 2013 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е. Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник министерства образования РФ (главный редактор); Говердовская Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора); Акаев В. Х. – доктор философских наук, профессор; Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н.- доктор философских наук, доцент; Горелов А.А.- доктор педагогических наук, профессор; Губарь О. В. – доктор экономических наук, профессор; Елисеев В.К .- доктор педагогических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор; Муругова Е. В. – доктор филологических наук, профессор; Мусханова И. В. – доктор педагогических наук, доцент; Попов М.Ю. – доктор социологических наук, профессор; Пугачева Н. Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М. Д. – доктор философских наук, профессор; Сущий С. Я. – доктор социологических наук, доцент; Тен Ю. П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В.– доктор философских наук, профессор; Цечоев В. К.– доктор юридических наук, профессор; Шенгаров Г. Х. – доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и
гуманитарные
исследования регионов

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

АРУТЮНОВА А.Ю., ЕРЕМИНА Ю.С. Асоциальное поведение личности: определение понятия, сущность 5

БАБАЯН А.В. Официально-охранительная педагогика I половины XIX века о воспитательной работе в учебных заведениях 12

РАДЧЕНКО В.А. Влияние частной и общественной благотворительности на развитие системы отечественного образования в середине XIX – начале XX вв 20

СКНАРИНА И. И., БЕЛЯЕВА Н. А. Формирование иноязычной компетенции у студентов естественнонаучных специальностей вузов 26

ПРАВО

БИРЮКОВ А.В.Современная российская коррупция. Ее специфика, масштабы и угрозы 31

ПСИХОЛОГИЯ

ЛУКЬЯНОВ А. С. Метод психологии: к рефлексии проблемы 39

СОЦИОЛОГИЯ

БОРИСОВА У. С. Демографические и семейные установки молодежи саха 45

ГУРЬЯНОВ М.С. Структурно-функциональные аспекты работы государственной и муниципальной службы в контексте перспектив повышения ее социальной эффективности 52

ИГНАТЕНКО О. П.,ФОМИНА Т. К. Роль агентов социализации в профилактике межнациональных конфликтов 58

КОЖИНОВ А. Г. Исследование основных методов управления, обеспечивающих экономическую эффективность предприятия 63

ШЕВЧЕНКО А. И. К вопросу о теоретических основах социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями в мире и в России 66

ФИЛОСОФИЯ

БАКЛАНОВ И. С., БИЧАХЧЯН М. К. Правосознание как базис развития демократического общества 74

БОЛХОВСКОЙ А.Л., ГОВЕРДОВСКАЯ Е.В. , ИВЧЕНКО А.В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд 80

ДОБЫЧИНА Н. В. Реальное и виртуальное в цифровом человеко-машинном взаимодействии. 86

ЛУКЬЯНОВ Г. И., АЛЕКСАНДРОВ Д. С. Рост национального самосознания как реакция на глобализационную унификацию 94

ЭКОНОМИКА

102

КОШЕЛЬ Н.В. Маркетинг в постризисном регулировании банковского рынка

РУДЕНКО Ф. Г., КАМИНСКАЯ К. Р. Экономические аспекты совершенствования деятельности предприятий ОПК на основе развития процессных инноваций 111

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.011

АСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТЬ

Арутюнова А. Ю., Еремина Ю. С.

ASOCIAL BEHAVIOUR OF THE PERSONALITY: CONCEPT DEFINITION, ESSENCE

Arutyunova A. Y., Eremina Y. S.

В статье содержатся результаты исследования, посвященного анализу современной научной литературы, в ходе которого уточнено определение понятия «асоциальное поведение», раскрыта сущность данного понятия. Показаны имеющиеся в научной литературе подходы современных ученых к определению асоциального поведения личности, охарактеризовано соотношение понятий «асоциальное», «девиантное», «делинквентное», «отклоняющееся поведение», показаны их сходство и различие.

The article contains the results of the research devoted to the analysis of modern scientific literature during which the definition of the concept «asocial behavior» is specified, and the essence of this concept is opened. There are shown Available approaches of modern scientists in scientific literature to definition of asocial behavior of the personality, the ratio of concepts «asocial», «deviant», «delinkventive», «deviating behavior» is characterized, their similarity and distinction is shown.

Ключевые слова: поведение личности, социальная норма, социальное поведение, асоциальное поведение, девиантное поведение, отклоняющееся поведение.

Keywords: behavior of the personality, social norm, social behavior, asocial behavior, the deviant behavior, deviating behavior.

Новая социально-экономическая среда, формирующаяся в России в результате рыночных преобразований, предъявляет больше требований к личности, ее социально-позитивной интеграции в общество. Это требование особенно актуально для детей и молодежи, находящихся в условиях, лишенных ценностно-смыслового иммунитета и находящихся под угрозой растущей наркотической агрессии. Особую роль в способности и возможности человека противостоять негативным влияниям окружающей среды играют его психологические особенности, внутренние механизмы реагирования, взаимодействия, адаптации к жизненным обстоятельствам, сформированность устойчивости к асоциальному поведению. Однако проблема асоциального поведения сложна и многогранна и недостаточно разработана в отечественной педагогической науке.

В Российской социологической энциклопедии под поведением личности понимаются внешне наблюдаемые поступки, действия

индивидов, их определенная последовательность, так или иначе затрагивающие интересы других людей, коллективов, групп, всего общества [12, С. 382]. И. А. Фурманов определяет поведение как систему любых психомоторных актов (действий), как активность, возникающую при взаимодействии человека и среды и обеспечивающую прямое или непрямое удовлетворение потребности [16, С. 14 – 15]. В социологии поведение человека, которое формируется, развивается и проявляется в условиях общественной жизни, а поэтому носит социально обусловленный характер, определяется как социальное. Такое поведение представляет собой совокупность внешне наблюдаемых поступков и действий отдельных индивидов и их групп, их определенную направленность и последовательность, так или иначе затрагивающих интересы других людей, социальных групп, социальных общностей или всего общества [2, С. 405].

Согласно справочной медицинской литературе, поведение определяется как психологическая и физическая манера вести себя с учетом стандартов, установленных в социальной группе, к которой принадлежит индивид. В связи с этим нарушения в поведении рассматриваются как повторяющиеся устойчивые действия или поступки, включающие главным образом агрессивность деструктивной и асоциальной направленности с выявлением распространившейся дезадаптации поведения [6, С. 334]. По мнению В. П. Кащенко, между нормальным поведением, нормальным характером и патологическим характером, характеризующимся безволием, безмерной активностью, чрезмерным увеличением аффектов, гнева и страха, резко выраженной внушаемостью и т.п., располагается неизмеримое количество переходных ступеней от здорового к больному характеру. Вследствие этого нельзя провести четкую грань между нормальным и трудным характером, характером с ненормальными уклонами. Отличить нормальный характер затруднительно еще и потому, что отсутствует научное определение так называемой нормы личности. Ввиду невозможности дать строго научное толкование понятию человеческой нормы, за нормальное признается среднее, наиболее часто встречающееся значение. Это среднее также не будет постоянным, будет меняться в зависимости от социально-экономических, культурно-исторических, климатических и прочих условий эпохи [7, С. 24 – 45]. При этом понятие нормы является исходным для изучения любых отклонений.

Л. Б. Шнейдер определяет социальную норму как социальные явления, не представляющие реальной угрозы физическому и социальному выживанию человека [17, С. 8 – 10]. Социальная норма – совокупность требований и ожиданий, которые предъявляет социальная общность (группа, организация, класс, общество) к своим членам с целью регуляции деятельности и отношений [8, С. 29]. Социальная норма – это средство поведенческой ориентации личности или социальной группы. Норма выступает как средство внешнего контроля общества за действиями индивидов и целых групп. Нормативная регуляция поведения

задает определенные формы поведения, характер отношений, цели и способы их достижения [14, С. 173 – 174].

При всем многообразии проявлений социальные нормы имеют следующие свойства: объективность, историчность, универсальность, схематичность, безусловность, которые означают, что норма является исторически выработанным, обобщенным социальным предписанием, обязательным для выполнения со стороны всех людей и в любой ситуации [5, С. 18]. По сфере регулируемых отношений выделяются группы социальных норм: духовно-нравственные, морально-этические, правовые, политические, организационно-профессиональные [14, С. 173 – 174]. Все социальные нормы можно разделить на два типа: групповые привычки и общие правила. Групповые привычки – нормы малых групп. Появляются и продолжают существовать только в малых группах (семьях, спортивных командах, дружеских компаниях). Общие правила – нормы больших групп (общества в целом). Это манеры поведения, традиции, этикет. Каждая социальная группа обладает своими обычаями, правилами поведения [5, С. 17 – 18].

Нормативность социального поведения напрямую связана с ролевыми функциями человека в обществе, социальной группе. Эти функции определены его статусом в такой группе. Социальная норма, прививаемая человеку, группе и обществу, диктует поведение, которое будет ожидаемо. Формируются стереотипы, видение человеком своего должного поведения. Нормативное поведение («стандартное») соответствует социальным нормам, характерно для большинства людей, вызывает одобрение окружающих и приводит к нормальной адаптации. Отклоняющееся поведение выражает социально-психологический статус личности на оси «социализация – дезадаптация – изоляция» [5, С. 11].

О. В. Андрюшина считает, что асоциальное поведение является общим, объединяющим обозначением для любых проявлений намеренного и повторяющегося нарушения социальных стандартов, представляет собой собирательное, обобщающее понятие для девиантного, делинквентного и связанных с ними терминов [1, С. 176]. И. В. Дубровина так же, как и Е. В. Змановская, считает, что социальное поведение можно разделить на нормальное и девиантное (отклоняющееся от нормы). В свою очередь девиантное поведение, по мнению И. В. Дубровиной, подразделяется на интернализованное (направленное на себя) и экстернализованное (направленное на других). Тогда асоциальное поведение оказывается крайним случаем экстернализованного девиантного поведения.

В соответствии с классификаций поведенческих отклонений, основанной на таких ведущих критериях, как вид нарушаемой нормы и негативные последствия отклоняющегося поведения, Е. В. Змановская определяет асоциальное поведение как поведение, уклоняющееся от выполнения морально-нравственных, социальных норм, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений. Такое поведение может проявляться как агрессивное поведение, сексуальные девиации

(беспорядочные половые связи, проституция, совращение, эксгибиционизм и др.), вовлеченность в азартные игры на деньги, бродяжничество, иждивенчество [5, С. 35]. Различные виды отклоняющегося поведения личности Е. В. Змановская предлагает расположить на единой оси «деструктивное поведение», с двумя противоположными направлениями – на себя или на других. По направленности и степени выраженности деструктивности асоциальное поведение она относит к пассивно-деструктивному [5, С. 34].

И. А. Фурманов определяет асоциальность как нарушение характерных для данного возраста социальных норм или правил в связи с низким морально-волевым уровнем регуляции поведения [16, С. 251]. А. А. Крылов установил, что если рассматривать асоциальное поведение в соотношении с понятиями мораль – нравственность, то асоциальное поведение – поведение безнравственное, нарушающее социальные нормы (уголовные, административные, семейные) и противоречащее правилам человеческого общежития, деятельности, обычаям, традициям отдельных лиц и общества в целом. Асоциальность А. А. Крылов определяет как характеристику личности или группы, своим поведением противоречащей общепринятым нормам. Ближе всего к понятию «асоциальное поведение», по его мнению, находится термин «отклоняющееся», т.е. поведение, которое отклоняется от социальной нормы. Отклонение от нормы называется асоциальным потому, что социальной является сама норма [9, С. 118 – 120]. Под асоциальным поведением А. А. Крылов понимает социально негативное поведение, нарушающее правовые и общепринятые нравственные нормы, родственное по содержанию понятию «отклоняющееся поведение» (которое является более объемным), отличающееся высокой вероятностью проявления агрессии в открытом поведении, ее высоким удельным весом среди других поведенческих паттернов, несформированностью установок на социальную кооперацию, эгоизмом, эгоцентризмом и импульсивностью [9, С. 118 – 120].

В зависимости от степени причиняемого вреда интересам личности, социальной группе, обществу, а также от типа нарушаемых норм Е. М. Бабосов предлагает различать следующие виды отклоняющегося поведения: 1) деструктивное поведение, не соответствующее общепринятым социально-нравственным нормам, но причиняющее вред лишь самой личности (накопительство, конформизм, мазохизм и др.); 2) асоциальное поведение, причиняющее вред как самой личности, так и социальным общностям (семье, компании друзей, соседям и др.) и проявляющееся в алкоголизме, наркомании, самоубийстве и др. отклонениях; 3) противоправное поведение, представляющее собой нарушение не только моральных, но и правовых норм и выражающееся в уголовно наказуемых преступлениях (грабежах, убийствах и др. преступлениях) [3, С. 737 – 741].

Асоциальное поведение проявляется в «отрицании», безразличии к социальным нормам, их несоблюдении. Асоциальное поведение с данной позиции будет характеризоваться действиями, не направленными против

общества. Поведение будет негативным для самой личности. О. Н. Мазина считает, что асоциальное поведение – это социально неодобряемое поведение, характеризующееся устойчивыми внешними проявлениями несоответствия моральным нормам, внутриличностными изменениями, вызванными деформацией социально значимых и личностных ценностей [10, С. 6].

Е. Н. Фанина под асоциальным поведением понимает отклонение от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства социальных норм и культурных ценностей, а также саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит. Е. Н. Фанина отмечает, что асоциальное поведение проявляется в мелких проступках, поведении, не представляющих социальной опасности, и не требует административных воздействий.

В отечественной психолого-педагогической литературе проблемы, посвященные асоциальному поведению, традиционно связаны с «трудными» подростками, сопротивляющимися целенаправленному педагогическому воздействию и представляющими собой группу повышенного социального риска. Однако сопротивление педагогическим воздействиям не сводится к отклоняющемуся поведению и не всегда проявляется в отклонениях асоциального характера. Асоциальные проявления выражаются не только во внешней поведенческой стороне. Так, нарушение социальных норм ведет к деформации ценностных ориентаций, к деформации системы внутренней регуляции поведения [15, С. 17].

Е. В. Звягина асоциальное поведение подростков рассматривает как субъективно-индивидуальное или групповое, отклоняющееся от нравственных ценностей, норм и правил, закрепленных в данном обществе, поведение. Она акцентирует внимание на ценностных ориентациях, под которыми понимает способ социально-обусловленного поведения подростков, выражающийся в устойчивом убеждении, в соответствии с которым происходит выбор и определение жизненных целей. Ценностные ориентации, понимаемые в науке как избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выражающаяся в поведении, обеспечивают устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов [4, С. 12].

Асоциальность И. Л. Первова рассматривает как системную структуру через социальные процессы, социализацию, формирование социальных навыков и индивидуально-поведенческие особенности. Асоциальное поведение, по ее мнению, детерминировано социальными условиями, индивидуально-психологическими характеристиками, уровнем сформированности социальных навыков у несовершеннолетних и особенностями процесса социализации. Термин «асоциальное поведение»

является общим, интегрирующим обозначением для любых паттернов намеренного и повторяющегося попрания социальных стандартов как у взрослых, так и у детей. И. Л. Первова предлагает типологизацию асоциального поведения с точки зрения анализа негативных проявлений социальной дезадаптации: интернальные (депрессия, тревожность, социальная абстиненция, психосоматика), экстернальные (агрессивность, гиперактивность, кондуктивные расстройства) и психические нарушения [11, С. 373].

М. А. Галагузова отмечает, что нормальное поведение подростков предполагает их взаимодействие с микросоциумом, прежде всего с семейной системой, адекватно отвечающей потребностям и возможностям их развития и социализации. Отклоняющееся поведение у ребенка, проявляющееся в поведенческом противодействии установленным нравственным и правовым общественным нормам, формируется в тех случаях, когда со стороны микросоциума не происходит адекватного учета основных жизненных потребностей подростка, его индивидуальных особенностей. Отклоняющееся поведение, по мнению автора, выделяется следующими чертами: безволие, чрезмерная активность, гнев, страх, резко выраженная внушаемость [13, С. 215].

Исследование показало, что можно выделить два подхода к определению понятия «асоциальное поведение». Согласно первому подходу (С. А. Беличева, И. В. Дубровина, А. А. Крылов), асоциальное поведение отождествляется с девиантным, делинквентным поведением. Согласно второму подходу, асоциальное поведение исключает противоправные, уголовно наказуемые действия индивида и проявляется в действиях и поступках, препятствующих успешной социализации, самореализации индивида в обществе. В данном случае асоциальное поведение может трактоваться как аморальное (Е. В. Змановская, О. Н. Мазина, Е. Н. Фанина).

На основе анализа различных точек зрения отечественных ученых относительно феномена асоциального поведения можно сделать следующие выводы. Термины «асоциальное», «девиантное поведение» соотносятся с понятием «социальная норма», а поскольку границы нормы весьма условны, то человека абсолютно нормального по всем показателям просто не существует. Понятие «девиантное поведение» шире понятия «асоциальное поведение», поэтому зачастую рассматривается как вид отклоняющегося поведения. Чаще всего асоциальное поведение связывается с несформированностью или же с низким уровнем сформированности нравственных ценностей личности. Причиной асоциального поведения является социальная дезадаптация личности. Асоциальное поведение в большинстве случаев предшествует делинквентному (противоправному) поведению.

Ряд исследователей выделяет специфические особенности асоциального поведения личности: асоциальное поведение не соответствует важным для данного общества общепринятым нормам; является разрушительным, нанося ущерб самой личности; относится

преимущественно к стойко повторяющемуся поведению (за исключением суицидальной попытки); всегда согласовывается с общей направленностью личности; рассматривается в пределах медицинской нормы, без отождествления его с психическими заболеваниями или патологическими состояниями; сопровождается проявлениями социальной дезадаптации (при этом социальная дезадаптация может быть самостоятельной причиной асоциального поведения).

Таким образом, на основе анализа многочисленных научных источников считаем, что асоциальное поведение – это система поступков или отдельные поступки человека, не требующие административного воздействия и характеризующиеся несоблюдением социальных норм, закрепленных в данном обществе, угрожающие благополучию межличностных отношений и препятствующие возможности саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшина О. В. Формирование специальной компетентности учителя в сфере профилактики асоциального поведения подростков. – Самара, 2006.

2. Бабосов Е. М. Общая социология: Учеб. пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2004.

3. Бабосов Е. М. Поведение социальное // Социология. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2003.

4. Звягина Е. В. Педагогические условия предупреждения и преодоления асоциального поведения подростков на основе ценностных ориентаций / Дис. ... канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2006.

5. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М., 2006.

6. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб., 2004.

7. Кащенко В. П. Педагогическая коррекция: Исправление недостатков характера у детей и подростков. – М.: Изд-кий центр «Академия», 2000.

8. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001.

9. Крылов А. А. Психология. – М., 2007.

10. Мазина О. Н. Предупреждение асоциального поведения учащихся профессионального лицея / Дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2009.

11. Первова И. Л. Асоциальное поведение несовершеннолетних: Социотипологический анализ. – СПб., 2000.

12. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. – М., 1998.

13. Социальная педагогика / Под. ред. Галагузовой М. А. – М., 2000.

14.Социология. – Ставрополь, 2002.

15.Фанина Е. Н. Профилактика асоциального поведения старших подростков в учреждении социальной защиты населения: На примере Ставропольского края / Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004.

16.Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения. – М., 2004.

17.Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2005.

УДК 37

ОФИЦИАЛЬНО-ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Бабаян А. В.

OFFICIAL AND GUARDING PEDAGOGICS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY ABOUT EDUCATIONAL WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Babayan A. V.

Статья посвящена раскрытию сущности государственной политики в сфере российского образования в первой половине XIX века (до 1871 г.), в частности, официально-охранительной педагогике в области воспитательной работы в средних учебных заведениях. Анализируются нормативные документы Министерства народного просвещения, вводившие в целях улучшения воспитательной работы в школах должности воспитателей, наставников, надзирателей.

Article is devoted to disclosure of the essence of a state policy in the sphere of Russian education in the first half of the XIX century (TILL 1871), in particular, to official and guarding pedagogics in the field of educational work in the domestic secondary educational institutions. Normative documents of the Ministry of the national education, who have entered in order to improve the educational work in schools the positions of educators, tutors, instructors, supervisors are analyzed.

Ключевые слова: воспитатель, наставник, классный наставник, Министерство народного просвещения, воспитательная работа, школа, дореволюционная Россия, государственная политика.

Keywords: tutor, instructor, the class instructor, Ministry of national education, educational work, school, pre-revolutionary Russia, state policy.

В начале XIX в. в России происходил культурный и духовный подъем, отмечался рост капиталистического производства. Возникла острая потребность в грамотных рабочих, специалистах промышленности и сельского хозяйства, квалифицированных работниках государственного аппарата в центре и на местах. Все это обусловливало необходимость

развития сети учебных заведений. Перед школой встала задача воспитывать учащихся преданными самодержавно-монархическому строю с помощью образования и православной религии, а также повседневного надзора. В задачи воспитания МНП также включало защиту авторитета самодержавия, борьбу со свободолюбивыми идеями, антиправительственными настроениями. Для решения этой задачи правящие круги признали необходимым усиление воспитательной функции школы через специальных лиц педагогического персонала – надзирателей, наставников.

Для совершенствования содержания и основных направлений работы классных руководителей в современных условиях несомненный интерес представляет критический анализ документов Министерства народного просвещения (МНП) России и опыта воспитательной деятельности классных наставников I половины XIX в. Воспитанию молодежи в учебных заведениях государственной системы народного образования стало уделять внимание созданное в 1802 г. Министерство народного просвещения. Однако оно с начала своей деятельности, по утверждению П. Ф. Каптерева, являлось не столько органом, способствовавшим развитию образования, «сколько органом надзора».

Усилению воспитательной деятельности учителей различных типов общеобразовательной школы и становлению института должностных лиц, занимающихся воспитанием учащихся, способствовала реформа школы 1804 г. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.) сыграл прогрессивную роль в истории просвещения России, т.к. в основу образования и обучения были положены прогрессивные идеи. Устав предусматривал контроль над воспитательной деятельностью учебных заведений, особенно в плане надзора за учащимися. Преимущественно это касалось деятельности частных учебных заведений. МНП признавало пагубным влияние в этих учебных заведениях надзирателей-иностранцев на учеников. Не знавшие сами русского языка, эти надзиратели внушали воспитанникам презрение к русскому языку, ко всему русскому. Поэтому от лиц, желавших учредить частное училище, Устав 1804 г. требовал знания русского языка. Предусматривалось преподавание в училище всех предметов только на русском языке.

Школьный устав 1828 г. усилил требования к иностранцам, привлеченным для воспитания и обучения детей. С 1833 г. в число условий, необходимых для получения права на содержание частных училищ, было включено непременное требование русского подданства. Таким образом, иностранцам был закрыт доступ к содержанию частных училищ. «Положение 1 июля 1834 г. о домашних наставниках и учителях» ограничило и число учителей-иностранцев. Это положение, учреждавшее институт домашних наставников и учителей, имело целью привлечение к педагогической деятельности русских учителей. Благодаря ряду правительственных мер, воспитание в частных учебных заведениях было передано русским учителям или лицам, принявшим русское подданство.

От учителей и воспитателей (гувернеров) частных училищ требовалось удостоверение «о добром поведении». Лица женского пола для получения права на открытие частных двухклассных училищ 3-го разряда должны были иметь свидетельство на звание домашней наставницы или учительницы. По положению 1834 г. надзиратели и надзирательницы ограничивались заботой о физическом воспитании детей и занимались присмотром за ними, а поэтому от них требовалось только удостоверение «о хорошем поведении и нравственности».

В 1834 г. для лиц, занимавшихся обучением в частных домах, было установлено два звания: домашние наставники и домашние учителя. С 1831 г. для получения звания домашнего учителя необходимо было не только пройти «испытание в науках», но и предоставить удостоверение о «добром своем поведении» от местных гражданских служб или от лиц, у которых они работали. Это правило, требовавшее от учителя не только научных знаний, но и нравственных качеств, без которых невозможен успех в воспитании, вошло с некоторыми дополнениями в «Положение 1 июля 1834 г. о домашних наставниках и учителях».

Положение 1834 г. определяло, что домашними наставниками, домашними учителями могли быть только подданные России христианского вероисповедания. Звание домашнего наставника присваивалось лицам, изъявившим желание заниматься воспитанием детей в частных домах, окончившим полный курс обучения в университетах и духовных академиях. Свидетельство на звание домашнего наставника выдавалось по предъявлении аттестата об окончании курса в университете или духовной академии лицам, выдержавшим экзамены в высших учебных заведениях по предметам, которые они собирались преподавать. Женщины, окончившие курс в государственных учебных заведениях, получали свидетельство на звание домашней учительницы, не подвергаясь испытаниям, но представляли документ об их поведении и нравственных качествах. Домашние наставники и учителя подчинялись губернским директорам училищ. В конце каждого года они представляли им отчеты о своей работе, отзывы о работе от уездных предводителей дворянства или от лиц, у которых они работали. МНП осуществляло постоянный контроль за работой домашних наставников и учителей.

В 1863 г. для улучшения воспитания и обучения в гимназии г. Кишинева по предложению педагога К. П. Яновского была введена должность классного наставника. В обязанность классных наставников входило «принятие мер по улучшению успехов в учении и поведении учеников». Ежемесячно классные наставники кишиневской гимназии докладывали педсовету о проделанной работе и достигнутых результатах.

Устав гимназий и прогимназий 1864 г. учредил должность воспитателя в этих учебных заведениях. На эту должность назначались лица, имевшие аттестат об окончании полного университетского курса и свидетельство об окончании особого педагогического курса. Разъясняя порядок назначения на новую должность, МНП отмечало, что

воспитателей ранее в гимназиях не было, их места занимали надзиратели, обыкновенно лица с весьма недостаточным образованием и поэтому не имевшие почти никакого влияния на учащихся. При этом подчеркивалось, что назначение воспитателей – дело важное и может быть успешно выполнено людьми, основательно образованными [1]. По Уставу 1864 г. воспитатели могли замещать уроки отсутствовавших учителей, чего ранее надзиратели делать не могли. Воспитателей по штату полагалось по одному на 20 пансионеров-гимназистов. В этой должности утверждались только по истечении годичного срока испытания. Обязанности воспитателей могли выполнять учителя гимназии, прогимназии, получая за это жалованье, положенное воспитателям. Совмещение должностей было сделано с целью усиления надзора за учениками, т.к. считалось, что учитель всегда пользуется у учеников большим нравственным авторитетом, чем любое другое лицо.

После введения Устава гимназий и прогимназий МНП 1864 г. появилась необходимость увеличения числа учителей древних языков в гимназиях. Так как число их было удвоено, а университеты выпускали их не так уж и много, министр народного просвещения разрешил, в виде исключения, чехам и австрийским славянам, имевшим дипломы учителей древних языков, приезжать в Россию и преподавать эти дисциплины в средних учебных заведениях (циркуляр МНП «О вызове славян и чехов для занятия учительских должностей в гимназиях» от 22.12.1865 г.). Лица, изъявившие желание приехать в Россию преподавать, должны были в России изучать русский язык (один год или два) и прослужить в звании учителя одного из древних языков два года. Ко времени введения в 1871 г. должности классного наставника преподавателями древних языков были и учителя-иностранцы. Учитывая, что классные наставники избирались из преподавателей, имевших в классе наибольшее число уроков, а на изучение древних языков отводилось наибольшее число уроков, то классными наставниками назначались и учителя-иностранцы. Это не способствовало улучшению воспитательной работы с учащимися, т.к. классные наставники этой категории были далеки от забот о воспитании молодежи России.

Должности наставника были введены в Молодечненской учительской семинарии в 1864 г. В семинарии и народном училище при нем, кроме директора, были три штатных наставника: законоучитель и два преподавателя наук. Основной целью деятельности наставников было религиозно-нравственное воспитание учащихся. Наставники назначались директором семинарии, законоучитель избирался из духовных лиц по предварительному соглашению с епархиальным начальством. Все наставники утверждались в должности попечителем округа. Наставники пользовались правами и исполняли те же обязанности, какие были определены для законоучителей и старших учителей гимназий Виленского учебного округа: они присутствовали на уроках своих коллег, изучали воспитанников, осуществляли надзор за нравственностью воспитанников вне семинарии, организовывали их досуг.

В середине 60-х гг. МНП предприняло попытку учредить должности надзирателей, классных наставников в ряде школ, открывавшихся для детей нерусских народов. Так, в соответствии с указанием МНП от 25 октября 1865 г., в г. Омске была учреждена в виде опыта на 3 года школа для киргизских детей. Главная цель ее открытия состояла в «приготовлении способных людей к занятию в областях: Сибирских Киргизов и Семипалатинской должностей султанских письмоводителей и толмачей при волостных управителях и других должностей, на которые исключительно назначаются Киргизы»·[2, С. 226]. Исполнять должности надзирателя и учителей должны были сотрудники действительной службы МНП. Надзирателю вверялось заведование школой и надзор за воспитанниками, следить за поведением учеников. Замеченные в «крайнем нерадении, лености в течение нескольких лет» исключались из школы (с разрешения военного губернатора). Устанавливалась единая форма одежды воспитанников с учетом особенностей национальной одежды.

Устав польских женских гимназий и прогимназий, введенный циркуляром МНП в 1866 г., предусматривал должности надзирательниц и классных дам. Надзирательница должна была иметь большой педагогический опыт. Она назначалась в помощь инспектору гимназии, наблюдала за успехами в учебе и нравственностью воспитанниц, следила за порядком в классе. Для наблюдения за нравственностью девочек надзирательнице разрешалось поселять воспитанниц у себя. Она обязательно присутствовала на выпускных экзаменах. Классные дамы избирались из лиц, имеющих звание домашних учительниц. Они были помощницами надзирательницы, присутствовали на уроках, во время перемен были с воспитанницами.

С 1867 г. должности воспитателей, надзирателей были введены в Нижегородском Александровском дворянском институте, в котором большое внимание уделялось воспитанию учащихся во внеурочное время. Повышенные требования предъявлялись к лицам, занимавшимся воспитанием (воспитателям и надзирателям). Допускалось, что воспитателями могли быть лица, окончившие среднее учебное заведение, но это обязательно были люди, показавшие на практике свои педагогические способности. В помощь воспитателям назначались надзиратели. Для обсуждения вопросов воспитания в институте был создан Воспитательный совет, состоявший из директора (инспектора) и всех воспитателей. Воспитателям института выплачивалось жалованье в размере 900 руб. В правах на получение пенсий и пособий воспитатели и надзиратели института были приравнены к учителям уездных училищ.

Уставом Ставропольского женского училища, утвержденным в 1868 г., предусматривалась должность надзирательниц. Они избирались из лиц, имевших аттестаты об окончании среднего женского учебного заведения. Надзирательницы размещались в училищном доме, являлись помощницами начальницы заведения, наблюдали за нравственностью девиц и порядком в классе, выполняли служебные поручения инспектора

и начальницы. В случае болезни начальницы одну из надзирательниц назначали на ее место. Надзирательницы не только следили за нравственностью и поведением девиц, но и обучали их рукоделию.

В апреле 1868 г. МНП издало циркуляр «По делу о домашних наставниках, учителях и учительницах», вносивший изменения в положение 1834 г. В соответствии с этим циркуляром получить звание домашнего наставника (без испытаний) могли выпускники университетов и духовных академий, высших учебных заведений первого разряда. К последним относились Николаевская Академия Генерального Штаба, Михайловская Артиллерийская Академия, Санкт-Петербургская Медико-Хирургическая Академия, Технологический Институт, Императорское Училище Правоведения, высшее отделение Морского Корпуса. Выпускники этих учебных заведений могли быть наставниками и преподавать предметы, записанные в их аттестатах. Такое требование было оправданным, т.к. выпускники этих учебных заведений имели основательные знания, что давало возможность привлекать к воспитанию детей лиц, имевших высшее образование. В названном выше циркуляре МНП отмечалось: «Звание домашнего наставника не есть ученая степень, а означает только первую высшую степень между лицами, занимающимися обучением в частных домах; вторую степень в этом отношении составляют домашние учителя, то есть лица, не имеющие высшего образования. Справедливо ли после этого лиц с высшим образованием, если только они учились не в университетах и духовных академиях, ставить на вторую степень, выше которой они стоят по самому своему образованию, и при том ставить на эту вторую степень не иначе, как по особому испытанию, требуемому не более как в объеме гимназического курса» [3, с. 740].

Циркуляр МНП 1868 г. изменил требование Устава 1864 г., согласно которому учителями гимназий могли быть только лица, окончившие университетский курс, а поэтому они имели право на преподавание в частных домах в качестве домашних наставников. Это давало положительный результат, т.к. в России расширялся круг образованных людей, занимавшихся воспитанием и обучением. В большинстве случаев это были русские люди, уменьшалась потребность в иностранных учителях, у которых ранее не было конкуренции и которым до этого времени отдавалось предпочтение.

С 1868 г. студенты университетов получили возможность пробовать свои педагогические способности в качестве домашних наставников. К ним предъявлялось требование быть благонадежными в нравственном отношении: «Мерилом студента в этом отношении могут служить аттестат о его поведении от того учебного заведения, в котором он прежде обучался, поведение студента в стенах Университета и отсутствие отзывов о его неблагонадежности со стороны местной полиции» [4, С. 747]. К обучению в частных домах, при успешности в учебе и хорошем поведении, допускались также гимназисты трех старших классов. Контроль за нравственностью лиц, допускавшихся к обучению и

воспитанию в частных домах, осуществляли руководители учебных заведений.

В начале 70-х гг. была введена должность наставника в гимназии при Императорском историко-филологическом институте. Утвержденное циркуляром МНП от 07.04.1870 г. «Положение о Гимназии при Императорском историко-филологическом институте» определяло, что данная гимназия является классической и вместе с институтом составляет одно учебно-воспитательное заведение. Студентам четвертого курса института поручалось обучение детей в гимназии тем предметам, к преподаванию которых они готовились в институте. Практическими занятиями студентов руководили наставники. Они определялись директором института и представлялись на утверждение министра народного просвещения. Наставники-руководители приравнивались в правах с инспекторами гимназий, входили в состав педсовета.

Должность наставника была введена в некоторых средних специальных учебных заведениях, например, в Екатериненском учительском институте г. Тамбова (с 1870 г.). В институте и начальном училище при нем было 4 штатных наставника, назначавшихся директором и утверждавшихся в должности попечителем округа. Это были лица православного вероисповедания, получившие образование в высших учебных заведениях (в это учебное заведение принимались молодые люди с 16 лет, решившие посвятить себя учительской деятельности; начиная с 3 года обучения, они под руководством наставников преподавали в начальном училище при институте).

Анализ документов, определявших содержание деятельности наставников в учебных заведениях России до реформы 1871 г., позволяет заключить, что введение должности наставников определялось характером учебных заведений, местными условиями. Главной обязанностью их было воспитание детей, надзор за ними и забота об их развитии.

В начале 70-х гг. XIX в. МНП берет под свой контроль деятельность наставников, надзирателей, воспитателей. Это нашло отражение в документах МНП, содержавших указания о порядке ревизий учебных заведений. В одной из его инструкций этого периода говорилось: «Относительно нравственной части, т.е. надзора за поведением и нравственностью учащихся, ревизор входит в подробное исследование, приняты ли начальством надлежащие для такого надзора меры как во время нахождения учащихся в учебном заведении, так и вне оного, в чем эти меры состоят и не требуют ли изменений и дополнений» [5, с. 316 – 317].

Поскольку в Уставе гимназий и прогимназий 1864 г. не нашли освещения многие вопросы воспитания учащихся, МНП вплоть до принятия нового Устава 1871 г. предпринимало попытки уточнить функции классных наставников и надзирателей, определить важнейшие направления их воспитательной деятельности. Так, за несколько месяцев до утверждения нового Устава (1871 г.) МНП в одном из своих циркуляров обратило внимание руководителей гимназий, прогимназий на

необходимость усиления воспитательной работы, в частности, на то, что «начальники обязаны постоянно указывать учителям на неразрывную связь между преподаванием и воспитанием и требовать, чтобы этою связью определялись все отношения учителей к ученикам» [6, С. 103]. Далее в циркуляре разъяснялось, что классный наставник должен быть руководителем и воспитателем всех учеников своего класса и каждого из них в отдельности. Поэтому он обязан внимательно наблюдать за развитием каждого ученика, изучать и знать его склонности и способности, прилежание и успехи, развивать у него чувство чести, уважение к закону, воспитывать любовь к царю и отечеству, укреплять религиозность [7, С. 104 – 105].

В упомянутом документе МНП сделана попытка раскрыть некоторые важные аспекты воспитательной деятельности классного наставника и подчеркнута его обязанность выполнять функции координатора воспитательных воздействий на учеников со стороны всех учителей, работающих в данном классе. «Классный наставник, – указывал министр в циркуляре, – должен пользоваться полным доверием и любовью своих учеников, так, чтобы они во всем, что подлежит ведению учебного заведения, прежде всего обращались к нему за советом и наставлениями; но при этом он должен твердо помнить, что такое доверие, любовь и уважение могут быть приобретены им лишь в том случае, если он будет постоянно руководствоваться непритворным желанием приносить им истинную пользу, не щадя своих трудов, и что дети любят наставников строгих и твердых, но доброжелательных и справедливых» [8, С. 105 – 106]. Указывалось также, что классный наставник обязан представлять педсовету отчет об умственном и нравственном развитии учащихся своего класса и выносить на его обсуждение и разрешение те вопросы, при решении которых встретились затруднения.

Развитие института классных наставников затруднялось на местах чрезмерными требованиями к этим должностным лицам со стороны некоторых руководителей учебных заведений. В этой связи министр разъяснял, что от классных наставников «нельзя требовать ни безотлучного пребывания в заведении во все классное время, ни поочередного дежурства по целому заведению в классное ли время или в то время, на которое в наказание задерживаются ученики, не приготовившие своих уроков, ни срочного посещения учеников на их квартирах или даже в домах их родителей и родственников, ни срочного представления обширных письменных отчетов о наблюдениях классных наставников относительно каждого ученика в отдельности, и что вообще следует требовать от них как можно менее всякого рода формальностей, а как можно более действительного наблюдения за ходом учебно-воспитательного дела в классе и содействия умственному и нравственному преуспеянию учеников» [9, С. 119]. Данное разъяснение способствовало устранению перегрузки в работе классных наставников и повышению ее эффективности.

Таким образом, в первой половине XIX в. воспитательный процесс ставился под жесткий контроль государства. Благодаря деятельности

классных наставников, классных надзирателей и воспитателей МНП осуществляло опеку над школой.

ЛИТЕРАТУРА

1. По поводу нового Устава гимназий и прогимназий // ЖМНП. – 1864. – № 12. – С. 1 – 99.
2. Сборник постановлений по МНП. Т. 4. – СПб., 1871. – С. 226.
3. Там же. С. 740.
4. Там же. С. 747.
5. Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Московского учебного округа за 1871 – 1895 годы. – М., 1895. – С. 316 – 317.
6. Там же. С. 103.
7. Там же. С. 104 – 105.
8. Там же. С. 105 – 106.
9. Там же. С. 119.

УДК 37

ВЛИЯНИЕ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Радченко В. А.

THE INFLUENCE OF PRIVATE AND PUBLIC CHARITY ON DEVELOPMENT OF RUSSIAN SYSTEM OF EDUCATION IN THE MIDDLE OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Radchenko V. A.

Статья посвящена раскрытию проблемы влияния частной и общественной благотворительности на развитие системы отечественного образования. Показано, что к концу XIX – началу XX вв. в России существовали благотворительные заведения, занимавшиеся приютом, воспитанием и образованием детей бедных родителей и сирот. Охарактеризована деятельность частных лиц и благотворительных обществ и учреждений, помогавших воспитывать и обучать, готовить к самостоятельной жизни воспитанников, делавших все необходимое для воспитания полноценных и полноправных членов общества.

The article is devoted to the disclosing of the problem of the influence of private and public charity on development of the national system of education. There is shown that by the end of the XIX – the beginning of the XX centuries in Russia there were the charitable institutions which were engaged in a shelter, upbringing children

and from poor families and orphans and giving them education. There is characterized activity of people, charitable societies and establishments, witch are helping to bring up and train, prepare pupils for there independent life, doing all necessary for arising full members of society.

Ключевые слова: благотворительность, система образования, частные пожертвования, школа, гимназия, училище, меценат.

Keywords: charity, education system, private donations, school, gymnasium, school, patron.

Положение крестьянских детей-сирот в русских деревнях конца XIX в. было очень тяжелое, так как общественное призрение в сельских местностях еще отсутствовало. В крестьянских обществах существовало три формы призрения круглых сирот: 1) введение прокормления детей в обязанность их опекунам; 2) кормление сирот «подворно» – по очереди; 3) отдача их на прокормление за плату – с аукциона, кто дешевле возьмет. Все три способа оказывались неэффективными. При введении прокормления детей в обязанность их опекунам (ближайшим родственникам) к совершеннолетию даже состоятельных сирот от их имущества обычно ничего не оставалось. Бедные опекаемые, попавшие к богатому опекуну, выполняли черную работу в любую погоду, а кормили опекаемого после всех тем, что останется. Если опекаемый попадал к бедному опекуну, то его совсем не кормили – он жил где попало, спал на голых досках, питался тем, что сам добывал [7, С. 5].

Первые образовательные учреждения появились в России под покровительством церкви: церковно-приходские школы и приходские училища; первые детские сады, ясли, прогимназии, гимназии, многие профессиональные училища, школы для взрослых начинали свое существование в домах частных лиц, постепенно образовав систему народного образования, внешкольного воспитания и культурного просвещения [8, С. 76].

Одним из факторов, способствовавших развитию благотворительности в области народного образования, была наглядная польза даже самых малых пожертвований, дававшая ощущение собственной моральной правоты и самоуважения у жертвователей любого масштаба, а также высокая моральная оценка такого рода благотворительности, присущая всем кругам тогдашнего общества[11, С. 61].

Обращает внимание огромное количество пожертвований в память близких людей. Считалось, что связать имя дорогого человека с возможностью для кого-то получить образование есть лучший способ обеспечить ему долгую и благодарную память. Так, в 1870 г. государственный чиновник и помещик Г. П. Галаган в память о единственном сыне Павле, умершем на шестнадцатом году жизни, учредил в Киеве на собственные средства воспитательное заведение. Григорий Павлович писал, что в своих бедах видит единственное спасение и облегчение как исполнение долга, по велению его совести по

отношению к усопшему, что дело его должно состоять в продолжении на земле, пока суждено ему жить, того добра, которое, делал бы его сын, который остановился на пути своего образования с полным к нему рвением и с искренней любовью к ближнему. Поэтому он хотел, чтобы нуждавшиеся в средствах продолжали то, что не смог закончить его сын.

Самых больших средств требовало открытие учебных заведений. Меценаты учреждали в основном начальные учебные заведения, потребность в которых была особенно велика. Например, М. М. Дундукова-Корсакова в 1862 г. в с. Бурегах Порховского уезда Псковской губернии организовала общину, в которой велось обучение детей и оказывалась крестьянам медицинская помощь [9].

Купцы и промышленники XIX – XX вв. часто совершали денежные и имущественные вложения в сферу образования. Например, А. А. Репников, являясь купцом, почетным гражданином, меценатом и филантропом, владел несколькими мануфактурными магазинами г. Царицына, был бессменным членом Попечительского совета Царицынской женской гимназии, членом уездного училищного совета и Саратовской ученой архивной комиссии, непосредственным организатором создания краеведческого музея на базе оборудованного с его участием Дома науки и искусства. Он оказывал помощь начальным городским школам, одной из которых в 1911 г. было присвоено его имя. Кроме того он устраивал концерты в пользу Общества помощи бедным учащимся народных школ города. По мнению Б. Ю. Борисова, это классический тип купца-благотворителя рубежа XIX – XX вв. [1, С. 178].

От купечества старались не отстать и другие сословия: мещане и ремесленники. В 1840 г. в Москве открылась богадельня Мещанского общества, а в 1866 г. на территории богадельни было основано училище-приют с ремесленными классами, названное Александро-Мариинским, куда принимались дети бедных мещан в возрасте от 8 до 10 лет. Обучение велось по программе начальных училищ. Кроме того дети обучались различным ремеслам. На 1 января 1900 г. в училище воспитывались 251 мальчик и 209 девочек [5, С. 223].

Частные пожертвования делались как частным, так и государственным учебным заведениям. Так, Екатеринбургская гимназия с благодарностью принимала любые взносы. Г. В. Кондратьева отмечает, что в 90-е гг. частные лица жертвуют деньги и на музыкальные инструменты, и на ремонт в пансионе (купец Ф. А. Злоказов в 1894 г. – 325 руб., Я. Н. Бурлаков в 1895 г. – 250 руб.), и на ученическую библиотеку (В. Я. Атаманов в 1891 г. – 100 руб., В. А. Поклевский-Козелл в 1897 г. – 10 руб.). Самыми щедрыми жертвователями в это время были И. И. Симонов и Д. П. Соломирский. Будучи Почетными Попечителями гимназий – первый в 80-х гг., второй в 90-х гг., – они тратили очень значительные суммы на нужды гимназии, сверх ежегодных 1,2 тыс. руб., обусловленных должностью. Исключительно за свой счет они часто брали производство ремонта, что стоило иногда до 2,4 тыс. руб. (в 1887 и 1900 гг.).

Частные пожертвования в сферу просвещения необязательно направлялись непосредственно в учебные заведения. Важно было, по словам П. Ф. Каптерева, чтобы весь народ был образованным, а вся Россия была просвещена школой и учением. Этим, в частности, занимался Санкт-Петербургский комитет грамотности, основной задачей которого была рассылка книг для школ и библиотек. Его деятельность стала возможной только благодаря частным дарениям. Так, городской голова М. Ермаков пожертвовал в 1865 г. 300 рублей. Многие дарили свои книги. Например, известный деятель просвещения И. И. Паульсон в течение своей жизни собрал прекрасную педагогическую библиотеку, так как еще в молодости он положил за правило 10% от своих гонораров выделять на покупку книг. Свое богатейшее собрание И. И. Паульсон завещал Публичной библиотеке Петербурга. А бывший преподаватель истории, Николай Иванович Кареев, передал в ученическую библиотеку Московской 111 гимназии богатое собрание исторических сочинений [9].

Вклад в развитие образования вносили и представители бедных слоев населения. Так, в 1894 г., по призыву земского начальника, крестьяне Шадринского уезда Пермской губернии основали в селе Белоярском детский приют для сирот. Сельчане согласились вносить на его содержание по 3 коп. с души, что составляло около 400 руб. в год. К финансированию приюта вскоре присоединилось уездное земство. На собранные деньги был построен и оборудован инвентарем дом. Дети получали здесь начальное образование и навыки почти всех крестьянских ремесел: мальчики обучались сапожному, переплетному и шорному делу, прядению ниток, плетению циновок, корзин, шляп; девочки – кройке, шитью, ткацкому и белошвейному ремеслу, ведению домашнего хозяйства. В 1896 г. деятельность приюта была поддержана Министерством земледелия и государственных имуществ. По докладу министра, приюту выделили 46 десятин земли и материалы для строительства летнего домика. Целью приюта было не только обучение детей приемам ремесла и сельского хозяйства, но и передача им новых знаний и технологий [6, С. 128].

Приюты середины XIX – начала XX вв., имея одинаковые цели, значительно отличались друг от друга. Во-первых, своей внешней обстановкой: одни были бедны, тесны, запущены, а другие хорошо обставлены, просторны, опрятны, а иногда даже роскошны. Во-вторых, одни призревали детей до 12 – 13 лет с дальнейшим устройством на работу, а другие только в 18 лет отпускали молодых людей с определенной суммой денег в самостоятельную жизнь. В-третьих, приюты отличались уровнем профессиональной подготовки детей и их содержанием [4, С. 145].

В Курской губернии в 1874 г. была открыта Белгородская мужская гимназия им. Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского, в 1908 г. – Грайворонская мужская гимназия. Учебная материальная база этих гимназий поддерживалась за счет благотворителей и частных пожертвований. Кроме того большую благотворительную работу

проводили педагогический и попечительский советы гимназий. В Грайворонской мужской гимназии в 1916 г. после проведения литературно-музыкального вечера часть собранных денег было решено передать в расположение родительского комитета (всего собрали 850 руб. 67 коп., из них 450 руб. передали родительскому комитету). Остальные деньги были переданы в ведение общества пособия бедным ученикам гимназии. Что же касается женских гимназий Курской губернии, то и в них отразились традиции мужских гимназий. В 1861 г. была открыто первое женское учебное заведение Курской губернии – Мариинская гимназия. В 1870 г. в г. Грайвороне открылась женская пятиклассная прогимназия, в 1880-х в Курске открылись две женские прогимназии, а также в 1899 г. в г. Щигры – еще одна женская прогимназия, которая находилась на попечении Харьковского учебного округа. Все эти прогимназии вскоре были преобразованы в гимназии. Женские гимназии открывались на пожертвования и были всесословными, причем Курская губерния по личным пожертвованиям на нужды народного образования середины XIX – начала XX вв. занимала одно из первых мест.

Выпускники курских гимназий легко поступали в ведущие университеты страны. Так, в середине XIX в. в Курской мужской гимназии (открытой в 1808 г.) обучались П. И. Котельников, будущий профессор Казанского университета, А. С. Венедиктов, И. А. Свиридов, Н. К. Зарубин, ставшие впоследствии профессорами Харьковского университета. Также в этой гимназии обучались такие видные деятели, как С. А. Лавочкин – авиаконструктор, М. И. Гуревич – один из создателей самолета «МИГ», А. Г. Уфимцев – талантливый изобретатель, В. В. Алехин – академик – и другие. Курскую Мариинскую женскую гимназию окончила С. М. Переяславцева – первая женщина-биолог с мировым именем [3].

В дореволюционной России было немало школ, основанных частными лицами или инициативными группами. Организаторы частных школ ставили перед собой разные цели. Для одних они были предприятием откровенно коммерческим, другие руководствовались благотворительными устремлениями, третьи искали возможность реализовать свои новаторские идеи, что неосуществимо в казенных школах. Когда энергичному, умелому, творчески мыслящему учредителю удавалось собрать и сплотить коллектив единомышленников, частная школа становилась образцовым учебным заведением, получала общественное признание.

На рубеже XIX – XX вв. растущая потребность в знающих, энергичных, инициативных деятелях в сфере торговли и промышленности, управления, науки и культуры пробудила широкую общественную инициативу. На крупные пожертвования промышленников было основано несколько прекрасно оборудованных по тем временам школ с высококвалифицированным учебным персоналом. Здесь предусматривалось все возможное для полноценного умственного, физического и эстетического обучения, воспитания и развития учащихся.

В Москве такими школами стали: мужские гимназии им. Ивана и Александры Медведниковых, им. Григория Шелапутина; а в Петербурге — Тенишевское училище, открытое как общеобразовательная школа на средства крупного предпринимателя, ученого и мецената князя В. Н. Тенишева, но вскоре перешедшее в ведомство Министерства финансов (затем торговли и промышленности) и получившее статус коммерческого училища [10].

В 1851 г. супругой тайного советника О. Н. Талызиной было основано Мариинское училище, которое было Хамовническим учебным заведением для благородных девиц. В 1856 г. училище было объединено с Ермоловским приютом, учрежденным в 1845 г. Е. К. Ермоловой в честь мужа, и получило название Мариинско-Ермоловского училища. А в 1869 г. было снова переименовано в Мариинское училище в память о вдове генерал-майора М. В. Талызиной, пожертвовавшей на учреждение и содержание приюта около 25 тыс. руб. С 1864 г. попечительницей Мариинского женского училища была М. А. Нейдгарт, при ней училище стало одним из солидных заведений [2, С. 63].

По мнению Б. Ю. Борисова, стремление людей в середине XIX – начале XX вв. к высоконравственной жизни, следование морали общества, в которой одно из главных мест занимала идея любви к ближнему, помощи нуждавшимся, обусловили сохранение и укрепление духовных и нравственных основ благотворительности в образовании в качестве постоянных факторов. Во всей последующей истории благотворительности в процессы укрепления и расширения связей общества и сферы образования включались самые разнообразные факторы, и они играли определенную роль в становлении современной системы образования. Однако духовная составляющая всех направлений, методов и форм благотворительности в них непременно присутствовала, обращая их вместе с тем в факторы воспитывающие, в факторы просветительские. Эта сторона благотворительных актов не менее важна, чем сторона материальная [1, С. 179].

Таким образом, частная и общественная благотворительность рубежа XIX – XX вв. повлияла на формирование системы отечественного образования. Люди всех сословий вносили свой вклад в развитие образования благотворительными пожертвованиями в образовательные учреждения. Так, к началу XX в. обучение в школах стало более доступным для бедных слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Б. Ю. Духовно-нравственные основы благотворительности и попечительства русского купечества в отечественном образовании // Человек и образование. – 2009. – № 3. – С. 177 – 179.

2. Благотворительные учреждения России. Отд. 1. – СПб.: Тип. Имп. Уч-ща глухонемых, 1912. – 122 с.

3. Ветчинова М. Н. Гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Педагогика. – 2008. – № 3. – С. 80 – 85.

4. Вирениус А. Значение учебно-воспитательных заведений в деле нравственного воспитания // Трудовая помощь. – 1899. – № 7. – С. 145 – 171.

5. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. – М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2001. – 303 с.

6. Дашкевич Л. А. Мариинские заведения детского призрения на Урале в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. – 2011. – № 2. – С. 122 – 130.

7. Залеский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1916. – 714 с.

8. Иванова Н. П. Генезис благотворительности в России // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2000. – № 2. – С. 75 – 83.

9. Кондратьева Г. В. Частная благотворительность в сфере просвещения (XIX в.) // Педагогика. – 2002. – № 9. – С. 83 – 87.

10. Михайлова М. В. Частные школы дореволюционной Москвы // Педагогика. – 1998. – № 1. – С. 86 – 93.

11. Соколов А. Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб.: Лики России, 2005. – 113 с.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

Скнарина И. И., Беляева Н. А.

ENGLISH LANGUAGE COMPETENCE FOR UNIVERSITY STUDENTS IN SCIENCE

Sknarina I. I., Belyaeva N. A.

В данной работе анализируется понятие «иноязычная компетенция». Выявляется актуальность данного понятия с точки зрения ведущих ученых в области методики преподавания иностранного языка. Проводится анализ понятий «компетентность» и «компетенция». Рассматриваются проблемы формирования иноязычной компетенции у студентов естественнонаучных специальностей неязыковых вузов. Предлагаются способы формирования данной компетенции с учетом опыта авторов.

There is analyzed the statement of «foreign language competence» and there is revealed its importance considering the views of outstanding scholars in English language teaching. Language ability and language competence are defined. Some issues

of improvement of student's language ability are presented in the paper. Authors' teaching experience is key factor in the discussion.

Ключевые слова: иноязычная компетенция, компетентность, профессиональная деятельность, иноязычное общение, языковые и речевые навыки.

Key words: language competence, language ability, language development, speaking skills.

За последние годы роль иностранного языка в российском обществе существенно изменилась: значительно повысился его статус. С одной стороны, его стали рассматривать как средство обеспечения успешной жизнедеятельности людей в социуме, а с другой стороны – иностранный язык стал одним из важных и весомых факторов культурного и социального развития личности. В процессе овладения иностранным языком возможно понимание различия между родной и иной культурой, что приводит к формированию межкультурно-ориентированной личности и позволяет избежать проблем в иноязычном общении. А также такая межкультурная коммуникация способствует успешному развитию специалистов в сфере своей профессиональной деятельности.Изменение позиций иностранного языка в обществе повлекло за собой ряд обновлений в процессе обучения: пересмотр целей обучения и программ, внедрение инновационных методов, совершенствование приемов, необходимых для личностного развития обучаемого.

Конечным «продуктом» любого вуза общество хочет видеть специалиста с соответствующим уровнем профессионализма не только в своей сфере труда, но и с достаточно высокоразвитой иноязычной компетентностью. То есть выпускник вуза должен владеть иностранным языком на таком уровне, который позволит ему активно и свободно использовать его в сфере своей профессиональной деятельности.

Рассматривая проблему формирования иноязычной компетенции, обнаружено, что наряду с понятием «компетентность» используется и понятие «компетенция». Возникает вопрос: одинаковы ли понятия «компетентность» и «компетенция»?

В толковом словаре под редакцией Д. И. Ушакова видны различия между понятиями компетентность и компетенция: «К*омпетентность* – осведомленность, авторитетность; *компетенция* – круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом, кругом полномочий» [7]. Однако существует такая точка зрения, что на данном этапе развития педагогической науки не существует точного определения этих понятий. Ученые объясняют эти понятия по-разному, но сводятся к одному: компетенция (от лат. competere – соответствовать, подходить) – это личностная способность специалиста (сотрудника) решать определенный класс профессиональных задач. Различают несколько видов компетенций в методике: учебно-познавательную, информационную, коммуникативную. А компетентность – это

совокупность компетенций; наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной предметной области.

Проблема языковой компетенции возникла в начале XX в. и интересует многих методистов в настоящее время. По мнению Н. Хомского, в «ее основе лежат врожденные знания основных лингвистических категорий (универсалий) и способность ребенка «конструировать для себя грамматику» – правила описания предложений, воспринимаемых в языковой среде» [8]. А именно в основу этого термина легло интуитивное восприятие и продуцирование речевых моделей говорящим, что вызвало немалую критику в отечественной методологии, в которой языковая компетенция (или языковая способность) представлена как «совокупность конкретных умений, необходимых члену языкового сообщества для речевых контактов с другими и овладения языком как учебной дисциплиной» [3].

Например, в работе Л. М. Митрофаненко иноязычная компетенция подразумевает «знания о системе изучаемого языка, которые реализуются посредством формирования языковых и речевых навыков использования необходимой лексики, продуцирования самостоятельного устного и письменного высказывания и адекватного участия в иноязычном общении» [6].

Компетенции, по Зимней, – это «некоторые внутренние потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях» [5].

Таким образом, иноязычная компетенция включает владение иностранным языком на соответствующем уровне в рамках тем, предусмотренных программой неязыкового вуза на базе повседневной и профессиональной лексики. В основе любой компетенции лежат знания и умение их использовать, они всегда сопряжены с психологической готовностью к сотрудничеству в процессе решения различных проблем, с наличием установок и качеств личности. А коммуникативная компетенция – это способность и готовность осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями языка в заданных стандартом пределах, что предусматривает формированность языкового, речевого, социокультурного, компенсаторного и учебного компонентов.

Формирование иноязычной компетенции является сложным процессом в неязыковом вузе по ряду причин: недостаточное количество часов, отводимых на дисциплину «Английский язык», загруженность студентов профилирующими предметами, недостаточная мотивация; а также отсутствие целостного похода к обучению иностранному языку и его отрыв от профессиональной подготовки будущего специалиста. Существующие стандарты высшего профессионального образования нового поколения выдвигают достаточно высокие требования к уровню владения студентами естественнонаучных специальностей иностранным языком, а именно: не только умение добывать необходимую информацию,

но и способность к осуществлению межличностного общение на иностранном языке. Поэтому ведущие вузы страны выбрали программу курса «Профессиональный язык» («English for Specific Purposes») как способ улучшения сложившейся ситуации.

В решении вышеперечисленных проблем определенная роль отводится самостоятельной работе студентов, которая непосредственно связана с их аудиторной деятельностью. Разработка и внедрение отечественных учебников нового поколения именно для студентов неязыковых вузов рассматриваются как непременное условие оптимизации процесса обучения иностранному языку, которое позволит создать благоприятную почву для развития иноязычной компетенции.

По мнению Г. С. Архиповой, модель формирования иноязычной компетентности будущего специалиста естественнонаучного профиля учитывает специфику процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе и основывается на следующих «*педагогических условиях*: поэтапности формирования иноязычной компетентности; погружении в аутентичную среду посредством проведения конференций, «круглых столов» с носителями языка, ролевых и деловых игр, чтения оригинальной литературы; интеграции иностранного языка со специальными дисциплинами в процессе освоения профессиональной лексики; интенсификации процесса формирования иноязычной компетентности» [2].

Поэтому при разработке учебных планов аудиторной и самостоятельной работы особое внимание уделяется блочно-модульной системе, что позволяет формировать умения и навыки поэтапно.

Учебно-тематические планы предполагают наличие вводно-корректива курса, а в дальнейшем соблюдается принцип «от простого к более сложному», что позволяет студентам преодолеть трудности в изучении иностранного языка и повысить мотивацию. В связи с этим меняется и роль преподавателя неязыкового вуза: ему необходимо не только дать студентам языковую подготовку, но и сориентировать их на практическое использование иностранного языка за пределами аудитории: в бизнесе, технике и науке.

Иноязычная компетенция формируется более эффективно в равноправном сотрудничестве, активном поиске, в решении поставленных задач и достижении значимых целей. Поэтому преподаватели стремятся подобрать задания проблемного характера, которые вовлекают студентов с разным уровнем владения языком, побуждая их высказываться по данной проблеме в микрогруппах. К этому виду упражнений мы относим поисковые задания: по обмену и сбору информации, задания на прогнозирование, которые способствуют развитию речемыслительной деятельности студентов и сочетанию ранее накопленного опыта с творчеством.В процессе формирования иноязычной компетенции особую ценность имеют проблемные речевые ситуации. Студентам предлагаются ситуации, которые продиктованы реальными жизненными условиями: например, День открытых дверей в университете, подача документов в зарубежный вуз, обсуждение доклада на научной конференции или поиск

нужной информации в Интернете. Такие задания способствуют развитию навыков практического применения знаний, помогают развивать самостоятельность и проявлять собственную инициативу. По мнению Н. И. Гез, «ситуация ролевого общения является стимулом к развитию спонтанной речи, если она является связанной с решением определенных проблем и коммуникативных задач» [4]. Такой вид работы направлен как на развитие мыслительной деятельности, так и на преодоление психологического барьера во время коммуникации.

Студентам вузов и выпускникам приходится работать с большим объемом научной и профессиональной литературы на иностранном языке. Поэтому иноязычная компетенция формируется и в таких видах деятельности, как составление реферата, аннотации и резюмирование текста. Известно, что реферат – это краткое изложение содержания текста. Аннотация в отличие реферата дает самое общее представление о содержании материала на определенную тему. Резюмирование текста представляет собой анализ текста кратким изложением содержания и выделение основных информационных блоков. Резюмирование также включает высказывание своего мнения и оценки о прочитанном. Этот вид деятельности достигает наибольшего эффекта тогда, когда предлагаемый материал побуждает студентов к анализу полученной информации, к поиску необходимой аргументации, к обобщению информации, полагаясь на свой жизненный опыт.

Владение информационными технологиями расширяет «возможности в совершенствовании иноязычной компетенции» [1]. Power Point презентации являются основательным ресурсом для повышения мотивации и совершенствования речевой деятельности на иностранном языке. Необходимым аспектом этой деятельности является подготовительный этап – самостоятельная работа студентов по сбору, анализу, отбору материала и его представление в аудитории. Наряду с формированием иноязычной компетенции этот вид деятельности способствует развитию ряда других. Иноязычная компетенция здесь выступает как «синтез лингвистической, социокультурной и предметной компетенций». Всю информацию о своей квалификации, достижениях и опыте в изучении иностранного языка студенты накапливают в так называемом языковом портфеле, который получает все большее распространение в системе языкового обучения.

Это пакет документов, в котором каждый изучающий иностранный язык представляет собранные за определенный период времени свидетельства своей деятельности, включая образцы самостоятельной работы. Таким образом, языковой портфель – шаг к самостоятельному мышлению, самоанализу и самооценке, что приводит к совершенствованию иноязычной компетенции.

Таким образом, иноязычная компетенция для будущего профессионала значима. Именно она дифференцирует его от других специалистов, является критерием интеллектуальной личности и расширяет круг профессиональных возможностей, что позволит ему стать конкурентоспособным на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко А. С. Формирование иноязычной профессиональной компетенции студентов-бакалавров на основе чтения научно-технических текстов // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в школе и вузе. – Пенза, 2003. – С. 168 – 170.
2. Архипова Г. С. Формирование иноязычной компетентности будущего специалиста. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Чита, 2006. – С. 15.
3. Божович Е. Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. – М., 1997. – № 1. – С. 33.
4. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингвистика и методика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 336.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия [Текст] / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – С. 22.
6. Митрофаненко Л. М. К вопросу о формировании иноязычной компетенции студентов неязыкового вуза // Материалы XIII научно-технической конференции // Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону. Т. 2. – 2009. – С. 181.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. Д. И. Ушакова. – М., 1935.
8. Хомский Н. Язык и мышление – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1972. – С. 122.

ПРАВО

УДК 34

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ. ЕЕ СПЕЦИФИКА, МАСШТАБЫ И УГРОЗЫ

Бирюков А. В.

MODERN RUSSIAN CORRUPTION. ITS SPECIFICS, SCALES AND THREATS

Biryukov A. V.

В статье приведена развернутая система политических, экономических, правовых и иных деструктивных последствий коррупции. На основе их сравнительного анализа автор статьи предлагает сосредоточить основное внимание антикоррупционного противодействия на коррупционной толерантности общественного мнения. Сделаны выводы о том, что главная роль должна быть отведена развитию, воспитанию и просвещению общественного мнения. Коррупция должна стать не только невыгодной, преступной, но она должна восприниматься неприличной, неэтичной, антинациональной и антинародной.

There is given analysis to developed destructive system of corruption in politics, economy and low. On the basis of their comparative analysis the author of article suggests to concentrate the main attention of anti-corruption counteraction on corruption tolerance of public opinion. Conclusions that the leading part has to be assigned to development, education and public opinion are drawn. Corruption has to become not only unprofitable, criminal, but it has to be perceived indecent, unethical and anti-national.

Ключевые слова: искусственные потребности, рост ценообразования, легализация организованной преступности, коррупционная толерантность.

Keywords: artificial requirements, pricing growth, organized crime legalization, corruption tolerance.

Современная коррупция приняла угрожающие формы. Она охватила буквально все страны и континенты, представляя собой всеобщую, универсальную проблему, в первую очередь, для граждан-налогоплательщиков как потребителей жизненных, самых элементарных благ существования. Поскольку именно им, в конечном счете, регулярно и непреодолимо приходится платить коррупционную «наценку», которую, естественно, перекладывает на плечи конечного потребителя изготовитель и продавец любого товара, выступая вместе с тем инициативным или вынужденным взяткодателем.С точки зрения автора данной статьи, в настоящее время проблема коррупции занимает одно из ведущих мест в мире и, наряду с военизированной глобализацией, продовольственной, экологической, демографической и другими мировыми проблемами современности, носит угрожающий характер для дальнейшего развития земной цивилизации.

Ее катастрофическое для мирового сообщества развитие определяет политические кризисы Италии и Испании, оказывает тормозящее влияние на развитие экономики Китая и Сингапура, усугубляет потребительские традиции финансового развития США и Англии. Отсюда повышенное внимание проблеме коррупции, высокая степень разработанности стратегии и тактики противодействия коррупции. Ей уделяется особое внимание со стороны верховной власти России. При этом бросается в глаза и представляется особо опасным то, что коррупционная инициатива чаще всего исходит от должностных лиц, призванных как раз бороться с преступностью. А потенциальными взяткодателями выступает подавляющее число граждан России, одни – в качестве активных взяточников, другие – в качестве пассивных, идущих на преступление под воздействием разных форм вымогательства со стороны должностных лиц, третьи – в качестве равнодушных наблюдателей совершающегося на их глазах и за их счет тяжкого преступления.

Отсюда для понимания сущности коррупции и эффективного противостояния ей важно не упускать из вида коррупциогенное отношение «гражданин – должностное лицо», где одна сторона добивается демократического, справедливого и свободного общения с

уполномоченными представителями государства, а другая сторона ищет частной выгоды. Поэтому в Послании Президента РФ Федеральному Собранию особо подчеркивается, что для такого общества враг номер один – это коррупция. Устранение ее причин предполагает совершенствование государственного и хозяйственного механизмов. «Сейчас уже вносятся изменения в законы, регулирующие деятельность сотрудников таможни и органов внутренних дел, прокуратуры и Федеральной службы безопасности, судей и служащих аппаратов судов, органов государственной власти, муниципальных органов. Крайне важно и то, что антикоррупционная работа строится на использовании мер предупреждения, на создании атмосферы «невыгодности» коррупционного поведения» [1, С. 4 – 5]. Анализу современной коррупции посвящена огромная литература. Однако пока что положительных результатов ни указы и постановления, ни теория противодействия коррупции не дает. В итоге формируется аргументированный отказ от теоретического осмысления данного явления, с заменой идеализированной теории совершенствованием практики. «За эти годы, – подчеркивает В. В. Лунеев, – все правильные слова о коррупции уже сказаны, необходимые документы многократно разработаны и переработаны, опыт других стран, где успешно борются с коррупцией, изучен. И поэтому ничего нового сказать или предложить уже невозможно. Интеллектуальные возможности исчерпаны» [2, С. 20]. И с этим следует согласиться, но для успешно нанесения основного удара необходимо определить его направление.

Целью статьи является определение специфики российской коррупции, исчисление ее масштабов и реальных угроз. Задачами, подлежащими решению, выступает выявление приоритетов определяющего влияния на ее развитие со стороны исторически сложившихся институтов, толерантности к нему общественного мнения или законодательной мягкости и законоисполнительной выборочности в деятельности правоохранительных органов. И далее, распределение наличных средств для нанесения решающего удара.

Решение этих задач предполагает формирование антикоррупционных приоритетов. В итоге должен быть сформулирован ответ на вопрос, что должно быть поставлено во главу угла антикоррупционного противодействия: развитие национального менталитета до уровня принципиальной нетерпимости общественного мнения к коррупции как патологии гниения, разложения или должен быть сделан акцент на укреплении специальных институтов (комитетов, комиссий, чрезвычайных учреждений)?

Или, наконец, особое внимание следует уделить строгости и особой ответственности законотворчества, ясности и содержательности всеохватывающего содержания правовых актов, простоте в понимании и исполнении правовых норм. Представляется, что установление антикоррупционных приоритетов должно внести порядок в практику борьбы с этим злом и от ее имитационных форм перейти к делу.

В постоянно меняющемся списке из 90, затем 159 стран, тестированных международной неправительственной организацией «Transperensi International» на коррупцию, Россия занимает соответственно 83 и 126 место. По мировым стандартам, индекс восприятия коррупции [ИВК] России равен 2,4 балла из 10 возможных, которыми располагают Дания, Финляндия, Норвегия и другие страны. В 2000 г. по уровню коррупции Россия находилась на 82-й позиции, в 2007-м – на 143-й [3]. В настоящее время уже в изменившемся исчислении в ИВЦ от «0» до «100 баллов», согласно установившемуся рейтингу, Россия занимает 147 место наряду с Бангладеш, Кенией, Сирией, еще хуже дела у Таджикистана, Белоруссии, Лаоса.

«Ежегодный ущерб от коррупции в экономике составляет 40 млрд рублей, – свидетельствует информация МВД России. – При этом данная проблема касается не отдельных бизнесменов, а большинства россиян – согласно опросам, 70 проц. граждан сталкивались с вымогательством взяток» [4]. Данный процесс особенно захватил сферу предпринимательства, не давая возможности развиваться здоровому, конкурентоспособному бизнесу и усугубляя криминальный имидж предпринимательства как такового.Тем самым Россия не просто коррумпированная страна, но опасно зараженное общество, требующее повышенного внимания со стороны относительно здорового мирового сообщества. «Коррупция, – отмечает представитель Всемирного банка Дж. Стиглиц, – принимает самые разнообразные формы, а значит, при борьбе с ней приходится действовать сразу по нескольким направлениям. Как можно ополчаться на случаи нецелевого использования сравнительно небольших сумм в слабых и бедных странах и при этом не замечать примеров широкомасштабного перекачивания государственных ресурсов из государственного кармана в частные, таких, скажем, как в России при Борисе Ельцине?» [5].

Коррупция выступает формой производства суперприбыли, паразитирующей на здоровом производстве. Когда же его становится все меньше, съедаемого коррупцией, то начинается своеобразная конкуренция между уродливо развивающими коррупционными областями и сферами. В ФЗ № 273 «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. коррупция определена как преступное деяние должностного лица, злоупотребляющего служебным положением, полномочиями. Подчеркнуто, что такое использование осуществляется вопреки законным интересам общества и государства, с целью получения выгоды в виде денег, ценностей и услуг имущественного характера [6].

В экономической сфере угрозы коррупции выступают, во-первых, извращением механизма ценообразования, когда «легкие» деньги легко отдаются коррупционерами за пустячную работу и тем самым, во-вторых, провоцируется искусственный рост цен, развивается опасность коррупционной инфляции. В-третьих, центр тяжести в экономике перемещается на производство высоко востребованных коррупционерами

предметов искусственно выработанной потребности в дорогостоящих развлечениях, азартных играх, наркотиках.

Естественная потребность в недорогих средствах первой необходимости, продуктах питания, жилья и т.д. заменяется изощренными и гибельными для здорового развития общества «модными» потребностями в дорогостоящих товарах и услугах, участиях в конкурсах, лотереях. Происходит коренная ломка творчески производительного образа жизни на потребительский образ. Деньги превращаются из универсального средства обмена товара в самоцель-товар. Что за этим следует, видно из условий финансового кризиса, разразившегося в конце 2008 г. под эгидой супердержавы-потребителя и соответственно триллионного супердержавы-должника США.

В политической сфере угрозы коррупционной практики непоправимы. Они, прежде всего, встают перед самим поддавшемся коррупционному соблазну политическим деятелем, продажность которого обязывает его быть послушным слугой денежного мешка. Вместе с тем она парализует политическую конкуренцию, подменяет процесс политики как реализации национальных интересов процессом политиканства, за которым скрывается частный интерес покупателя политических услуг. Заканчивается такой спектакль обычно мировой, в лучшем случае локальной войной. В настоящее время это войны «демократизации» Югославии, Ирака, Сирии.Особенно опасно, когда коррупция проникает на верхние этажи государственной власти, знаменуя окончательное разрушение общественно-государственной системы, утрату ею даже символа справедливости и национальной ответственности.

«Общественная опасность взяточничества как преступления, посягающего на интересы нормальной деятельности публичного аппарата управления, подрывающего его авторитет, – отмечает Б. В. Волженкин, – существенно увеличивается в зависимости от занимаемого субъектом должностного положения. Чем более высокий и авторитетный пост он занимает, тем шире и важнее его полномочия и тем выше степень вины работника, получающего взятку» [7, С. 189].

И, наконец, в сфере морали коррупция провоцирует необратимые последствия иждивенчества и потребительства. Она приглашает всех желающих принять участие в приобретении шальных денег. С другой стороны, сдерживает необдуманный коррупционный порыв угрозой наказания и всеобщего осуждения со стороны коррумпированного окружения. То есть сама мораль становится предметом торга. «Процент тех людей, – пишет об этом А. В. Мазур, – которые соглашаются на участие в коррупции, определяет развитие коррупции в государственном аппарате. И зависит он от уровня морали чиновников. Этот уровень сегодня крайне низкий. Даже те чиновники, которые отказались от участия в сомнительных «схемах», держат рот на замке. Сохранив личную репутацию, они не спешат стать париями в чиновническом сообществе, вынося сор из избы» [8, С. 32]. Следовательно, опасность коррупции не только в том, что идет незаконный процесс обогащения двух лиц за счет

общества. Она проявляется побочными, непредвиденными и тяжелыми последующими последствиями для всех общественных сфер. Она угрожает серьезным нарушением сложившегося правопорядка, резко ломая правовые стереотипы и правовые нормы. Она угрожает гарантированным провалом по решению стратегических задач общества, которые по долгу службы осуществляет должностное лицо, подменяющее свои должностные цели и функциональные ориентиры корыстными целями и личными интересами. Тем самым под угрозой оказывается национальный интерес, подмененный частным интересом решения вставшей проблемы.

Коррупция, наконец, угрожает перерождением публично-государственного процесса, который осуществляется общественными средствами, налогоплательщиком, оплачивающим собственных грабителей. Соответственно, общественное мнение еще может выступить против очевидно враждебной каждому политической коррупции, как явного предательства – «продажи Родины». Но уже терпимее относится к экономической коррупции, когда трудно определить, насколько реальна возможность, решить полукриминальную затею предпринимателя другим способом, кроме криминального способа. Невозможно рассчитать, какое отношение имеет все это к свидетелю преступной сделки.

И, наконец, административная коррупция, в отличие от политической и экономической ее форм, требует не только протеста общественного мнения, но и кардинального преобразования всей системы отношений «гражданин – государство», к чему не готова ни одна, ни другая сторона.Поскольку коррупционная «доплата» всегда желательна чиновнику и вполне устраивает гражданина-просителя, практически неспособного добиться «справедливости» без дополнительно оплаченной помощи по преодолению административных капканов, ловко расставленных тем же чиновником.

Данная форма коррупции наиболее терпимо воспринимается общественным мнением и объясняется с позиций «понимающей толерантности» как крайняя необходимость, когда «предотвращенный вред» – потраченное время, силы, энергия, на невероятно бюрократизированное прохождение канцелярских лабиринтов просителем – явно перекрывает «причиненный вред» – средства на коррупционные чаевые.Перечисленные коррупционные формы, непреодолимо развиваясь и совершенствуясь, угрожают каждой из сфер и, в первую очередь, политике, создавая почву для неконкурентоспособного, корыстного политиканства и блокируя доверие к власти. Подрывает основы законопослушного бизнеса, здоровой производственной конкуренции, демонстрируя в качестве образцов для подражания экономические предприятия, курируемые мафиями, наркобизнесом, организованной преступностью. Проникает во все поры цивилизации, приводя к вырождению мораль и делая административно-государственные отношения преступно-коммерческими.

В этом отношении, безусловно, актуальным является подчеркнуто повышенное внимание к коррупции в решении профессиональных задач МВД. В. В. Путин, формируя эти задачи спустя 5 лет после вышеприведенного Послания Президента Федеральному собранию в 2008 г., на Коллегии МВД России, наряду с безопасностью граждан, борьбой с экстремизмом, ксенофобией, повышением эффективности оперативной работы и т.д., практически на первое место поставил противодействие коррупции. Тем самым из 8 задач 3 выступили задачами антикоррупционными. Среди них те, которые у всех на слуху. «Бытовая коррупция на дорогах должна быть искоренена… Актуальными задачами остаются декриминализация экономики и противодействие коррупции… Оздоровление сферы ЖКХ, на ее очистке от серых схем, воровства и коррупции» [9, С. 1].

Тогда получается, что нормативно-правовые меры, озвученные 5 лет тому в Послании Президента РФ Федеральному собранию, выступали достаточно убедительными. «Во-первых, серьезно повышаются требования к государственным и муниципальным служащим. Речь идет о предоставлении дополнительных сведений об их доходах и имуществе – в том числе принадлежащих членам их семей… Достоверность декларируемых сведений будет тщательно проверяться вплоть до использования оперативно-розыскных возможностей. Во-вторых, государственные и муниципальные служащие обязаны соотносить свои действия с установленными правилами поведения на службе. Их невыполнение должно влечь дисциплинарную, а в необходимых случаях административную и уголовную ответственность. В-третьих, вводятся меры уголовного наказания за злоупотребление полномочиями лицами, которые исполняют управленческие функции в негосударственных организациях. Они будут соответствовать тем, что применяются к госслужащим. В-четвертых, вводится административная ответственность юридических лиц за передачу взятки от имени или в интересах юридического лица» [1, С. 4]. Такая работа, ее направленность и энергия вселяли уверенность в успехе.

Однако, внимательно присмотревшись, можно видеть, что в каждом логически обоснованном тезисе заложено его противоречие отечественной практике. Во-первых, «достоверность декларируемых сведений» о доходах и имуществе служащих. Очевидно, что здесь образуется новая коррупциогенная зона. И, по правилам вводимого мониторинга, данное антикоррупционное предложение не может пройти антикоррупционный контроль, поскольку не препятствует коррупции, а переносит ее в другую точку. Проверяемому должностному лицу нужно будет делиться с проверяющим должностным лицом. Цепочка удлиняется. Ставки растут.

Во-вторых, нарушение установленных правил поведения «должно влечь… ответственность». Должно, но не влечет, поскольку ведомственный контроль всегда формален, а внешний блокируется ведомственной «честью мундира».

Отдав своего подчиненного на суд контроля, может ли рассчитывать на собственную дисциплинарную безопасность его непосредственный начальник. Отсюда круговая порука чиновничьих канцелярий. Предписание, сформулированное президентом, повисает в воздухе.

В-третьих и в-четвертых – расширение списка лиц, ответственных за коррупцию, только отводит удар от государственных служащих, смягчая его силу, направленность и сам смысл. Вся антикоррупционная миссия предстает очередной кампанией, когда уходящие угрозы экономических, финансовых, продовольственных, экологических и иных кризисов позволяют расслабиться и вернуться не к такой уж и актуальной, но всегда готовой быть подвергнутой самой строгой критике коррупции.В новейшее время, с точки зрения представителей «Transparency International», «в России взятки платят все чаще всего при контакте с правоохранительными органами и органами образования, граждане не считают действия органов власти по борьбе с коррупцией эффективными». Антикоррупционная деятельность носит больше рекламный и популистский характер, чем деловой и конструктивный, *и* «серьезных попыток обуздать коррупцию в России не было» [3].Тем самым, в заключение всего сказанного, необходимо сделать вывод, что исторически сформировавшиеся институты эффективного противодействия коррупции играют неоспоримо важную роль в борьбе с коррупцией. Их развитие и совершенствование важно и необходимо.

Огромная роль возлагается на законодательство и законоисполнительство с целью преодолеть выборочную деятельность как раз действий охарактеризованных выше институтов.

Однако главная роль должна быть отведена развитию, воспитанию и просвещению общественного мнения. Необходимо подчеркнуть и особо выделить, что на первом месте в борьбе с коррупцией в реальном противодействии ей находится национальный менталитет, общественное мнение. Поэтому и борьбу с нею необходимо начинать с формирования отрицательного имиджа чиновника-коррупционера. Коррупция должна стать не только невыгодной, преступной, но и должна восприниматься неприличной, неэтичной, антинациональной и антинародной. Развитию данной идеи должна быть посвящена специально организованная информационная медиадеятельность СМИ, телевидения, Интернета. Но это уже специальная тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента России Федеральному Собранию // Российская газета. – 2008, 11 ноября.

2. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. – 2007. – № 11, 6 ноября. – С. 19 – 25.

3. Информация «Transperensi International». Вертикаль взяток // Новая Газета. – 2008, 7 июля.

4. http://www.finmarket.ru/z/nws/hn.asp?id=985921 30.10 14:33 /Финмаркет/.

5. http://www.vedomosti.ru/podcast/.

6. Волженкин Б. В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2001. – 368 с.

7. Мазур А. В. Как победить коррупцию? // Политический класс. – 2008. – № 7. – С. 30 – 35.

8. Федеральный закон № 273 «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. // Российская газета. – 2008, 30 декабря.

9. Расширенная Коллегия МВД России. Президент поставил задачи // Профессионал. – 2013. – № 1. – С. 1 – 17.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01

МЕТОД ПСИХОЛОГИИ: К РЕФЛЕКСИИ ПРОБЛЕМЫ

Лукьянов А. С.

METHOD OF THE PSYCHOLOGY: TO REFLECTION OF THE PROBLEM

Lukyanov A. S.

Проблема метода в психологии является традиционной, актуальной и на сегодняшний момент не имеющей однозначного решения. Методы понимаются как способы или приемы получения информации об исследуемом объекте психической реальности, однако в одном исследовании используются методы из разных областей научного знания. Необходимо определение непротиворечивого понимания комплекса методов психологии как элементов научного исследования. В статье представлена попытка этого определения.

The problem of a method in psychology is a traditional, relevant, and has not unique solution. Methods seems like a ways or attempts of obtaining information on the studied object of the psychic reality, but one study methods are used from different fields of scientific knowledge. It is necessary to define a non-contradiction understanding of the complex methods of psychology as elements of scientific research. The article presents an attempt of this definition.

Ключевые слова: психология, метод, психологическое исследование, интерпретационный потенциал.

Keywords: psychology, method, psychological research, interpretative potential.

Проблема метода является ключевой для психологии: с методом напрямую связывается предмет, специфика психических явлений, возможность получения новых знаний [8], собственно, развитие психологии как науки.

Метод науки может пониматься в широком смысле как система регулятивных принципов преобразующей, практической или

познавательной, теоретической деятельности или в узком смысле – как определенный способ организации исследовательских процедур.

В первом приближении анализ подходов к определению понятия метода показал, что стилистическими, смысловыми эквивалентами, а часто – полными синонимами для него выступают способ, средство, технология, правило, процедура, методика, путь, прием [5; 6; 9; 11; 16]. Достаточная неопределенность сути элементов этого терминологического поля, связанная в первую очередь с тем, что один элемент часто объясняется через другой, позволяет нам предположить, что онтология метода как реальности вскрывается через альтернативную постановку проблемы, что будет показано ниже.

Современные исследователи, как показал даже беглый анализ диссертационных работ последних лет, для изучения психической реальности используют различные методы, в том числе взятые из другой науки (например, наблюдение или сравнительно-исторический анализ, анкетирование), или считают методами психологии, используют в качестве методов актуального уровня развития науки (например, парадигмального в смысле Т. Куна) методы предшествующего уровня (например, допарадигмального), то есть на этапе доминирования естественнонаучного подхода используется, например, метод самонаблюдения.

Закономерно возникает, на наш взгляд, проблема, связанная с тем, насколько оправдано и даже ярче – насколько научно использование разных методов в рамках одной науки и одного научного исследования [8] и какой науке «принадлежит» такое исследование, где использован или доминирует только один метод?

Разработки в рамках данного проблемного поля характерны для методологии и теории психологии, что в какой-то мере представлено в ряде источников [13].

Однако в целом сложилась ситуация отсутствия единых методологических оснований и отсутствия подхода к согласованию точек зрения на определение состояния собственно области методологии психологии (М. С. Гусельцева, В. П. Зинченко, П. А. Мясоед, Е. Е. Соколова, А. В. Юревич), что позволяет говорить об отсутствии единой системы теории психологии и как ее элемента – единой системы методов психологического исследования.

Задача данной работы – представить положения концепции единой системы методов психологического исследования.

В психологии и широкое, и узкое понимание метода, приведенное нами выше, адаптируется к исследовательской задаче и выступает основанием для существования множества разных конкретных методов исследования. Так, существуют различные классификации методов психологии:

- традиционная классификация, включающая наблюдение и его виды, эксперимент, биографический метод и метод анализа продуктов деятельности, беседу, интервью и анкетирование, тестирование и

опросные методы [12]; организационные, эмпирические, методы обработки данных, методы интерпретации; эмпирические, теоретические, методы обработки, представления и интерпретации данных (общенаучные и конкретно-научные) и метод моделирования [5]; собственно методы (наблюдение, эксперимент, моделирование и пр.), методические приемы и методические подходы (генетический, психофизиологический) [17]; наблюдение (внешнее и внутреннее (самонаблюдение)), эксперимент (лабораторный, естественный, психолого-педагогический, физиологический эксперимент), беседа (клиническая) и анкетирование.

Этот перечень подходов не полный и не конечный, а тот факт, что с методом напрямую связывается предмет, позволяет нам обозначить подход к классификации методов в согласии с тем, как этот предмет эволюционировал в психологии. В связи с этим, методы психологии представлены на различных уровнях следующих элементов классификации: методы психологии как науки о душе, науки о сознании, о поведении и о психике (или психической реальности). Из этого подхода достаточно очевидно, что одни и те же методы могут быть представлены на разных уровнях – например, для изучения сознания [1] используются методы эксперимента и анализа продуктов деятельности, которые в сути своей принадлежат разным направлениям, подходам или исследовательским парадигмам.

Специфика исследуемого предмета и исследовательская логика подсказывает, что часто возможности экспериментатора понять получаемые сведения, связанные с психическими особенностями испытуемого, оказываются важнее метода получения необходимых данных. А. Г. Спиркин в этом смысле отмечает, что метод сам по себе (а в процессе научного познания используются разнообразные методы) не предопределяет полностью успеха в исследовании действительности: важен не только хороший метод, но и мастерство его применения [18].

В нашем случае обозначим это следующим образом: исследование психической реальности возможно через согласование и учет двух факторов – собственно метода как приема или способа, технологии и условий его интерпретации или точнее – условий интерпретации полученных (получаемых) результатов. Заметим здесь, что первый фактор существует вне сферы индивидуального сознания [7] исследователя, то есть он как бы объективен по отношению к нему. Второй фактор – условия интерпретации – полностью определяется именно субъективной сферой исследователя.

Формулирование представления о методе исследования психической реальности, на наш взгляд, должно быть основано именно на этом подходе, то есть метод в психологии может быть определен как одновременно объективный и субъективный элемент исследования, направленный на получение и интерпретацию данных о психической реальности. Процедура реализации метода в исследовании тогда включает в себя объективную часть (схему реализации метода) и субъективную часть (интерпретационную часть метода).

Это представление о научном методе, на наш взгляд, принципиальное, поскольку позволяет заключить, что параметр сути метода и критерий его использования для изучения той или иной реальности – именно вторая, интерпретативная часть, поскольку первая – объективна и задает лишь схему реализации метода, его интерсубъективность, а значит, предзаданность и однозначность.

В связи со сказанным относительно критерия содержания метода можно предположить, что существует некий условный континуум методов, на одном конце которого – методы, в содержании которых предусмотрена жесткое ограничение возможности исследователя по интерпретации получаемых выводов. Такие методы условно назовем «методами с низким интерпретационным потенциалом». На другом конце континуума, следовательно, находятся методы, содержание которых допускает максимально свободное отношение исследователя к интерпретации получаемых данных. Такие методы условно назовем «методами с высоким интерпретационным потенциалом».

Обозначенное представление, как видно, предполагает, что если рассматривать совокупность методов как систему, то системообразующим элементом выступает интерпретационный потенциал метода. При этом под интерпретационным потенциалом метода, что становится понятным из его роли в определении содержания метода, мы будем понимать возможность исследователя использовать субъективное толкование обнаруживаемых в ходе реализации конкретного метода фактов. Значит, тот или иной метод может быть более близок либо к одному, либо к другому краю континуума и, соответственно, выступать как жесткая или свободная в условиях интерпретации технология получения данных.

Репрезентантами краев названного континуума методов выступают, с одной стороны, методы математической статистики, используемые при обработке результатов исследования, которые являются наиболее релевантными методам с низким интерпретационным потенциалом. Убедиться в этом можно, ознакомившись с книгами А. Д. Наследова [15] и Е. В. Сидоренко, где показаны блестящие адаптации статистического инструментария к анализу результатов изучения психической реальности. Однако, как это становится понятным из этих работ, и схема, и интерпретационная сторона методов максимально предзаданы.

Методами с наивысшим интерпретационным потенциалом будут методы клинической и терапевтической беседы. Они представляют собой способы получения знания об уникальных характеристиках психики испытуемого, не сводимых к неким средним или типовым параметрам. Эффективность психологического воздействия здесь определима только качественными показателями.

В философии близкое к данному нами пониманию методов предложено представление А. Г. Спиркина о совокупности научных методов. Автор, развивая философское представление о методах, пишет, что решение разнообразных конкретных исследовательских задач

предполагает в качестве необходимого условия некоторые общие философские методы, отличительная особенность которых – универсальность. Эти методы действуют всюду, указывая общий путь к истине. Если специальные методы выступают как частные приемы раскрытия закономерностей исследуемых объектов, то философские методы являются приемами исследования тех же объектов с точки зрения раскрытия в них всеобщих законов движения, развития, разумеется, по-особому проявляющихся в зависимости от специфики объекта. Каждый метод дает возможность познавать лишь какие-то отдельные стороны объекта, вызывая необходимость «взаимной дополнительности» отдельных методов, что обусловлено кроме всего прочего тем, что каждый метод имеет определенные пределы своих познавательных возможностей [18]. Автором, как видно, предложен принцип «взаимной дополнительности» по отношению к методам для конкретного исследования, который, однако, им связывается именно с познавательными возможностями, или, в нашей терминологии, интерпретационным потенциалом.

Поскольку обозначенный выше континуум касается научного метода, постольку все его элементы являются научными методами. То есть в рамках одного исследования могут использоваться в равной степени разные методы, и единственное условие их корректного использования – это понимание и учет того, какой интерпретационный потенциал заложен в каждом конкретном случае.

Интересным представляется развитие предложенного нами тезиса о совокупности методов в сторону рефлексии над принципом объективности и метода, и получаемого с его помощью научного знания [2; 3; 10]: достаточно очевидным нам представляется, что в физике, биологии, химии, географии, результаты наблюдений и экспериментов над соответствующими объектами не обходятся без «личного вклада» исследователя в интерпретацию получаемых данных, без субъективного их понимания.

В этом случае, по-видимому, можно науку или области научного знания представить со стороны критерия интерпретационного потенциала, и тогда возможны как минимум два варианта: та область научного знания, где относительно короткая собственная история, продолжают творческую активность или относительно недавно ушли из жизни основатели и демиурги ставшего традиционным научного знания и потенциальных исследований, молода, или не разработана социальная психология этой области науки, то для нее очевидна необходимость и обоснованность методов с высоким интерпретационным потенциалом; та область научного знания, где высока проработанность ключевых проблем и их решений, ярко выражена глубина и широта взаимодействия между исследовательской теорией и практикой, присутствуют исследовательские традиции, ширятся и множатся научные школы, равно представлены тенденции дифференциации и интеграции научного знания, для такой области научного знания доминирующими методами являются методы с низким интерпретационным

потенциалом; заметим здесь, однако, что такое положение дел ограничено во времени фактом возможной научной революции (Т. Кун), что определит использование методов с высоким интерпретационным потенциалом.

В этом смысле важным представляется тезис о том, что широкое методологическое поле конкретного исследования или науки [14], научного направления в целом – обязательный признак для использования методов с высоким интерпретационным потенциалом. Исследователь может интерпретировать результаты применения одного и того же метода языком разных наук, и тогда это метод не какой-то конкретной науки, а метод вообще. Наука же в этом случае определяется целью исследования.

Качественное же развитие науки в целом (объяснительного потенциала, например, эксперимента как метода психологии, в частности) состоит в наличии такого научного подхода, который согласование различных позиций видит не в формулировании все новых и новых теорий, а в объяснении или ответе на возникший проблемный вопрос со своеобразной «метапозиции», со стороны непредвзятости той или иной теории, концепции, подхода.

Таким образом, резюмируя представленный в статье материал, отметим главное: метод представляет собой элемент исследования, направленный на получение данных в интересующей исследователя области научного знания, и включает объективную часть (схему реализации метода) и субъективную часть (интерпретационную часть метода).

Существует континуум методов научного психологического исследования, основанный на интерпретационной части метода, где с одной стороны – методы с низким интерпретационным потенциалом, а с другой стороны – методы с высоким интерпретационным потенциалом. Существование этого континуума позволяет говорить о «научности» любого метода, используемого в исследовании, и различать лишь его интерпретационный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396 – 408.

2. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 12. – С. 29 – 31.

3. Говердовская Е. В. Направления обновления высшего профессионального образования в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2008. – № 1. – С. 29 – 34.

4. Гончаров В. Н. Научно-информационная деятельность: социально-культурологический аспект // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 225 – 238.

5. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. – М., 2002.

6. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. – М., 1983.

7. Камалова О. Н. Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 68 – 71.

8. Колосова О. Ю. Экологическая картина мира как особая форма интеграции знания // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – № 12. – С. 94 – 99.

9. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Речь, 2006.

10. Лобейко Ю., Зарубина Н. Интеграция образования, науки и производства // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 110 – 114.

11. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.

12. Маклаков А. Г. Психология. – М., 2010.

13. Методология и история психологии. Научный журнал. – 2007. – Т. 2. – Вып. 1.

14. Несмеянов Е. Е. К проблеме предмета философии образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 5. – С. 165 – 172.

15. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. – СПб., 2012.

16. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. – М., 2003.

17. Пирьов Г. Д. Психология – фундаментальная наука о человеке: Избранные труды. – София, 1982.

18. Спиркин А. Г. Философия. – М.: Гардарики, 2006.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.023.5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ САХА

Борисова У. С.

DEMOGRAPHIC AND FAMILY UNIT OF SAKHA YOUTH

Borisova U. S.

Статья раскрывает результаты социологического исследования, в котором приняла участие молодежь саха в возрасте от 18 до 29 лет (№ 441), проживающая в 16 улусах из 34 Республики Саха (Якутия). Исследование выявило мнение, ценностные и поведенческие ориентации молодежи саха (якутов) по основным демографическим, семейным, репродуктивным аспектам развития якутского общества в начале XXI века. Основное внимание автор акцентирует на анализе отношения молодежи саха к семье и браку, деторождению, миграционным намерениям.

The article reveals the results of the survey, which was attended by Sakha youth aged from 18 to 29 years (№ 441), living in 16 of the 34 encampments of the Republic of Sakha (Yakutia). The study revealed opinion, values and behavioral

targeting young people in Sakha (Yakutia), the basic demographic, family, reproductive aspects of the development of the Yakut society in the early twenty-first century. The author focuses on the analysis of young people's attitudes to the family and marriage, fertility, migration intentions in Sakha.

Ключевые слова: молодежь саха, социологическое исследование, демографические, семейные, репродуктивные и миграционные установки.

Key words: youth Sakha, sociological research, demographic, family, reproductive and migratory installation.

Проблема исследования молодежи остается неизменно актуальной на протяжении всего существования социологии, так как молодежь всегда ассоциируется с будущим, с перспективами развития определенного народа, общества и региона.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова совместно с Центром стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета с 5 по 10 октября 2011 года провел социологический опрос в 16 районах из 34 Республики Саха (Якутия). В исследовании приняли участие представители коренных малочисленных народов и саха (якуты) (№ 1982), которые проживают в 6 арктических улусах (районах), 3 сельскохозяйственных и 7 городах республики [1].

Основу данной статьи составляют результаты исследования, связанные с эмпирическим изучением только 441 молодого саха в возрасте от 18 до 29 лет. Математико-статистический анализ осуществлялся при помощи программного пакета SPSS 12.0.

Характеристика выборочной совокупности: мужчин и женщин по 50%. Свою национальность опрошенные определили как саха (95,0%) и сахаляры (5,0%) – те, кто родились в смешанных семьях. Уровень образования респондентов: имеют послевузовское (2,3%), высшее (46,9%), незаконченное высшее (14,7%), среднее специальное (22,1%), окончили среднюю школу (14,0%).

Для оценки динамики брачных процессов, чтобы понять их внутренние механизмы, недостаточно оперировать только статистическими данными.

Важным дополнительным источником информации о брачном поведении населения служат прикладные исследования.

Семейное положение: состоят в зарегистрированном браке – 36,3%, в гражданском браке – 15,9%, разведены – 3,2%, вдова (ец) – 0,2%, никогда не состояли в браке – 44,4%.

В рамках нашего исследования вполне оправдан акцент на становление и развитие молодой семьи. Даже если рассматривается молодежь, еще не создавшая своей семьи, то основное – не их отношения с родителями, а анализ степени их готовности к будущим супружеским и родительским функциям.

У 14,0% состоящих в браке этот является вторым по счету, а для 2,0% – третьим по счету. Нужно отметить, что особенно в сельских

мононациональных районах Якутии до 1960-х гг. практически не регистрировались случаи расторжения брака.

В первый брак опрошенные молодые саха вступили в основном в возрасте 20 – 24 лет – 35,4%. В возрасте до 20 лет вступили в брак только 11,0%. В возрасте 25 – 29 лет вступили 6,2%. Данные факты подтверждают, что позднее вступление в брак определяет и более позднее появление на свет первого ребенка.

Количество всех совместно проживающих (или ведущих общее хозяйство, совместное воспитание детей) членов семьи: 1 человек – 17,2%, 2 чел. – 18,8%, 3 – 51,0%, 4 – 18,1%, 5 – 11,1%, 6 и более чел. – 6,8%. Это еще раз подтверждает, что хотя семьи простого состава, включающие брачную пару с детьми (без детей), мать (отца) с ребенком, как и прежде, практически повсеместно занимают наибольший процент, но и традиции совместного проживания близких и дальних родственников, связанных кровным родством, в составе одной ячейки не утратили своего значения.

Свидетельство изменения социальных функций семьи и брака, их роли в жизни личности и неотъемлемая черта процесса модернизации демографического поведения в целом – рост числа гражданских браков [3, С. 86]. Масштабы распространения гражданских браков зафиксированы прежде всего в городах республики. Отрадно отметить, что на вопрос анкеты «*Если Ваш брак не зарегистрирован, то собираетесь ли Вы зарегистрировать его в следующих возможных случаях?*» нами были получены оптимистичные ответы. Собираются заключать брак и узаконивать отношения обязательно, в любом случае – 45,0% ответивших. Скорее всего, сделают это – 20,1% коренных якутян. Однозначно «нет» официальному браку заявили 13%.

Степень ответственности мужчин и женщин явно повышается, если пара сталкивается с ситуацией ожидания потомства – 59,3% ответивших заключат брак. В то же время мы видим достаточно большое количество неопределившихся, затруднившихся дать точный ответ на этот вопрос (от 10,3 до 33,3%). В целом мы можем сделать вывод, что ситуация по поводу гражданских браков в Республике Саха не столь проблемна, как это нам представлялось.

По мнению опрошенных молодых саха, будет прочнее «брак по любви» – 83,1%, «по расчету» – 13,6%, «по совету родителей» – 1,7%. Сегодня, несмотря на очевидное распространение прагматизма в молодежной среде, акцент молодые делают на первом.

Нужно, конечно, предостеречь от чрезмерного расчета при создании семьи. Однако, как показывают социологические исследования, браки, заключавшиеся с некоторым расчетом, оказываются устойчивее, надежнее [4, С. 357].

В ходе анкетного опроса была дана количественная оценка значения брака и семьи, которая складывается из восприятия им отдельных компонентов брака.

Респонденты отвечали на вопрос «*Что позитивного, на Ваш взгляд, несут брак и семья*?». Позитивная сторона брака и семьи, по

мнению респондентов, заложена в возможности находить «заботу и поддержку, любовь и сердечность» (73,0%). На втором месте по значимости идет вариант ответа «Семья позволяет обеспечить лучший уход, воспитать детей на должном уровне» (58,0%). Третье место занял ответ «В браке рождаются дети» (47,8%).

Примечательно то, что материальные интересы находятся на втором плане, выдвигая на первые места чувственно-эмоциональные моменты. Так, варианты «Легче достичь материального благополучия» и «Облегчает ведение многих повседневных дел (питание, стирка, шитье, ремонт дома и т.п.)» получили по 26,8%, а «Официальный брак дает возможность получать помощь государства, кредиты и др.» – 11,0%.

Особую тревогу и удивление вызвало то, что вариант ответа «В семье сохраняются национальные традиции» отметили только 14,7% опрошенных. Самой низкой оценкой отмечен вариант ответа «В семье формируется национальная идентичность (чувство единства со своей нацией)» (6,6%).

Мы знаем роль национальной семьи, где происходит накопление, хранение и передача из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность в рамках конкретного народа. Специфика семейной жизни такова, что она прочно удерживает многие национально-этнические черты, которые отражают национальное своеобразие народа.

Опрошенные главой своей семьи считают мужа (56,8%), обоих супругов (28,3%), родителя (ей) одного из супругов (7,6%), жену (7,0%), взрослого ребенка (0,3%). Данный факт говорит о том, что специфика традиционной культуры семейно-брачных отношений саха сохраняется и сегодня: распространен тип семьи, где главой семьи является мужчина.

Абсолютное большинство молодых саха (78,0%) называют себя частью рода (членом родового клана), при этом свои отношения с родственниками характеризуют как близкие и дружественные 87,2% опрошенных респондентов.

Анализ мнений позволил выявить и оценить роль мер, способствующих повышению устойчивости браков. При ответе на вопрос «Как Вы думаете, какие меры будут способствовать повышению устойчивости браков?» 74,6% опрошенных на первое место поставили «сознательное отношение молодоженов к браку, к семье», на второе место – «самостоятельное проживание молодых супругов (со вступлением в брак, с момента рождения первенца)» – 43,8%, так как вмешательство родителей в жизнь молодой семьи может быть большим и иногда разрушительным.

Далее идут варианты ответов «повышение ценности семьи в общественном мнении» – 35,1% – и «создание материальных условий, позволяющих женщине посвятить себя полностью семье» – 30,8%.

Получившая распространение в развитых странах иллюзия о «цементирующей» роли брачного контакта не нашла своего подтверждения. Вариант ответа «введение брачного контракта, предполагающего взаимные обязательства супругов в случае развода» получил только 12,5%. Последние места заняли варианты ответов «создание сети психологической службы семьи» (7,9%) и «усложнение процедуры развода» (1,8%).

Молодые люди должны реалистически представлять возможные трудности семейной жизни. Респондентам был задан вопрос «Если в Вашей семье бывают сложности, с чем они связаны?».

На первое место выходят семейные конфликты (39,0%), на второе место – материальные проблемы (26,8%). Отсюда важнейшая проблема стабилизации и укрепления современной молодой семьи – это ее материальное обеспечение на достойном уровне.

Далее в ранжированном ряду значимых сложностей выделены: жилищные проблемы (16,6%), распределение семейных ролей (8,8%), проблемы с работой (8,4%), проблемы с детьми (5,8%). Здесь явно заметен перекос в сторону материально-бытовых трудностей.

Для социологии столь важно выявить реальные демографические установки молодежи – собираются ли молодые иметь (иметь еще) ребенка. Все больше молодых предпочитают иметь одного ребенка, а то и вовсе не обзаводиться потомством. Возросло значение ориентации на легкую, беззаботную жизнь, стремления сначала встать на ноги.

В конечном счете, основными являются объективные условия. И одно из них – высокая вероятность снижения уровня молодой семьи в связи с рождением ребенка.

Появление детей в семье неизбежно снижает уровень ее благосостояния. Это происходит не только за счет роста числа членов семьи, но и из-за необходимости матери оставить на время работу и ухаживать за малолетним ребенком или переходить на более благоприятные условия труда. В большинстве случаев это сопровождается снижением заработной платы [3].

Но еще драматичнее перспективная оценка этой цифры. Она предвестник резкого сокращения численности саха уже в ближайшие годы.

Данные таблицы 1 реально показывают, что разница между желаемым и ожидаемым количество детей составляет почти 2 раза.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о количестве желаемых и ожидаемых детей

Количество детей	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия (***желаемое*** число детей)?	Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь, учитывая ваши жизненные условия (***ожидаемое*** число детей)?	Какое число детей Вы бы посоветовали иметь ***своим детям*** в их семье?
3	41,5	25,5	30,6
4	13,5	5,7	8,3
5 и более	7,3	2,5	5,8
трудно сказать	4,4	6,7	21,0

Таким образом, для коренного народа республики наблюдаются достаточно высокие темпы роста числа малых по размеру семей. Хотя понимаем, что сознательное регулирование деторождений в рамках модернизации института семьи – необратимый процесс.

В настоящее время аграрная республика постепенно превращается в урбанистическую: из села многие уезжают, и это имеет в большинстве своем вынужденный характер. Основную часть в миграционных потоках во внутрирегиональном обмене составляет молодежь 18 – 29 лет, направляющаяся в города республики для получения образования, овладения профессией, трудоустройства, создания семей. Так, городскими жителями стали сами 28,0% респондентов, хотя их родители (59,9%) жили или живут в сельском поселении. Сейчас в сельской местности проживает только около 35,8% населения.

Ответы на вопрос «*Сколько времени Вы проживаете в данном населенном пункте*?» выявили, что живут с самого рождения только 49,2% опрошенных. 17,3% молодых людей указали, что живут менее 6 – 10 лет, 25,2% – живут в течение 1 – 5 лет, а 8,3% молодежи живет в данном населенном пункте менее 1 года. Показатель возвратной миграции молодых возрастов невысок, что приводит к старению населения и ухудшению демографической ситуации и снижению демографического потенциала в сельской местности республики.

61,9% молодых респондентов саха собираются постоянно жить в Республике Саха (Якутия), жить в различных регионах России – 5,2%, планируют уехать временно в другой регион или страну, чтобы получить образование, – 4,1%, намерены уехать на постоянное жительство в другую страну – 3,6%.

Анализ ответов на вопрос «*Как Вы думаете, где будут жить Ваши дети в своей взрослой жизни?*» выявил, что опрошенные респонденты допускают, что их дети будут наименее «привязаны» к месту жительства в Республике Саха (Якутия): уверены, что их дети будут постоянно жить в республике, только 28,6%, уедут временно в другой регион или страну, чтобы получить образование, – 9,8%, будут жить в различных регионах России – 9,8%, уедут на постоянное жительство в другую страну – 5,8%. Как видим, разница в миграционных намерениях, предполагающих место жительства, временное или постоянное, за пределами республики, составляет почти два раза в сторону увеличения в поколении детей респондентов. Устойчивые миграционные настроения своих детей предположили респонденты, проживающие в городах и поселках городского типа.

Ответы на вопрос «*Комфортно ли Вы чувствуете себя, живя в данном населенном пункте*?» распределились следующим образом: «полностью комфортно» и «в основном комфортно» чувствуют себя 59,2% опрошенных. Не вполне комфортно – 8,7%, остальные 32,1% чувствуют себя «иногда комфортно, иногда нет».

Общая оценка городского и сельского образа жизни приводит к тому, что преобладает ориентация на жизнь в городе: 15,6% считают, что лучше жить в деревне, в поселке городского типа – 17,8%, выбрали другой вариант 5%. Анализ также показал, что 61,6% считают, что лучше жить в городе.

Таким образом, в Республике Саха (Якутия) возрастает актуальность определения путей улучшения демографической ситуации и региональной семейной и демографической политики. Поэтому необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о семье с двумя – тремя детьми как общественно одобряемой модели семьи, закрепление ориентации молодежи на свой дом, семью; ориентацию на оптимальный возраст вступления в первый брак; преодоление психологии «холостячества»; акцент на социально-психологическую сторону семейных отношений, поддержку в создании стартовых условий для семейной жизни молодым (жилье, трудоустройство).

Анализ результатов исследования позволяют отнести *к факторам успешного воспроизводства народа саха*: сохранение традиционной модели репродуктивного и брачного поведения для значительной части молодого населения саха; сохранение роли брака как важного социального института для большинства молодых, в браке рождается больше детей. *К факторам риска депопуляции:* снижение уровня легитимной брачности и рост числа юридически не оформленных брачных союзов; модель малодетной семьи ведет к распространению малых по размеру семей (2 – 3 человека), зачастую неполных по их демографическому составу.

Углубленный анализ результатов комплексного социологического опроса продолжается, он поможет осветить направленность и масштабы

происходящих демографических, социальных, культурных изменений существования коренных народов Республики Саха (Якутия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова У. С. О проблемах этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия) // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Jornal). – 2012. – № 3 (19). – С. 315 – 323.

2. Тихомирова В. В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи // СОЦИС. – 2010. – № 2. – С. 118 – 124.

3. Переверзева О. В. Институциональные функции семьи // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 85 – 91.

4. Социология молодежи: учебник / Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 430 с.

УДК 31

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Гурьянов М. С.

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ASPECTS OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES IN THE CONTEXT OF THE PROSPECTS FOR IMPROVING ITS SOCIAL EFFICIENCY

Guryanov M. S.

В статье автор изучает существующие в системе государственной и муниципальной службы России структурно-функциональные аспекты, относящиеся к ее конкретной работе. Данный анализ проводится для более четкого определения перспектив повышения качества ее взаимодействия с населением и на более высоком уровне и ее социальной эффективности.

The author examines the existing system of state and municipal services of Russia, structural and functional aspects related to there specific job. This analysis is carried out to better define the prospects for improving the quality of state system and social performance, as well as its interaction with the public on higher level.

Ключевые слова: государство, управление, муниципальная служба, организация, социальная эффективность, структура, функции.

Keywords: government, administration, municipal services, organization, social efficiency, structure and function.

В определении подходов к изучению эффективности государственной службы как феномена, связанного с общественным самочувствием, важное значение уделяется ее структурным характеристикам, которые нужно рассмотреть в широком контексте современных социальных и управленческих теорий.

Анализ основных определений социальной структуры свидетельствует, что применяются различные подходы: подход, который основывается на качестве производственных отношений и социальной структуры, разработанный К. Марксом; подход, опирающийся на масштабы и уровень разделения труда (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм); подход, который ориентируется на рационализацию и бюрократизацию организации (М. Вебер); подходы, отличающиеся по ценностям и нормам и, соответственно, природой взаимодействия институтов (Т. Парсонс, А. Гелен) и другие.

В определениях структуры, как правило, отражены два основных момента: системно-организационный и стратификационный [2, С. 248]. Социальная структура, с одной стороны, это система отношений, которые организуют социум в одно целое, не позволяя ему распасться на отдельные части. С другой же стороны, социальная структура представлена совокупностью статусов (групп, слоев или классов), которые выстраиваются в определенном иерархическом порядке, касающихся доступа к ресурсам, которыми обладает социальная система. Системно-организационный аспект структуры наиболее интересен для данного исследования.

Определение «структура» будет использоваться для описания внутреннего строения, а также взаимосвязи частей государственной службы. Данное определение может быть закреплено в нормативно-правовых актах и иных юридических документах внутреннего устройства государственной службы, которые характеризуют взаимосвязь составных частей.

Исходя из имеющихся функций и отношений, существующих между элементами, определяется структура государственной службы. Сама структура состоит из структурных подразделений, которые регулируются правовыми нормами, наделены своими или производными компетенциями, которые закрепляются в положении о структурном подразделении. Определенными полномочиями обладает государственная служба в целом, а также ее отдельные структурные подразделения.

Нынешняя наука организации идентифицирует наиболее характерные признаки организационной структуры. Анализ понятий структуры организации позволяет судить, что здесь отражается состав структуры, а также спецификация связей и отношений, существующая в организации. Состав структуры организации является неоднородным. Специфицируя связи и отношения, существующие в организации, могут быть получены разновидности структуры, которые характеризуют данную организацию.

Организационная структура отражена в схеме структуры организации, в положениях о структурных подразделениях, а также в должностных инструкциях работников и в штатных расписаниях.

Можно вывести следующее определение, которое не претендует на окончательное: организационная структура государственной службы является совокупностью, которая отражает взаимодействие подразделений, обладающих определенными функциями, которые направлены на то, чтобы достичь основную цель муниципального образования. Таким образом, государственная служба должна осуществлять исполнительно-распорядительные функции, а также разрабатывать план комплексного социально-экономического развития территории муниципального образования, решать вопросы, касающиеся местного бюджета и заниматься иными вопросами, которые относятся к ведению представительных и иных органов местного самоуправления.

«Научный подход к управлению», представителями которого были А. Файоль и Ф. Тейлор [4], гласит, что организационная структура включает в себя специализацию, установление норм и правил, а также стандартизацию процедур, централизацию, конфигурацию, т.е. сложность управления. Данный подход опирается на планирование, организацию, отдачу команд, ее координацию и контроль.

А. Файоль считал, что деятельность любой социальной структуры основывается на принципе иерархии. Для достижения всеобщей целесообразности, рациональности необходима иерархия всех структур и должностей государственной службы, содействующая более жесткому формальному контролю. Создание системы такого контроля возможно при четком распределении функций (прав и обязанностей) между служащими. «Тейлоризм» обладает следующими лозунгами: «координация», «интеграция» и «контроль».

Проблемы построения управленческой организационной структуры помогает решить теория рациональности М. Вебера. Применяя идеальные модели организации, Вебер не всегда учитывал реальные условия деятельности организаций и последствия функционирования управленческих структур, их дисфункций, конфликтов, которые возникают между составляющими систему элементами. В рациональной организации не всегда рассматривается адаптивность, также практически не учитывается влияние внешнего окружения организации.

Школа научного управления фактически отрицает значимость горизонтальных связей, рассматривая вертикальные властные связи в направлении сверху вниз – от руководителей к подчиненным.

Неформальная организация, или неформальная организационная структура, занимает важную, а в некоторых случаях и решающую роль в организационной деятельности. Американские исследователи организационного поведения У. Френч и Ч. Белл сравнивали организацию с айсбергом: в подводной части айсберга находятся элементы неформальной структуры организации, а верхняя (видимая) часть состоит из формальной структуры. В другой парадигме Р. Лайкертом была

выработана структура идеальной организации. В данной организации ведущее место отводится решению проблем отношений между руководителями и подчиненными в организации.

Изменения, произошедшие в структуре местной власти, формально были предопределены законодательством. Это был случай, когда правовая конструкция не основывалась на реальности. Предполагалось, что здесь прослеживается последующее «подтягивание» содержания к рамкам, которое определялось существующим законодательством. Опыт свидетельствует о том, что не является целесообразным старым, инертным организационным структурам придавать новый правовой статус и данным образом их как-то оживлять. Организационные структуры и взаимодействия являются первичными по отношению к организационным структурам и правовым статусам. Сначала они моделируются и просчитываются, а затем уже поддаются правовому регулированию.

Во время периода реформ, который отражается на социальном управлении и на государственной службе, в частности, основная задача состоит в создании новейшей системы принципов и реализации ее в виде иных по типу функциональных структур, предполагая, что заполняемость данных структур старым материалом допустима в том случае, когда новая структура организации способна ее ассимилировать.

Внутри государственной службы нужно создать и выстроить стратегию перехода от работы в закрытой системе к работе в открытой. Каждый элемент и каждая взаимосвязь данной системы могли бы осуществлять то, что необходимо населению муниципального образования. Это является важнейшим моментом, так как замкнутость характера структуры организации и снижение или полная потеря инновационного потенциала может способствовать образованию такого типа отношений, где приоритеты административно-организационной структуры оказываются выше социальных. Отсюда возникает и научная проблема исследования структуры государственной службы, а также необходимость в поиске форм, которые бы соответствовали задаче социального управления. Прежде всего это связано с тем фактом, что усложняется структура общественной жизни и появляется новый тип задач, которые ставятся перед государственной службой. Если при условии стационарного общества каждое действие было нормировано и регламентировалось определенными инструкциями, то в настоящее время служащие обладают правом и обязанностями самостоятельно решать огромный спектр задач в рамках общегосударственных программ, которые обладают функциями не жестких инструкций, а скорей всего, целевых установок [6, С. 12].

Для того чтобы муниципальное управление совершило переход из состояния первичного элемента административно-государственной системы в состояние средства реализации существующих интересов, требуется пересмотреть всю концепцию построения системы государственной службы.

Государственная служба, являясь субъектом управления и обладая подсистемами и звеньями, организуется для реализации прописанных в уставных документах целей. Для этого определенные организационные формы органов местного самоуправления, а также их структура закрепляются в уставах муниципальных образований. Органы местного самоуправления отвечают за создание рациональной организационной структуры государственной службы и ее эффективное кадровое обеспечение. Проанализировав уставы, можно сделать следующие выводы: данный принцип формирования и деятельности органов местного самоуправления востребован и широко применяется, учитывая местные традиции населения муниципальных образований.

Существование разнообразных форм связано с тем фактом, что, во-первых, муниципальные образования имеют существенные отличительные черты друг от друга, начиная от своей истории, культуры, структуры населения и др., а во-вторых, они отличаются по характеру, сложности, размерам, степени дифференциации и территориальному расположению. Появляется проблема выбора типа организационной структуры, которая бы соответствовала реальным требованиям внешней и внутренней среды, а также поставленным задачам социального развития и достижениям экономически эффективных результатов [3, С. 47].

Организационные структуры государственной службы, которые существуют в различных субъектах РФ, включают в себя элементы разных типов организаций, которые описываются в научной литературе. Чаще всего они сочетают в себе признаки механических функциональных и двойственных организационных структур.

Для механических функциональных организационных структур свойственны централизованное принятие решений, разделение труда, ответственность в работе и иерархия в организации, а также жесткий подбор кадров по деловым и профессиональным качествам. А вот к недостаткам данной организационной структуры следует отнести отсутствие оперативности и адекватности поведения во внешней окружающей среде, что ведет к различным проблемам в организации.

В дуальных структурах прослеживается наслаивание на основную структуру ряда дополнительных (комиссии, рабочие группы, коллегии) структур. Образование дополнительных структур состоит в решении задач, плохо вписывающихся в линейную систему и затрудняющих регламентированную работу. В дуальных структурах помимо вторичных структур организуются еще и третичные структуры в виде управляющих групп. Иногда в постановлениях при организации вторичной структуры можно встретить: «Контроль возложить на то или иное должностное лицо», которое не относится ни к первичной, ни к вторичной структуре. В результате всего структуры могут превратиться в «непрозрачные», которые характеризуются увеличением численности персонала. В этих случаях остается неясно, какие именно вопросы будут решаться в первичных, а какие во вторичных организационных структурах. Может

возникнуть опасность смещения функций данных структурных слоев. Некоторые из вторичных структур могут превратиться в первичные.

Осуществляют функции управления именно государственные службы. Если опираться на сущность и социальную роль государственной службы, в административной (аппаратной) деятельности, необходимой для обеспечения исполнения полномочий муниципальных органов, можно выделить следующие функции:

– функции информационно-аналитического, технологического, финансово-хозяйственного, экспертного, правового и кадрового обеспечения.

При конструировании системы управления очень важно учитывать и то, что органы исполнительской власти необходимы не для управления или руководства жизнедеятельностью общества, а для его обслуживания. В местном самоуправлении преобладает хозяйственная составляющая муниципального управления.

Сегодня на практике преобладают организационно проектированные структуры, которые являются подходами, в основе которых лежит не принцип адекватности архитектуры государственной службы ее функциям и задачам, а иные принципы. В числе данных структур можно наблюдать желание организовать муниципальную службу как можно более малочисленной или более представительной; не обидеть должностями приближенных и «заслуженных» людей; отдать «своим» кадрам ключевые должности; сконцентрировать власть в одних руках и т.д. [1]. Все это делается второпях, келейно, а иногда даже преследуется цель избавиться от неугодных сотрудников под видом сокращения штатов и т.д. В этом случае проектирование организационно-штатных структур органов местного самоуправления заканчивается лишь установлением общей численности должностей в структурном подразделении [5, С. 34].

Завершая проведенный в статье анализ, мы можем сделать следующий вывод. Наиболее важная часть организационного проектирования – это установление объема властных полномочий в структурном подразделении, а также разработка функционала должности служащего и конечного уровня распределения власти, полномочий, ответственности, до чего либо совсем не доходит, либо употребляются наиболее общие и малопригодные положения для практики работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васьков М. А. Социальный контекст формирования управленческой культуры региональной бизнес-элиты России в переходный период в российском обществе // Общество: политика, экономика, право. – 2010. – № 1.

2. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М., 1996.

3. Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003.

4. Файоль А., Эмерсон Т., Тейлор Ф., Форд Г. Управление – это наука и искусство. – М., 1992.

5. Федоренко Т. М., Скачкова Е. И. Аспекты профессионализма в системе государственной службы // Вестник СевКавГТУ. Серия «Экономика». – 2003. – № 2 (10).

6. Шестаков Ю. П. Реформирование местного самоуправления: первые шаги, проблемы и их разрешение // Инновации в местном самоуправлении: Юг России в контексте национального и европейского опыта / Доклады на российско-германской научно-практической конференции 27 – 28 мая 2005 г. Вып. 2. – Ростов н/Д, 2005.

УДК 31

РОЛЬ АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
(из опыта социологического анализа)

Игнатенко О. П., Фомина Т. К.

AGENTS OF SOCIALIZATION IN THE PREVENTION OF INTRETHNIC CONFLICTS
(experience of sociological analysis)

Ignatenko O. P., Fomina T. K.

Для обеспечения безопасности проживания в инонациональной среде необходима целенаправленная просветительская работа агентов социализации, которая будет ориентирована на создание толерантных отношений с российским студенчеством, с местным населением.

To ensure the safety of living in a foreign country for overseas students we need a purposeful educational work of agents of socialization, which will be oriented on the creation of tolerant relations with the Russian students and with the local people.

Ключевые слова: формальные агенты социализации, иностранные студенты, работа по профилактике межнациональных конфликтов, толерантность.

Keywords: formal agents of socialization; foreign students; work on the prevention of inter-ethnic conflicts; tolerance.

Обучение большого количества иностранных студентов в российских вузах является политически значимым фактом. Это, с одной стороны, свидетельство авторитета России, а с другой – способ интеграции в мировое интеллектуальное сообщество. Абсолютно очевидно, что обучающиеся в России иностранные граждане – это будущая интеллигенция, у которой сформировано толерантное отношение к России и которая в то же время является социальным каналом, позволяющим расширять позитивную информацию о Российской Федерации.

В течение 50-ти лет в Волгоградском государственном медицинском университете ведется обучение иностранных студентов, представляющих 119 стран мира (Германию, Чехословакию, Индию, Малайзию, страны арабского мира, Латинской Америки, Африки и др.). За этот период подготовлено 3,5 тысячи врачей для зарубежных стран. За эти годы в ВолгГМУ создана научная и методическая школа по подготовке национальных кадров для зарубежных стран.

Контингент иностранных граждан, приезжающих учиться в Россию, неоднороден по национальному составу, социальному происхождению, степени предварительной адаптации, аксиологическим ориентациям.

Приезжая совершенно в новую страну, живя и обучаясь, иностранные учащиеся сталкиваются с большим количеством проблем, которые не являются актуальными для российской молодежи. Это вызывает у студентов-иностранцев фрустрацию, которая может привести к стрессу.

В последние годы обострилась социальная ситуация вокруг иностранных студентов, обучающихся в вузах России. С одной стороны, негативное отношение к феномену иностранцев в России выражается в различных формах, в том числе и экстремистских. С другой стороны, недоверие иностранцев к местному населению. Все это определяет этот процесс как взаимосвязанный.

Возникает вопрос: что необходимо предпринять, чтобы предотвратить межнациональные конфликты, редуцировать межнациональную рознь?

Работа по целенаправленной профилактике безопасности в инонациональной среде может быть успешной только в том случае, когда на всем протяжении обучения осуществляется контроль за состоянием прямой и обратной связи между субъектом и объектом процесса.

В вузе на протяжении длительного времени проводятся исследования, результаты которых позволяют скорректировать и сделать более эффективным процесс по предупреждению конфликтных ситуаций внутри студенчества, с местным населением, с российской молодежью.

Исследования социально-культурных ориентаций иностранных студентов позволили нам определить их отношения с российскими студентами. На вопрос «Есть ли у Вас друзья среди российских студентов?» 40% иностранных студентов отвечают утвердительно. 25% обращаются за помощью к российским студентам. Иностранцы отмечают, что отношения с российскими ребятами ровные, этнических или каких-либо других конфликтов не отмечают. Многие предпочитают общение с российскими студентами общению с представителями других стран.

Кроме того, коммуникативные установки иностранных студентов мы выясняли с помощью интервью и ответов на следующий вопрос (таблица 1).

Таблица 1

Как Вы считаете, Вам лучше…?

Варианты	*Кол-во*	*%*
1.1. обучаться вместе с российскими студентами	128	51,2
1.2. обучаться отдельно от российских студентов	87	34,8
1.3. хотел бы обучаться в другом вузе	5	2,0
1.4. другое (напишите)	13	5,2
1.5. затрудняюсь ответить	17	6,8

Более половины всех иностранных студентов (51,2%) считают, что им лучше обучаться вместе с российскими студентами. Нам кажется, это желание, прежде всего, продиктовано интересом иностранцев к общению с российскими студентами в неформальных коммуникациях.

Хотя совершенно очевидным является тот факт, что подключение российских студентов к многоаспектному процессу адаптации иностранных студентов в качестве неформальных агентов социализации может сыграть существенную роль в учебном процессе.

Обучаться отдельно от российских студентов желают 43,8% иностранцев.

На наш взгляд, это можно рассматривать как устойчивый учебный интерес, позволяющий иностранному студенту более эффективно организовать процесс приобретения профессиональных знаний и навыков.

2% респондентов хотят обучаться в другом вузе. Возможно, иностранные студенты не смогли адаптироваться к учебному процессу вуза. Кроме того, причиной такого негативного отношения может быть и не сложившиеся отношения на личностном уровне с преподавателями или российскими студентами.

Достаточно тревожно выглядит цифра 6,8%. Эти студенты затрудняются ответить, какая форма обучения их больше устраивает, хотя общеизвестно, что студент – эта зрелая личность, способная анализировать и делать выводы.

Нам кажется, что данный результат свидетельствует о неразвитости коммуникативных навыков, но это может быть связано как с характером обучения, так и с предыдущим жизненным опытом студентов.

Распределение желаний респондентов выглядит так (см. рис. 1):

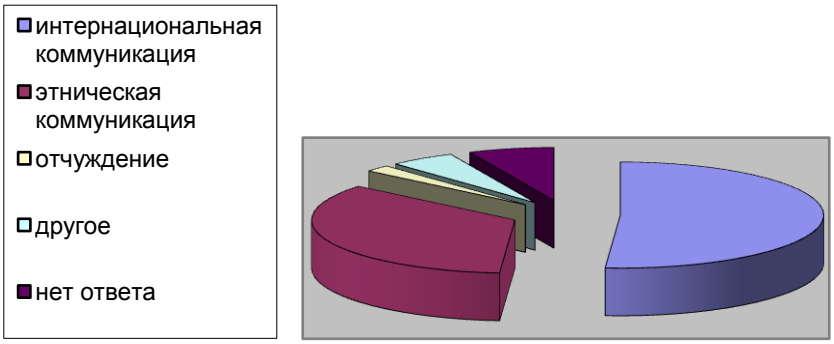

Рисунок 1

5,2% респондентов предлагают свои варианты:

1. «Обучаться с российскими студентами после 3 курса» (1 курс).
2. «Обучаться с российскими студентами после 4 курса» (1 курс).
3. «Все зависит от самого студента» (1 курс).
4. «Все равно с кем учиться, все зависит от меня, как я тружусь» (2 курс).
5. «Хотел бы с российскими студентами, но устраивает, что иностранцам преподают по специальной методике» (4 курс).

У российских студентов (64%) вызывают интерес иностранцы, обучающиеся в вузе. Но есть студенческая молодежь (36%), которая инертна и не подготовлена к контактам с иностранными студентами.

Приведенные данные говорят о том, что необходима целенаправленная просветительская работа агентов социализации, которая будет ориентирована на создание толерантных отношений внутри интернационального студенчества.

В Волгоградском государственном медицинском университете, имеющем многолетний опыт обучения иностранных студентов, работа по профилактике межнациональных конфликтов и безопасности иностранных студентов структурирована и представлена целой системой мероприятий, реализуемых агентами социализации: администрацией вуза, преподавателями, сотрудниками деканата по обучению иностранных студентов, сотрудниками общежитий и т.д.

Созданная в ВолгГМУ система мероприятий по обеспечению безопасности иностранных учащихся имеет несколько направлений: организационные мероприятия с вновь прибывшими студентами; создание института кураторов: последние являются формальными агентами социализации; студенческое самоуправление. Работа регулируется и контролируется сотрудниками деканата, также являющимися формальными агентами социализации; взаимоотношения с российскими студентами; взаимоотношения с российской молодежью и местным населением.

В нашем университете реализуется Комплексная программа, направленная на межэтническую интеграцию. В рамках данного направления в ВолгГМУ создана и успешно реализуется Программа по адаптации, которая в первую очередь направлена на профилактику межнациональных конфликтов как со стороны иностранных учащихся, так и со стороны российской молодежи, местного населения. В рамках этой программы разработан и реализуется План совместной работы российских и иностранных студентов, предусматривающий создание интерактива, проведение уроков дружбы, интернациональных вечеров с участием российских и зарубежных студентов.

Сложным вопросом являются отношения местного населения и иностранных студентов, поскольку его (вопрос) невозможно решить только путем определенной организации работы с иностранными студентами, а рычаги влияния на поведение местных жителей у работников вузов практически отсутствуют. Образ жизни, структура питания, праздники, стереотипы поведения в общественном транспорте, отношения между полами, религиозные обряды, особенности посещения театров, кинотеатров, музеев, экскурсий, отношения на рынках и в магазинах. Можно перечислить и многое другое, но о чем идет речь – достаточно очевидно.

Причины негативизма в отношении к иностранным студентам – это, прежде всего, отсутствие или ограниченность информации о них. Что касается языковых и финансово-экономических проблем адаптации иностранных студентов вне стен вуза, мы можем только одно – более тщательно готовить их к встрече с российской действительностью. Для этого мало сугубо просветительских занятий, нужны новые методы работы – деловые игры, полевые тренинги, мониторинг адаптивности, возможно, полезным будет привлечение к работе на подготовительных отделениях психологов и социологов.

Что же касается непосредственного общения с местным населением и вытекающих из этого проблем, то на вооружении у вузовских коллективов должна быть широкая ознакомительная программа с привлечением средств массовой информации, организацией встреч иностранных студентов в школах, организациях, на предприятиях. Можно иметь свою страничку в местной печати, прежде всего – в молодежных изданиях. Целесообразно организовывать регулярные фестивали народов стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Для профилактики конфликтогенной обстановки сотрудниками ВолгГМУ принимается ряд основных мер, позволяющих оптимизировать данный процесс: широкая ознакомительная программа с привлечением средств массовой информации (радио, телевидение, периодическая печать). Отсутствие или ограниченность информации об иностранных студентах всегда влечет за собой негативное отношение к ним и отсутствие взаимопонимания;организация встреч иностранных студентов с российской молодежью (посещение КИДов, лицеев, школ города и других учебных заведений города);участие в городских мероприятиях вместе с российской молодежью (День города, российские праздники и т.д.);участие в фестивалях языков;совместное участие в спортивных секциях и соревнованиях, что позволило появиться новым видам спорта.

Работа по предупреждению межнациональных конфликтов, организованная как целенаправленный процесс, должна находиться под постоянным контролем формальных агентов социализации. Прежде всего, это преподаватели, выступающие главными трансляторами профессиональных ценностей, а также те, кто по своим служебным обязанностям связан с подготовкой иностранных студентов, начиная от служащих, рекрутирующих студентов на учебу в их странах и заканчивая ректорами медицинских вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомина Т. К. Иностранные студенты в медицинском вузе России: интериоризация профессиональных ценностей. – Дис. … на соиск. Д-ра социол. Наук. – Волгоград. – 2004. – С. 289.

2. Буклет «Программа «Толерантность». Электронный ресурс. – Электрон. Дан. СПб. [2006]. – Режим доступа: http://www.kvs.spb.ru/ru/activity/national/tolerinfo/. – Загл. С экрана.

УДК 31

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

Кожинов А. Г.

STUDY THE BASIC METHODS OF MANAGEMENT, ENSURING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF THE ENTERPRISE

Kozhinov A. G.

В статье обосновывается необходимость разработки методов управления, обеспечивающих экономическую эффективность предприятия. Анализируется экономическое функционирование предприятия, основные технологии управления, а также методы экономического управления предприятием. Автор указывает на то, что исследуемые направления должны строиться на основе современных экономических методах.

The author describes the necessity of development of methods of management, ensuring the economic efficiency of the enterprise, analyzes the economic functioning of the enterprise, key management technologies and methods of economic management. The author points out, that these areas should be based on modern economic methods.

Ключевые слова: производство, эффективность, функционирование предприятия, технологии управления.

Keywords: production, performance, enterprise, management technologies.

На сегодняшний день в литературе часто подвергается анализу экономическое функционирование предприятия, его общие

закономерности, основные принципы теории и технологии управления, направления разработки и применения статических, динамических, аналитических и графических моделей и методов для экономического управления предприятием, способы анализа его экономической эффективности.

При разработке проанализированного выше комплекса методов и моделей для экономического управления учитывались взаимные связи более существенных элементов хозяйственного механизма. Поэтому нужно обратить внимание на важность тех факторов, которые не рассматривались в изложенных выше основных принципах теории экономического управления, но оказывающие заметное влияние на экономическую эффективность как де предприятия, так дятельностии выпускаемой им продукции при ее использовании потребителем [2, С.110].Существенным для практики является использование комплексного подхода к оценке факторов, воздействующих на экономическую эффективность предприятия. При этом необходимо хотя бы в кратком изложении указать наиболее значимые факторы, которые необходимо учитывать вместе с теми основными экономическими элементами, роль которых отражена в рассмотренных методах и моделях экономического управления.На экономическую эффективность предприятия влияет ряд следующих факторов: объема выпуска продукции; постоянных затрат, относимых на данную продукцию; переменных затрат на единицу продукции;оптовой цены единицы продукции; себестоимости продукции;прибыли; динамики реализации продукции по периодам времени (в динамических моделях);наличия собственных и привлекаемых (кредитов) средств; скачков в ценах на энергопотребление и топливо (в динамических моделях);незавершенности производства;производственных запасов; срока службы выпускаемой продукции (долговечности);снижения стоимости производства и эксплуатации продукции при ее унификации; стоимости годовой эксплуатации технических изделий; влияния качества изделия на его оптовую цену.

При организации предприятия, его реконструкции и экономическом управлении им необходимо учесть: влияние ассортимента продукции, распределения объемов выпуска по каждому виду номенклатуры, радиусов перевозки материалов и продукции на экономическую эффективность; влияние масштаба предприятия на возможность его переоснащения и приспособления к выпуску новой продукции, на транспортные расходы; влияние транспортабельности сырья и продукции на масштаб предприятия, что существенным образом влияет на принятие решений по специализации и кооперированию производства; роль продолжительности различных стадий жизненного цикла продукции в достижении экономической эффективности; соответствие производимой продукции оптимальному типажу данного вида продукции; влияние продолжительности эксплуатационного периода изделий, времени, затрачиваемого на ремонт, на экономическую эффективность приобретения и эксплуатации их потребителем; влияние увеличения продолжительности

нахождения продукции в серийном производстве за счет сокращения сроков на проектирование и освоение производства изделий и ускорения их ввода в эксплуатацию на экономическую эффективность производителей и потребителей продукции; организацию системы мероприятий по учету выявленных дефектов и недостатков в продукции предприятия, находящейся в эксплуатации у ее потребителей; обеспечение мер по увеличению качества комплектующих изделий и материалов, снижению трудоемкости и материалоемкости продукции; обеспечение мер по стимулированию работников за достижения по повышению качества выпускаемой продукции; влияние передовых технологий на экономическую эффективность выпуска продукции; применение штрафных санкций за поставку сырья, материалов, комплектующих, не отвечающих нормативам их качества.

Некоторые из приведенных факторов носят организационный характер, и для их реализации требуется организовать необходимое планирование.Из проведенного анализа направлений работ по обеспечению экономической эффективности деятельности предприятия следует, что их применение носит комплексный характер и нуждается в организационном планировании [1, С.40].

При переходе к рыночной экономике система планирования предприятия претерпела существенные изменения, снизилась роль анализа результатов выполнения планов, ранее жестко регламентировавших жизнь предприятия. Однако планирование, как один из методов управления, необходимо и при рыночной экономике, так как современное производство невозможно организовать без обоснованного экономического анализа и прогноза развития производства, тенденций изменения технологии, условий спроса и предложения на производимую предприятием продукцию и постановки реально достижимых целей.

Планирование нужно для обеспечения согласования номенклатуры, объема, ассортимента выпускаемой продукции с объемом необходимых для этого производственных, материальных, финансовых и трудовых ресурсов, для обеспечения целенаправленного продвижения выпускаемой продукции к потребителю, для обеспечения конкурентоспособности продукции, получения в результате хозяйственной деятельности достаточного дохода для самоокупаемости, самофинансирования производства продукции и определенной нормы прибыли для развития производства и обеспечения рентабельности собственного и привлеченного капитала.Главной целью планирования становится разработка и обеспечение стратегии поступательного развития производства, определенной тактики решения ближайших текущих оперативных задач предприятия.

Разрабатываемые стратегические (на 3-15 лет) и оперативные (обычно на 1 год) планы предприятия являются ориентирами для целенаправленных действий всех его подразделений и персонала, определенным руководством (и даже инструкцией) при принятии решений по управлению производственной и сбытовой деятельностью [4, С.115].

Содержание планов в условиях рынка не определен законодательно и зависит от масштаба предприятия, более широк по назначению для крупных предприятий и значительно уже для малых и средних.Стратегическое планирование наиболее развито в крупных по масштабу предприятиях,

оперативное планирование (годовое, квартальное) применяется практически во всех типах предприятий: малых, средних и крупных [3, С.31].

На основе вышеизложенного можно отметить, что наибольшее внимание при оценке экономической эффективности производства уделяется оценке прибыли и показателям рентабельности производственной деятельности. Показатели рентабельности характеризуют эффективность работы предприятия в целом, окупаемость затрат. Они более полно, чем прибыль, характеризуют окончательные результаты хозяйствования, потому что их величина показывает соотношение эффекта с наличными или использованными ресурсами. Эти показатели применяют для оценки и анализа хозяйственной деятельности и используют при ценообразовании и оценке инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Е.М. Организация, планирование и управление предприятием. Издательство: АСВ изд-во, г.Москва, 2011 г.

2. Медведева О.В. Комплексный экономический анализ деятельности предприятия. Серия: Высшее образование Издательство: Феникс, , г.Москва, 2010 г.

3. Минько Э.В. Организация коммерческой деятельности промышленного предприятия. Издательство: Финансы и статистика; ИНФРА-М, , г.Москва, 2010 г.

4. Сергеев И.В. Экономика организаций (предприятий). Издательство: Проспект, , г.Москва, 2010 г.

УДК 31

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В МИРЕ И В РОССИИ

Шевченко А. И.

TO A QUESTION OF THEORETICAL BASICS OF SOCIAL POLICY IN POINT OF PEOPLE WITH LIMITED OPPORTUNITIES IN THE WORLD AND IN RUSSIA

Shevchenko A.I.

В статье анализируются теоретические основы социальной политики в отношении инвалидов, опыт, проблемы и возможности их решения в мире и современной России. Автор рассматривает основные парадигмы инвалидности и построенные на их основе модели взаимоотношений в современном обществе.

The article analysis basics of social policy in point of people with limited opportunities, experience, problems and ways of their solution in the world and in modern Russia. The author notes foundation paradigm of disability and constructed on their basic relationship models in modern society.

Ключевые слова: инвалид, социальное положение, социальная политика, государство, общество, модель инвалидности.

Keywords: invalid, social status, social policy, the State, society, disability model.

Идеологические, культурные и социально-экономические трансформации российского общества наложили свой отпечаток на социальную политику в отношении инвалидов. Россия, пытаясь войти в мировое сообщество как открытое социальное и демократическое государство, одним из приоритетных направлений государственной политики декларирует обеспечение равенства возможностей всех членов общества, включая людей с ограниченными возможностями. Реформаторская деятельность в социально-правовой сфере инвалидности начала приносить свои первые скромные результаты, однако оказалась связанной с преодолением целого ряда институциональных, социально-экономических, идеологических и культурных проблем. Общая системная картина социального государства пока еще не готова. Поэтому сегодня вопрос о национальной политике в области инвалидности для России приобретает особую актуальность и требует тщательной концептуальной проработки.

Национальные концепции социальной политики в области инвалидности не являются раз и навсегда определенными и статичными конструктами. Наоборот, скорее, можно говорить о постоянно трансформирующейся природе социальной политики в области инвалидности, потому что ее приоритеты и содержание изменяются во времени.

Можно выделить определенное количество различных исторических и современных моделей инвалидности, повлиявших или влияющих на конструируемую социумом социальную политику в области инвалидности, условно разделяемых на две парадигмы инвалидности: «старую» – медицинскую – и «новую» – социальную, хотя с дальнейшим развитием общества не исключено и появление некоей третьей, «новейшей» парадигмы инвалидности [1].

На основе так называемой «старой» парадигмы возникли и развивались такие модели, как моральная (религиозная), медицинская, экономическая, реабилитационная, модель функциональной ограниченности. В конечном итоге эти модели делают упор на то, что у данного лица лимитировано или отсутствует. Религиозная модель акцентирует внимание на неспособности инвалидов к социальной адаптации по моральным основаниям («божье наказание»), медицинская – на нездоровье, экономическая – на неспособности к экономическому труду, модель функциональной ограниченности – на неспособности в широком смысле этого слова. Деятельность по реализации этих моделей была направлена на то, чтобы создать для инвалидов отдельные социальные ниши, не пытаясь полноценно вписать их в социум, что вело, в свою очередь, к созданию барьеров общения между здоровыми членами

общества и инвалидами, к поощрению пассивного социально-профессионального поведения инвалидов и снижению их статуса на рынке труда.

«Новая», посттрадиционная парадигма инвалидности обращала внимание не на «недостатки» лиц с ограниченными возможностями, а на такой контекстуальный аспект инвалидности, как динамическое взаимодействие между инвалидом и окружающей средой, обществом в целом. Эта парадигма стала основанием для ряда социальных моделей инвалидности, которые условно могут быть разделены на британские и американские модели инвалидности.К так называемым британским моделям инвалидности можно отнести материалистическую модель и концепцию независимой жизни. К американским моделям относят: психосоциальную, социально-политическую, культурную и модель «человеческого разнообразия».Британская материалистическая модель представляет собой социальную модель инвалидности, базирующуюся в основном на идеях К. Маркса и в качестве методологической базы использующую марксистскую социологию и марксистскую политическую экономию. Эта модель характеризуется нескольким ключевыми элементами: а) провозглашает, что люди с ограниченными возможностями являются угнетенной социальной группой; б) делает различия между повреждениями, которыми обладают люди, и угнетением, с которым они сталкиваются; в) определяет инвалидность (что наиболее важное) как социальное угнетение, которое испытывают инвалиды.

Общество с его социальными институтами представлено в данной модели таким образом, что оно делает инвалидов из людей, у которых есть проблемы со здоровьем. Ключевая роль в продуцировании категории «инвалидность» посредством действий на рынке труда и социальной организации занятости принадлежит экономике. Поскольку главной целью капиталистического производства является получение прибыли, то оно мало заинтересовано в более медленных и менее продуктивных темпах работы лиц со стойким нарушением здоровья, определяя их как инвалидов.

Британская модель независимой жизни вытекала из теории нормализации и социальной валоризации и в качестве методологической базы использовала функционалистскую социологию, социологию символического интеракционизма и частично идеи «второй волны» феминизма. Данная модель оказала значительное влияние на формирование концепций социальной политики в области инвалидности во многих западных странах, таких, например, как Великобритания, Швеция и США [2]. Свое конкретное отражение она нашла в официально взятом курсе на деинституциализацию и декарцерацию, то есть на свертывание сети специализированных интернатов для людей с ограниченными возможностями и на развитие разнообразных форм обслуживания и поддержки инвалидов непосредственно по месту жительства – вначале в скандинавских странах, затем в Великобритании и США.

Идея нормализации, лежащая в основе данной модели, предусматривает определенные преобразования именно в этом направлении. Кроме того, она включает развитие самопомощи, что согласуется с идеологией независимой жизни [3]. Понятие «независимая жизнь» в концептуальном значении подразумевает два взаимосвязанных элемента. В социально-политическом значении независимая жизнь – это право человека быть неотъемлемой частью жизни общества и принимать активное участие в социальных, политических и экономических процессах, это свобода выбора и свобода доступа к жилым и общественным зданиям, транспорту, средствам коммуникации, труду и образованию. В философском понимании независимая жизнь – это способ мышления, ориентация личности. Философия независимой жизни ориентирует человека, имеющего инвалидность, на то, что он ставит перед собой такие же задачи, как и любой другой член общества. Включение в инфраструктуру общества системы социальных служб, которым человек, имеющий инвалидность, мог бы делегировать свои ограниченные возможности, сделало бы его равноправным членом общества, самостоятельно принимающим решения и обладающим ответственностью за свои поступки. Сторонники идеологии независимой жизни, вытекающей из теории нормализации, рассматривают самопомощь как ключевой и весьма полезный элемент, способствующий более эффективным процессам самореализации инвалида.

Анализ американских моделей инвалидности можно начать с базовой психосоциальной модели инвалидности, вытекающей из учения Гофмана и в качестве методологической базы использующей социологию символического интеракционизма и постмодернистские концепции. Эта модель, разработанная вначале в США, приобрела широкое признание в научном сообществе и стала методологической базой, на основе которой развивалось большинство из последующих американских моделей инвалидности: социально-политическая модель инвалидности как группы угнетаемого меньшинства, культурная модель инвалидности, модель человеческого разнообразия.

Теоретическая модель угнетения инвалидов, или социально-политическая модель инвалидности, была предложена активистом движения инвалидов в США и преподавателем Харланом Ханом в 1994 г. В качестве теоретического основания были использованы идеи и принципы философии прав инвалидов и идеологии гражданских прав, получивших мощное развитие в США и Западной Европе, начиная с 60 – 70-х гг. прошлого века. Модель Хана является одной из социальных моделей инвалидности. Он рассматривает инвалидов как группу угнетаемого меньшинства в современном обществе и помещает инвалидность внутрь плоскости взаимоотношений между инвалидом и общественными условиями. Согласно данной концепции, инвалидность не стоит рассматривать как нечто, присущее индивиду: это следствие инвалидизирующей, не поддерживающей данного индивида окружающей среды. Одним из результатов социально-политического определения

инвалидности и развития модели инвалидности как группы меньшинства стало развитие способности инвалидов самостоятельно интерпретировать казалось бы дискредитирующие атрибуты собственной телесности в терминах политической идентичности. Тем самым инвалиды из объектов становятся динамичными субъектами, акторами социальной политики в области инвалидности.

Согласно культурной модели, инвалидность можно рассматривать как совершенно особый культурный феномен, отличный от других культурных феноменов. Дискуссия о культурной модели инвалидности ведется о том, каким образом социальная идентичность сплачивает людей, каким образом культура и искусство инвалидов дают возможность людям с ограниченными возможностями не только войти в «мэйнстрим» доминантной культуры, но и создавать собственный позитивный публичный имидж в обществе [4].

Модель человеческого разнообразия в качестве методологической базы использует социологию постмодернизма и феминистскую социологию. В рамках данной модели дискуссия об определении инвалидности помещается не в смысловое пространство аномалии, а в смысловое пространство, в котором инвалидность является одной из многих индивидуальных особенностей стиля жизни, свидетельством человеческого разнообразия, разнообразия человеческой телесности без оценочного компонента и построения иерархии нормы и уродства. При таком подходе инвалидность – это, по сути дела, нормальное состояние человека.

Рассмотренные британские и американские модели инвалидности наглядно демонстрируют процесс постепенного переосмысления идеи инвалидности, отказ от стереотипных подходов, попытку рассмотреть возможности оптимальной адаптации инвалидов к социуму как за счет их собственных усилий и пересмотра собственного отношения к инвалидности, так и за счет пересмотра отношения общества к инвалидности.

В связи с такими общественными представлениями о природе инвалидности все возможные современные национальные концепции социальной политики в области инвалидности можно условно разделить в связи с выбранными стратегиями на две группы: 1) патерналистская концепция, или концепция социального обеспечения; 2) инновационная концепция, или концепция гражданских прав. Поскольку эти две концепции социальной политики в области инвалидности отличаются друг от друга по принципиальным вопросам, можно говорить об определенном напряжении между этими двумя моделями как на национальном, так и на международном уровне.На концепцию социальной политики, условно называемую патерналистской, или концепцией социального обеспечения, большое влияние оказали те модели инвалидности, которые можно отнести к «старой» парадигме инвалидности, поскольку она опирается на идеологию сепарации инвалидов. По мнению исследователей, эта концепция доминировала в западных странах и России до 1970 – 1990-х гг.

прошлого века, поскольку поддерживала сохранение социальных институтов, прежде всего, в интересах здорового большинства, осуществляя функции социального контроля в аспекте социального исключения инвалидов. В то же время люди с ограниченными возможностями в тех условиях не были лишены внимания и заботы со стороны государства. Социальная политика и программы помощи развивались в направлении так называемых базисных потребностей. Инвалидам могла быть предложена соответствующая поддержка в виде социальных пособий и пенсий, различных форм обслуживания, включая медицинское, специальное образование и профессиональное обучение, но, как правило, в специально созданном для этого параллельном пространстве. Степень участия государства в решении проблем инвалидов была довольно велика.

Однако в связи с кризисом модели государства всеобщего благосостояния, господствовавшей до указанного периода в промышленно развитых странах Запада, а также в условиях социетальной трансформации российского общества эффективность данной модели была поставлена под сомнение, и наметился переход к инновационной концепции гражданских прав.

Концепция гражданских прав по сути своей содержит идеи упоминавшейся ранее «новой» парадигмы инвалидности и является инновационным подходом в том смысле, что впервые в истории рассматривает инвалидов как равноправных членов общества и акторов социальной политики, создавая предпосылки для их возвращения в обычную среду, используя стратегию деизоляции.

Инновационная концепция гражданских прав как антидискриминационная концепция социальной политики в области инвалидности в настоящий момент получает широкое распространение на Западе с принятием в 1990 г. в США Закона США об инвалидах и ряда других законодательных документов в европейских странах.

Некоторые специалисты говорят о конвергенции национальных политик в области инвалидности таких государств, как Великобритания, Мексика, Канада, США, Германия, Австралия, Израиль, Новая Зеландия, Япония и других, поскольку за основу собственной социальной политики в области инвалидности они взяли в качестве образца новейшее законодательство США, а именно Закон США об инвалидах [5]. Причем разработанная в США концепция гражданских прав рассматривается не как особый продукт американского «импорта», а как международный эталон социальной политики, не только наиболее полно защищающей гражданские права и способствующей повышению социального статуса и интеграции инвалидов в общество, но и создающей предпосылки для дальнейшей гуманизации общества в целом. Такая политика экономически выгодна для государств в силу снижения ассигнований в результате практики деинституциализации, то есть свертывания сети специализированных интернатов и учреждений стационарного типа и развития обслуживания инвалидов по месту жительства.

Концепция гражданских прав построена на идее интеграции инвалидов в общество и предполагает активное включение людей с ограниченными возможностями в политический процесс: то есть инвалиды рассматриваются как полноправные акторы, субъекты социальной политики, а не только как ее объекты. Она отказывается от предположения о том, что социальная эксклюзия является неизбежным последствием инвалидности.

Согласно этой концепции социальной политики в области инвалидности, проблемы людей с ограниченными возможностями показаны как ограничения, возведенные в отношении инвалидов социальным устройством общества, поскольку организация общества продуцирует институциональную сепарацию инвалидов, а значит, и их тотальную дискриминацию.

Целью концепции гражданских прав является, скорее, реформирование основных социальных институтов по включению в них инвалидов, чем создание параллельного пространства, где могли бы существовать люди с ограниченными возможностями. Более того, считается, что необходимо сформировать в общественном сознании позитивный образ инвалидности. Здоровое большинство общества должно изменить свое отношение к инвалидности, расставаясь с дискриминирующими стереотипами и больше общаясь с людьми с ограниченными возможностями.

На практике довольно сложно совместить концепции патернализма и гражданских прав в качестве социальной политики в отношении инвалидности, так как они являются антагонистическими по своей природе.

Однако есть государства, которые в реальных условиях сочетают эти две политики: например, в Великобритании, официально провозгласившей концепцию гражданских прав в качестве основы своей социальной политики в области инвалидности, присутствуют законы, ценности и идеология, относящиеся к концепции патернализма и медицинской модели инвалидности.

Совмещение этих двух концепций происходит, когда к существующим политическим инструментам и программам патерналистского толка добавляются антидискриминационные законы в русле идеологии гражданских прав.

В какой же модели социальной политики нуждается Россия? С нашей точки зрения, здесь необходимо совмещение политического курса и социальных программ, относящихся к разным концепциям социальной политики в области инвалидности.

На данном этапе Россия пытается сформировать национальную концепцию социальной политики в области инвалидности. С одной стороны, в качестве приоритетной концепции социальной политики делается попытка выбора концепции гражданских прав, так как сегодняшние российские законодательные акты относительно заботы и помощи людям с ограниченными возможностями по содержанию

приближаются к законам и принципам, принятым во всем мире. С другой стороны, существует реальная опасность того, что политические элиты, на самом деле придерживаясь идеологии «старой» парадигмы инвалидности, декларативно и формально изберут в качестве приоритетной концепцию гражданских прав только для того, чтобы взять курс на сворачивание государственной системы бесплатного медицинского и социального обслуживания инвалидов, сокращение и так весьма скудных расходов на лечение и содержание инвалидов, чего нельзя делать ни в коем случае.

Поэтому сегодня вопрос о национальной политике в области инвалидности требует концептуальной проработки, а не популистских шагов, рассчитанных на короткую перспективу политического цикла. Поиск концептуальной модели социальной политики для России должен идти не по принципу «усвоения» современных западных теорий, а по принципу их «осмысления».

Причем конструирование этих новых моделей должно осуществляться не за счет отказа от тех социальных завоеваний, которые были достигнуты ранее, а на основе анализа и обобщения действенных и адекватных схем реализации социальной политики, предпринятых на протяжении десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ratliffe C., Haley J. Toward a Non-Dualistic Disability Paradigm: Beyond Connectedness // Disability Studies Quarterly. 2002. Vol. 22. № 2 / http: www.cds.hawaii.edu/dsq/ _articles_html/2002/Spring/dsq_2002_Spring_10.html. Обращение к ресурсу 09.11.2012.

2. Рамон Ш. Нормализация и социальная валоризация в контексте современной социальной политики // Управление здравоохранением. – 2001. – № 2. – С. 15 – 25.

3. Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами: Учеб. пособие. – Саратов: СГТУ, 2003.

4. Finkelstein V., Morrison E. Broken Arts and Cultural Repair: the Role of Culture in the Empowerment of Disabled People // Disablin Barries - Enabling Environments / J. Swain, V. Finklesten, S. French, M. Oliver (Eds). Sage Publications Ltd. 1993; http:// www.independentliving.org/docs3/finkelstem93a.pdf. Обращение к ресурсу 12.11.2012.

5. Claire K. Rights on the road: Disability politics in Japan and Germany // UMI ProQuest Digital Dissertations - 24 Page Preview / http: // www.lib.umi.com/dissertations/preiew_all / /3045427. Обращение к ресурсу 04.11.2012.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.4

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК БАЗИС РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Бакланов И. С., Бичахчян М. К.

LEGAL CONSCIENCE AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF A DEMOCRATIC SOCIETY

Baklanov I. S., Bichakhchyan M. K.

Статья посвящена исследования феномена правосознания как одного из ведущих факторов в становлении демократической системы, эффективного механизма становления и функционирования политической идеологии, анализируется роль правосознания в процессе легитимации политической власти в современном российском обществе.

The article is devoted to research of the phenomenon of legal conscience as one of the leading factors in the development of a democratic system, an effective mechanism for the formation and functioning of political ideology, analyzes the role of legal conscience in the process of legitimation of political power in the modern Russian society.

Ключевые слова: правосознание, демократическое общество, демократизация власти, легитимация власти.

Keywords: legal conscience, a democratic society, the democratization of power, legitimation of power.

В нынешних, довольно непростых социально-политических условиях именно демократия во всем мире становится самой востребованной и отвечающей реалиям современности формой устройства политической системы общества. Демократия позволяет гражданам не только осознанно и рационально избирать представителей управленческого аппарата, но и при условии развитости соответствующих институтов результативно и эффективно осуществлять мониторинг и контроль за их деятельностью [2]. При этом, даже несмотря на многочисленные проблемы, постоянно и повсеместно возникающие в ходе развития демократического социально-политического процесса практически во всех государствах, демократия как форма политического устройства общества наиболее эффективно справляется с различными вызовами, возникающими в «обществе риска» [10]. Поэтому, невзирая на существующие социокультурные традиции во многих государствах, до этого отнюдь не претендовавших на статус демократических, в условиях глобализации общества активно предпринимаются попытки формирования демократической политической системы и соответствующих эффективных механизмов управления социально-политическими процессами и институтами [14]. Данные тенденции

развития политического процесса в указанном направлении получили в литературе название демократизации общества. На протяжении второй половины XX века исследование проблемы демократизации социальных систем было одним из приоритетных направлений социальных наук, однако особенно актуальным изучение данного явления стало последние 20 лет, то есть после падения мировой системы социализма, произошедшего на фоне активных процессов социально-экономической глобализации и на волне подъема национализма во всем мире. В результате стали появляться многочисленные исследования условий демократизации различных государств мира, причем пик этих исследований пришелся на первую половину 90-х гг. XX в. [21].

При рассмотрении социально-политической практики демократизации современных обществ обнаруживается, что дальше всех в этом направлении продвигаются те государства, в которых генезис демократических институтов происходил постепенно [19] и их установление сопровождалось длительным формированием целостной и непротиворечивой системы соответствующих политико-правовых ценностей [4]. Причем одно из ведущих мест занимает формирование адекватных потребностям демократических институтов правовой идеологии и правовой психологии, то есть системы развитого и устоявшегося теоретизированного и практически-ориентированного правосознания и ориентации на свободу как ценность [11], [22]. Наоборот, в тех государствах, где не было относительно длительного исторического опыта последовательной и широкомасштабной демократической институционализации политической системы, процесс демократизации общества постоянно наталкивается на многочисленные трудности, которые имеют как институциональную, так и неинституциональную, прежде всего социокультурную, природу [5]. Вместе с тем демократические принципы политической жизни в значительной степени с энтузиазмом воспринимаются в большинстве своем населением именно тех государств, в которых социально-экономические проблемы решаются успешно и эффективно [9]. И напротив, тяжелое продвижение стран по пути демократизации происходит там, где социальные и экономические вопросы фактически никогда не решаются в интересах простых граждан, в результате чего в обществе произрастает не только политическая апатия, но и правовой нигилизм, приводящий к росту радикальных настроений, а то и вовсе к различным формам проявления экстремизма [3].

Что касается современного российского государства, то становление демократического общества в нем еще только происходит, даже несмотря на более чем два десятка лет демократических преобразований в нем. Основные проблемы, возникающие в ходе развития политического процесса по пути демократизации, в значительной степени вызваны трудностью нахождения наиболее оптимального соотношения социально-экономических и политических экспектаций индивидуальных акторов и социальных групп и общностей, с одной стороны, и действительных, ощущаемых всеми членами общества результатов

демократических преобразований, с другой стороны. Необходимым условием успешности процесса демократизации в России является рационально-легальная, а не однодневно-харизматическая легитимность властных институтов (особенно институтов исполнительной власти), которая невозможна без опоры на систему развитого правосознания граждан [1]. Однако довольно часто при решении злободневных и актуальных социальных проблем и в ходе эффективного управления общественными процессами и при решении актуальных политических вопросов российская власть, используя свою легитимность как ресурс, иногда следует отнюдь не демократическим принципам и методам, предпочитая довольно авторитарные методы. Объективно это связано с тем, что демократические методы управления обществом предполагают учет и длительное координирование мнений большинства акторов политического процесса, тогда как эффективное решение проблемы зачастую требует скорости, что нередко и приводит к авторитарной форме принятия и выполнения решений [8]. Вместе с тем в результате авторитарного принятия решений, непродуманности действий значительно увеличивается вероятность ошибок и возникает эффект концентрации политической ответственности за результат этих решений на лидере, который вынужден поднимать свою популярность с помощью собственной харизмы, но ему это не всегда удается. Безусловно, такая ситуация расходится с демократическими формами управления общества и отнюдь не способствует формированию высокого уровня правосознания граждан, увеличивая их склонность к правовому нигилизму. Симптоматичным для отечественного социально-политического дискурса является спор о целесообразности и даже о возможности формирования, функционирования и укрепления демократических политических институтов в современной России, а также о развитии соответствующих социально-политических практик в российском обществе. Внедрение демократических институтов и ценностей в российские социально-политические практики происходит болезненно в связи с наличием многочисленных авторитаристских тенденций, включающих в том числе инверсии правосознания, преодоление которых возможно путем повышения уровня образования молодежи [6], [15] и обращения к духовности ее ценностных ориентиров [7]. Вполне очевидно, что модели демократического устройства, воплощенные в политической системе определенной страны, неповторимы и довольно своеобразны ввиду не только социокультурных и национальных отличий, но и в силу того, что сама демократия как форма политического устройства общества не умещается в прокрустово ложе единственно возможной и унифицированной системы принципов, правил, норм и функционирующих в политической системе институтов.

В связи с этим можно говорить о конкретно воплощенной форме демократического устройства определенного государства, зависящей в значительной степени от множества причин, среди которых особо следует выделить сложившийся в обществе образ власти и образы отдельных

властных институтов. Указанный фактор в значительной степени обусловливает и образ правосознания, что в особенности можно сказать и о России: «Правосознание россиян связано с персонификацией власти и восходит к платоновской традиции, ставящей личные качества правителя выше закона. Эта тенденция получила свою поддержку и развитие в православной идеологии, которая непреложно ставит «благость выше закона», «милосердие выше закона», «любовь выше закона» [20, С. 334]. Причем связь правосознания и религиозного сознания ряду исследователей представляется весьма сильной [14].

Добавим также, что социокультурные факторы развития правосознания в российском обществе входят в противоречие с развитием демократического процесса в современной России, и это требует значительной работы по трансформации правовой психологии российских граждан и трендов институционального развития политической системы, так как она в силу социокультурных особенностей своего генезиса и развития имеет склонность к авторитаризму. С другой стороны, в современном российском обществе все еще идет активный поиск адекватной модели демократического устройства, которое наиболее бы отвечало потребностям и интересам отдельных граждан и большинства социальных групп и общностей, причем этот поиск сопровождается ростом желания населения и власти преодолеть такие явления, как коррупция в рядах чиновничества и правовой нигилизм. Именно стремление власти проводить модернизацию политической системы по пути демократизации [16] создает предпосылки для того, чтобы институты власти становились более ответственными и транспарентными для граждан, что в конечном итоге в значительной мере будет действительно способствовать развитию демократических институтов в России. При изучении вопроса о роли правосознания в формировании развития политического процесса по пути демократизации общества следует обратить внимание на то, что осмысление термина «демократия» может происходить в различных направлениях и выбор теоретико-методологического ключа к решению этой проблемы предполагает обращение к нескольким подходам, в рамках которых изучаются процедуры, ценности и среда, в которой реализуется процесс демократизации: процедурный, а также нормативистский, культурологический, дескриптивно-практический [17]. Большинству современных исследований в отечественном социально-политическом дискурсе присущ именно процедурный подход к описанию характеристик демократизации. В качестве примера первоначально обратимся к определению демократии, которое дано в одной из работ российского исследователя: «Демократия, которая функционирует в рамках гражданского общества и правового государства, *олицетворяет собой универсальные процедуры* (*курсив наш – авторы*), связанные: с избранием законодательных органов народом; со всеобщим избирательным правом; со свободным волеизъявлением; с правом большинства ограничивать (но не отменять) права меньшинства; с доверием народа органам власти; с

нахождением государства под общественным контролем» [18, С. 13]. Таким образом, в рамках данного подхода демократизация представляет собой прогрессирующее внедрение процедур, ориентированных на волеизъявление большинства граждан и на взятие институтами гражданского общества под контроль государственно-властных институтов. Именно процедуры позволяют создать адекватные формализованные модели функционирования демократических институтов, обозначить векторы коммуникационного направления взаимодействия его элементов. Серьезным вызовом процессу демократизации являются определенные дисфункции процедур, в противовес чего должно происходить налаживание механизмов с помощью последовательной и продуманной разработки более совершенных процедур или создания кардинально новых. Одной из возможных дисфункций процедур демократизации является ослабление правосознания граждан, а вернее, нарастание процессов правового нигилизма среди ряда социальных групп и общностей, что создает напряжение в результате развития современного демократического политического процесса.

Таким образом, постоянное аналитико-исследовательское обращение к феномену демократии связано с динамикой внутренних и внешних обстоятельств развития политической системы, изменяющимися требованиями и нуждами граждан, их экспектациями и политической активностью, наконец, с рационально-логической целесообразностью складывающейся социально-политической ситуации. Ввиду указанных причин демократия выступает как весьма сложноорганизованный социально-политической феномен, сочетающий в себе не только демократические институты и соответствующие им процедурные нормы (соблюдаемые всеми акторами политического процесса, в том числе и социально ответственными, транспарентными для всех и легитимными институтами власти), но и обязательный консенсус между всеми гражданами и различными политическим элитами по поводу совместных ориентиров и ценностей, способствующих демократическим реформам в обществе. Напротив, проблематичными демократические реформы становятся в условиях решения социальных и экономических проблем не в пользу простых граждан. Это приводит к ситуации разрастания правового нигилизма. В условиях социальных трансформаций глобализируемого мира [13] защита и теоретическая апология демократии как формы правления социумом в значительной степени сопряжена с ограничениями самой демократии как системы следования определенным процедурам и функционирования определенных демократических институтов, что отражается на содержании действующей правовой идеологии и наличной правовой психологии как форм правого сознания. Данные социально-политические тенденции в значительной степени активизируют проблему условий устойчивости демократического процесса, направление развития которого может быть связано с фундаментальной переоценкой ценностей, на которых основываются институты демократии и правосознание

социальных групп и граждан. В противном случае социально-политический процесс фактически связывается со сворачиванием демократических реформ и демонтажем либеральных оснований демократии соответственно с определенным ограничением прав и свобод гражданина, что и приводит к деструкциям и девиациям правового сознания граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров Д. Ю., Бакланов И. С. Повседневность, обыденное политическое сознание и формирование институтов власти // Философия права. − 2009. − № 4. − С. 66 – 69.

2. Бакланов И. С., Хубиев А. О. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. − 2012. − № 1. − С. 13 – 17.

3. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. − 2010. − Т. 4. − С. 396 – 408.

4. Бакланова О. А. Компаративистский анализ исторических типов социальности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. − 2011. − № 3. − С. 219 – 223.

5. Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. − 2012. − № 1. − С. 18 – 21.

6. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. − 2008. − № 12. − С. 29 – 31.

7. Говердовская Е. В. Ценностные ориентиры обновления содержания высшего профессионального образования на Северном Кавказе // Преподаватель XXI век. − 2008. − № 1. − С. 61 – 67.

8. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. − 2011. − № 3. − С. 106 – 110.

9. Гончаров В. Н. Политическая культура в контексте политического сознания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. − 2012. − № 3. − С. 128 – 137.

10. Душина Т. В., Микеева О. А. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Личность. Культура. Общество. − 2009. − Т. XI. − № 4. − С. 196 – 202.

11. Коломак А. И. Соотношение социальной и личностной свободы: традиция и современность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. − 2012. − № 1. − С. 55 – 59.

12. Колосова О. Ю. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Гуманитарные и социально-экономические науки. − 2009. − № 2. − С. 58 – 64.

13. Колосова О. Ю. Трансформационные социальные процессы в

контексте глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. − 2012. − № 4. − С. 266 – 271.

14. Лагунов А. А. Нравственность и правосознание в контексте русской религиозной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. − 2007. − № 1. − С. 86 – 89.

15. Лобейко Ю., Зарубина Н. Интеграция образования, науки и производства // Высшее образование в России. − 2006. − № 2. − С. 110 – 114.

16.Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Проект модернизации – европейский соблазн // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. − 2011. − № 2. − С. 57 – 61.

17. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. − 2009. − № 1. − С. 45 – 48.

18. Мороз К. Г. Становление и развитие демократизации современной российской политической власти // Теория и практика общественного развития. − 2006. − Т. 2. − № 5. − С. 13 – 16.

19. Похилько А. Д. Предпосылки автономии правового сознания // Общество и право. − 2005. − № 1. − С. 96 – 100.

20. Романович Н. А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009. – 400 с.

21. Хантингтон С. Третья волна // Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

22. Шебзухова Т. А., Бондаренко Н. Г. Морально-правовые и политические аспекты свободы в контексте принципа детерминизма // Политика и общество. − 2011. − № 12. − С. 4 – 11.

УДК 1

ОБРАЗОВАНИЕ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В.

EDUCATION IN THE GLOBALIZED WORLD: THE PHILOSOPHICAL SIGHT

Bolkhovskoi A. L., Goverdovskaya E. V., Ivchenko A.V.

В статье предпринята попытка обозначить основные тенденции философского исследования проблем развития отечественного образования в современных условиях глобализирующегося мира и намечены пути анализа глобальных и региональных тенденций развития отечественного образования. Авторы пришли к выводу, что философия образования – это системное видение образования как предмета философской рефлексии. Философская рефлексия задает образовательной концепции смысл, цель, формы, выполняет интегративную функцию. Анализ специфики развития современного глобального

и регионального образования исходит из философских оснований. Философия фактически является методологическим базисом современной отечественной образовательной политики, что способствует созданию новых направлений научного поиска.

The article attempts to designate the basic tendencies of philosophical research of problems of development of domestic education in modern conditions of the globalized world and there are planned ways of the analysis of global and regional tendencies of development of domestic education. Authors have come to a conclusion that the education philosophy is a system vision of education as subject of a philosophical reflexion. The philosophical reflexion sets the educational concept sense, the purpose, forms, carries out integrative function. The analysis of specificity of development of modern global and regional education starts with the philosophical bases. The philosophy actually is methodological base of a modern domestic educational policy that promotes creation of new directions of scientific search.

Ключевые слова: глобализация, рефлексия, онтологический аспект, аксиология образования, духовно-материальный продукт, интеграция, регионализация образования.

Keywords: globalization, reflexion, ontological aspect, axiology of education, a spiritually-material product, integration, regionalization of education.

Актуальность проблем образования и воспитания вызвана рядом глобальных факторов, одним из которых является бесконтрольность потоков информации в условиях глобализации общественных процессов. Неслучайно сегодня наблюдается заметный количественный рост публикаций, затрагивающих вопросы реализации методологической функции философии в конкретных видах деятельности, в том числе в теории и практике образования (В. А. Дмитриенко, В. Н. Карпович, Н. А. Князев, П. В. Копнин, Е. А. Мамчур, В. А. Мейдер, Б. О. Майер, Н. Ф. Овчинников, А. П. Огурцов, В. В. Целищев, В. С. Швырев, Н. М. Чуринов и др.).

Новая роль образования в цивилизационном процессе, учитывающая специфику самосознания личности в условиях трансформации ценностей, выдвигает на первое место не столько овладение суммой знаний, сколько понимание методов и методологии действия, особенно в условиях всеобщей глобализации. Глобализационные процессы в образовании требуют развитие всех мировых систем образования.

Тенденция подавления и подчинения образовательных систем, развивающихся вне зоны влияния лидирующих региональных систем образования, набирает силу.

Идет процесс целенаправленного давления на оппонентные системы образования с целью их деформации, предполагающей лидирующим странам обеспечить и сохранить за собой лидерство.

Остановимся на некоторых философских аспектах развития и перспективах отечественной системы образования.

Онтологические основания философии образования целесообразно рассматривать, опираясь на принципы абсолютной ценности человека,

приоритетности индивидуально-личностного начала в достижении баланса образовательных потребностей и интересов индивида и социокультурной среды. Очевидно, что вся социальная действительность представляет собой духовно-материальный продукт образования, будучи его объективированным выражением.

Исходя из этого, методологической основой развития образовательной системы должно явиться понимание образования как сферы подготовки человека к жизни в социуме, где сам социум есть тот социокультурный организм, в который включен человек в своем бесконечном развитии.

Образование, таким образом, можно рассматривать как закономерно обусловленный способ бытия человека, как способ его собственного развития и эволюции в социуме.

Заметим, что институт образования, продолжая в новых условиях функционировать как традиционная образовательная система, все более «являет» свою онтологическую сущность – как сложный и противоречивый процесс становления человека [5, С. 26 – 36], в котором реализуется его природный потенциал, удовлетворяются образовательные запросы, ориентированные на современные социальные и культурные вызовы.

Глобальная интеграция, происходящая в мировом сообществе, все больше втягивает систему образования в единый мировой поток. Особое значение сегодня приобретает информационная подготовка в сфере образования, формирование навыков жизни подрастающего поколения и будущих специалистов в условиях массированного сетевого информационного воздействия, возможность интеграции их профессиональной и повседневной деятельности в мировые информационные процессы, их подготовка к полноценной жизни в мировом информационном пространстве.

Решению этих задач посвящен российский национальный проект «Образование», основной целью которого является внедрение в обучение инновационных образовательных программ, выравнивание уровня оснащенности образовательных учреждений современным информационно-коммуникативным оборудованием. Термин «общеевропейское образовательное пространство», отражающий развивающуюся реальность, перестает быть лозунгом. Более того, часто используется термин «глобализация образования».

Онтология образования раскрывает национальные и мировые тенденции развития образовательных процессов, представляет собой интегральный стратегический интеллектуально-духовный ресурс любой страны. Развитие современной отечественной системы образования напрямую зависит от состояния социально-экономической и духовно-нравственной сферы социума.

Более того, в настоящее время наметился процесс либерализации системы образования, «ухода» государства из образования; изменяются представления об образовании как о благе за счет государства. Стало

преобладать мнение, согласно которому образование – это услуга и предмет коммерческих экономических отношений.

Другим следствием глобализации образования является то, что человек все чаще сталкивается с технократизацией общества, со значительным отдалением духовно-культурного смысла человеческой жизни от непосредственных достижений в области науки и техники, ему сложно своевременно осмыслить происходящее, а нередко он и вовсе отказывается от всякой рефлексии по отношению к своим собственным действиям.

По всей вероятности, наиболее оптимальным станет выбор в пользу глобально-поликультурного образования, учитывающего глобальные, региональные и индивидуальные характеристики национально-региональных образовательных систем, общества и человека XXI в. Система образования, основанная на этом принципе, должна определять международную политику в области образования. Современные тенденции, влияющие на систему образования в России, представляют собой составную часть мирового процесса глобализации, что порождает сходство проблем и вариантов их решений. Однако неоправданное ускорение процесса социально-экономической, социокультурной и образовательной интеграции может привести к необратимым потерям специфики национальных систем образования.

Говоря об аксиологии образования, уместно вспомнить слова Б. Т. Лихачева, который точно и правильно подчеркивал, что в переломные моменты истории государства меняются образовательные ценности, идет коренное преобразование их содержания и форм [3, С. 25]. Что касается общезначимых ценностей образования, то Н. С. Розов по этому поводу говорит: «Философский анализ помогает определить три блока общезначимых ценностей: кардинальные, субкардинальные и этносные – признаваемые в рамках определенного сообщества в качестве общезначимых» [4, С. 190]. Другая образовательная ценность – личностная самоактуализация в культуре и жизни. Она связана с ориентацией образования на интересы самого индивида, свободного, творческого, самореализующегося человека. Человек в культуре, жизни, профессии должен найти свое место.

И в этом ему должно помочь образование, особенно – гуманитарное.

В осуществлении социальных функций наиболее ярко проявляется инструментальная ценность образования, прежде всего, профессионального.

Ориентация на образование как на способ и инструмент повышения социального статуса позволяет говорить о статусно-престижной ценности образования. Именно этот аспект ценности образования оказывается сегодня наиболее привлекательным и значимым в нашей стране.

Мы считаем, что ценностные аспекты образования, связанные с культурно-мировоззренческой функцией, представляют собой

нравственно-этическую ценность образования, фиксирующую необходимость формирования свободной и ответственной личности, сегодня крайне недооцениваются.

Возникает вопрос: насколько совместимы две целевые установки в реформировании современного отечественного образования – нравственное и духовное развитие личности, с одной стороны, и обеспечение конкурентоспособности на рынке труда и социализации в современном мире, переходящем к рынку, – с другой? Кризис налицо. Для постепенного выхода из него необходимо предпринять срочные меры.

Всякое общество, снабжая новые поколения знаниями о себе и окружающем мире, обязано передать им созданную культуру, формируя по ее образцам новое поколение. Образованию снова придется становиться посредником между старшими и младшими поколениями, новыми поколениями и лучшими образцами культуры. Ориентация социума на рынок, в том числе и в системе образования, без учета духовности становится прагматически рационалистичной и оказывается, в конечном счете, ложной.

Аксиологический аспект системы образования в новых условиях приобретает особое звучание. Он связан с обоснованием приоритетных ценностных и целевых ориентиров образовательной деятельности. Необходимо преодолевать несоответствие между традиционными для России гуманистическими ценностями и новыми, возникшими в связи с переходом к рынку, ценностными приоритетами людей, связанными с усилением индивидуализма и прагматизма.

Ориентация части российского общества на высокий материальный уровень не должна разрушать традиционную для российского человека духовную ценность.

Наконец, главное – необходимо изменить саму философию образования, перейти от затратной философии человека-потребителя к философии развития цельного человека и цельного знания, построенной на основе наращивания ресурса творческого мышления, духовно-нравственного саморазвития.

В таком случае развитие гуманитарного образования понимается не количественно – как увеличение дисциплин гуманитарного цикла, а качественно – как коренное изменение ситуации учения-обучения, формирование высокого потенциала нравственных сил и творческой личности.

В заключение представим краткий философский анализ концепции развития российского регионального образования. «В современной научной литературе концепция регионализации используется как для объяснения процессов политического и экономического объединения регионов, так и для объяснения процессов, противоположных глобализации… Регионализацию понимают и как ответ на силы глобализации (растущее осознание региональных интересов перед лицом глобальных влияний), и как промежуточную остановку на пути к полной глобализации (создание региональных блоков как первый шаг в

становлении всеобщей политико-экономической системы)» [1, С. 765]. В рамках нашего анализа глобальных и региональных аспектов развития отечественного образования понятие «регионализация» выступает в качестве «противовеса» процессам глобализации.

Проблемы регионального образования в России должны решаться исходя из ментальных особенностей и глубинных традиций, на базе интеллектуальной культуры и природно-социальных особенностей региона. Особенно сейчас Россия, изменяя свою структуру образования, должна сохранять и развивать свое целостное, глубинное видение происходящих процессов.

«Глобализация является сильнейшим испытанием для национальной и культурной идентичности… многие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности» [1, С. 343].

Итак, современный кризис образовательной системы в России усугубляется кризисом мировой системы образования, не отвечающей на вызовы современности и втянутой в процесс перехода к новой системе ценностей информационной цивилизации.

Отражая общенациональные интересы в сфере образования, отечественная образовательная система не учитывает общих тенденций мирового развития, обусловливающих необходимость существенных изменений в сфере образования.

Если образовательная система России не найдет путей выхода из кризиса, то российская культура может оказаться на обочине мирового развития, что может случиться при жизни уже следующего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобалистика: междунар., междисциплинар., энцикл. слов. (Global studies) / Гл. ред. А. Н. Чумаков. – 1159 с.

2. Еремин С. Н. Философия образования как предмет рефлексии / С. Н. Еремин // Философия образования для XXI века. – 2001. – № 1.

3. Лихачев Б. Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX вв.) / Б. Т. Лихачев. – М., 1996.

4. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире / Н. С. Розов. – Новосибирск, 1998. – С. 193 – 217.

5. Степашко Л. А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания / Л. А. Степашко. – Владивосток, 2008. – 247 с.

УДК 1

РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ В ЦИФРОВОМ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ[i]

Добычина Н. В.

REAL AND VIRTUAL IN DIGITAL HUMAN-MACHINE INTERACTION

Dobychina N.V.

Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 годы», соглашение № 14.B37.21.0510, проект «Развитие теоретико-методологических исследований по философии языкового сознания»; в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Исследование знака и смысла в структуре дискурса виртуального пространства» (проект № 6.3572.2011).

В статье речь идет об изменении характера технологического взаимодействия между человеком и компьютерными системами. Рассмотрены процессы отражения новых технологических сред в сознании человека. Особое внимание уделяется влиянию информационных технологий на некоторые аспекты психофизических состояний человека. В условиях технологического прогресса телесность представлена как знаковая форма бытия. В статье проанализированы современные представления о когнитивных процессах навигации, ориентации, работы памяти в виртуальном пространстве как новой форме существования.

This article contains changes of the technological nature interaction between human and computer systems. The processes reflect new technological fluids in the human mind, focuses on the impact of information technology on certain aspects of psycho-physical conditions of the person. In terms of technological progress physicality presents an emblematic form of existence. The article analyzes modern concepts of cognitive processes navigation, orientation, memory performance in a virtual space as a new form of existence.

Ключевые слова: информационные технологии, знак, смысл, виртуальное пространство, искусственный интеллект.

Key words: information technologies, sign, meaning, virtual space, artificial intelligence.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении некоторых когнитивных моделей в интеллектуальной деятельности человека, связанных с навигацией, пространственным ориентированием в виртуальной реальности. В статье представлены следующие задачи и некоторые возможные пути их решения: 1) проанализировано виртуальное пространство как одна из форм бытия человека, живущего в тесном взаимоотношении с информационными технологиями; 2) определены основные элементы роли мозга человека в построении виртуального пространства, иллюзия «активной деятельности» и основные параметры семиотического эффекта «погружения» в виртуальном пространстве.

Взаимосвязь человека и машины начинается еще с древности, но с появлением сложных технологий и компьютерных систем она обретает

новые возможности. Современная эпоха, насыщенная технологическими открытиями, уже не просто соседствует с человеком, а «погружает» его в технологическую среду. На этом этапе развития информационные технологии не только облегчают какие-то виды деятельности человека, но и способны оказывать влияние на его социальную, физическую и психическую формы существования.

Производя виртуальные манипуляции, человек распознает в результатах виртуальной репрезентации некоторые вполне реальные элементы деятельности своего сознания. Виртуальное пространство позволяет осуществить опредмечивание некоторых действий, скрытых в сознании. Необходимо отметить, что именно виртуальное пространство обладает уникальными свойствами, позволяющими опредмечивать иногда совершенно невозможное в реальном пространстве. «Бурное развитие информационных технологий и вызванные этим изменения в различных сферах социальной жизни привели к существенным деформациям в культурологической деятельности, в способах производства, трансляции и использовании знаний» [1].

Еще за долгое время до изобретения технологического виртуального пространства Ж. Деррида уже говорил об изменении современных представлений о понятиях «пространство» и «время» [2]. Мир информации, в котором человек проводит огромное количество времени, создает в сознании новые представления о пространстве, отрицая любые физические проявления пространственности.

Виртуальное пространство, созданное современными информационными технологиями, метафорично. Оно воспроизводит виртуальные метафоры реального пространства при помощи интерактивных интерфейсов программного обеспечения, Интернета − воздействует на формирование нового опыта восприятия пространства и времени. Интернет также выступает как идеальная среда для формирования новой личностной парадигмы − с особой структурой идентичности, которая заменяет телесность на новую форму знакового и символического бытия.

Виртуальное пространство стало очевидной новой эволюционной ступенью в развитии человеко-машинных взаимодействий. Произошел переход от пассивного инструментального участия машины к активному диалогу с человеком. Это подтверждают многочисленные исследования по человеко-машинной коммуникации и компьютерной семантике (к примеру, «Тест Тьюринга»). Как известно, суть эксперимента Алана Тьюринга состояла в проведении теста, который, по его мнению, должен был определить, может ли машина мыслить. Для проведения теста было задействовано взаимодействие человека с компьютером и человека с человеком. Человеку необходимо было на основании ответов на вопросы определить, с кем он ведет диалог: с запрограммированным компьютером или с человеком. Участники теста находились в разных помещениях и не имели визуального контакта. Цель запрограммированного компьютера состояла в том, чтобы попытаться запутать человека. В том случае, если

машина смогла бы ввести человека в заблуждение и он бы неверно определил, с кем он общается, машина прошла бы тест и возможным стало бы утверждение о том, что она может мыслить. Разумеется, в понимании термина самим Тьюрингом, который полагал, что мышление есть способность системы вычислять коммуникативно-адекватный ответ на запрос среды. «Автомат Неймана, тест Тьюринга, китайская комната, символьные системы, гибридные интеллектуальные системы, теории сильного и слабого искусственного интеллекта – вот лишь немногие мыслительные эксперименты и теории, которые примеряли к машинным процедурам такие философские понятия, как мышление, понимание, коммуникация, намерение, действие и т.д.» [3].

Проанализировав различные исследования в области человеко-машинного взаимодействия, нами было определено несколько таких уровней:

1) физический уровень, участие человека в качестве оператора машины;

2) информационный уровень, получение, обмен, хранение и передача информации при помощи машины;

3) уровень опредмечивания информации, или уровень получения данных.

В случае, когда взаимодействие происходит в виртуальном пространстве, между человеком и машиной складывается новый − более емкий уровень взаимоотношений. Он включает в себя совокупность уже всех имеющихся уровней и создает новую модель коммуникации. В этой модели большое значение имеет восприятие.

Однако для проведения различных аналогий между восприятием реального и виртуального пространства, необходимо выделить основные механизмы, позволяющие определить, каким же образом происходит идентификация и пространственная ориентация внутри виртуального пространства и как она связана с реальным пространством.

Исследователи из Лаборатории Исследования Человеческих Факторов (Factors Research Laboratory), Университета Миннесоты (University of Minnesota) (И. Артур, П. Хэнкока и С. Крайслер) отмечают, что в эксперименте по ориентированию в реальном и виртуальном пространстве, проводимом путем сравнения размеров помещения, участниками в виртуальном помещении были допущены незначительные погрешности в определении его размеров. По мнению исследователей, это было связано, прежде всего, с тем, что границы монитора сужают угол зрения, что могло исказить результаты. Проведенные позднее исследования − на основе более совершенного оборудования –позволили устранить эту погрешность и дали возможность рассмотреть, как происходят такие важные когнитивные процессы, как навигация, ориентация и работа памяти в виртуальном пространстве.

Полученные результаты исследований доказали, что восприятие и реальных, и виртуальных объектов идентично. Так, к примеру, если в физической реальности видна часть условного треугольника, то человек

способен фрагментарно его идентифицировать, в виртуальном пространстве происходит то же самое. Согласно У. Найссеру, «важнейшими для зрения когнитивными структурами являются предвосхищающие схемы, подготавливающие индивида к принятию информации строго определенного, а не любого вида, и таким образом управляющие зрительной активностью. Поскольку мы способны видеть только то, что умеем находить глазами, именно эти схемы (вместе с доступной в этот момент информацией) определяют, что будет воспринято» [4, С. 42].

Мысленное представление об объектах в виртуальном пространстве опирается на реальный опыт, на знание о фактических данных объекта. Говоря о возможном использовании виртуального моделирования, ученые пришли к выводу о том, что будущее использование виртуального пространства позволит создавать точные репликации физического мира, а суррогаты такого рода могут быть использованы в самых различных видах человеческой деятельности [5]. Приведенный выше эксперимент доказывает, что человеческие механизмы топографического ориентирования работают одинаково как в естественной, так и в виртуальной среде.

Таким образом, необходимо отметить, что переход на новый уровень человеко-машинного взаимодействия – это очень неоднородный процесс, который имеет сложную структуру, включающую в себя следующие компоненты:

1) новые свойства личности, отраженные в виртуальном пространстве (возможность сознательного изменения идентификационных параметров);

2) виртуализацию фундаментальных онтологических оснований (виртуальное пространство «погружает» в себя пользователя и формирует реальное ощущение участия в происходящих процессах моделирования пространства и времени);

3) виртуальную визуализацию и представление знаний (которые так необходимы при изучении микромиров, к примеру, в нанотехнологиях);

4) особую форму коммуникативного и социального взаимодействия как с другими людьми, так и с компьютерными персонажами, созданными на основе искусственного интеллекта;

5) различные уровни переходов от деятельности отдельного индивида к деятельности сообществ и наоборот.

Виртуальное пространство способно синтезировать весь новый опыт взаимоотношений с техникой и транслировать его в новые поколения. Уровень взаимодействия между человеком и машиной благодаря виртуальному пространству формирует новое мировоззрение. И если раньше только машине было необходимо «подстраиваться» под человека, то на сегодняшний день и человек эволюционирует, «подстраиваясь» под машину. В подтверждение этому существует ряд медицинских исследований, результаты которых констатируют изменение

структуры зрения у современного поколения. Так, к примеру, раньше человеку необходимо было быть дальнозорким, чтобы видеть опасность вдалеке или хорошо охотиться. На этапе технологического прогресса структура зрения изменилась, и все большее число людей имеют врожденную близорукость.

Это, безусловно, влияние самых различных факторов: и отсутствие необходимости охотиться, постоянно смотреть вдаль. Но и не последнее значение в этих изменениях имеет то, что уже можно говорить о поколениях, «живущих» возле монитора. «Человеческое зрение абсолютно не адаптировано к компьютерному экрану, мы привыкли видеть цвета и предметы в отраженном свете, что выработалось в процессе эволюции. Экранное же изображение самосветящееся, имеет значительно меньший контраст, состоит из дискретных точек – пикселей. Утомление глаз вызывают мерцание экрана, блики, неоптимальное сочетание цветов в поле зрения. Отечественные и зарубежные исследования показывают, что более 90% пользователей компьютеров жалуются на жжение или боли в области глаз, чувство песка под веками, затуманивание зрения и др. Комплекс этих и других характерных недомоганий с недавнего времени получил название «компьютерный зрительный синдром» [6].

Исходя из определения о том, что виртуальная среда остается искусственным локусом, возможно предположить, что восприятие этой среды строится по тем же принципам, что и восприятие естественного пространства. Но оно требует изменения уже сложившихся образов и стереотипов сознания.

Роль сознания

Основа восприятия информационных технологий – это перцептивные данные, которые преображаются мозгом и отражаются в сознании ситуационно-подготовленными пространственными моделями. Развитие информационных технологий отводит доминирующую роль в восприятии виртуального пространства визуальным и аудиальным сенсорам, что ограничивает потенциал всего чувственного человеческого восприятия, так как в реальном пространстве остальные перцептивные данные, полученные от органов осязания, обоняния и вкусовых рецепторов, так же имеют немаловажное значение для ориентации в реальном пространстве. Необходимо отметить, что отсутствие некоторых перцептивных данных мозг компенсирует, и в сознании формируются целостные модели пространственного восприятия.

Эти дополненные, но воспринимаемые как полнозначные виртуальные модели пространства позволяют человеку приобретать виртуальный пространственный опыт. А переживание этого опыта ложится в основу сложной структуры бытия. Обращаясь к наследию Н. А. Носова, определим некоторые понятия, позволяющие сделать предположение о том, что в виртуальном пространстве происходит изменение статуса сознания. Во-первых, рассмотрим понятие «виртуал». Согласно словарю виртуальных терминов Н. А. Носова, «Виртуал – это: 1) обобщенное название для виртуальных событий, виртуальной

реальности, совокупности виртуальных реальностей, фрагмента виртуальной реальности в противопоставлении; 2) видовое название для гратуала и ингратуала в противопоставлении консуеталу. Виртуал, в отличие от других психических производных, типа воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как реальность. Виртуал обладает следующими свойствами: непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, измененность статуса телесности, сознания, личности и воли».

Во-вторых, необходимо толкование значения понятия «гратуал», которое также можно найти в вышеупомянутом словаре: «Гратуал – ощущение пребывания в виртуальной реальности более высокого уровня, чем константная реальность» [7]. «В виртуале меняется характер функционирования сознания. В гратуале сфера деятельности человека расширяется – человек легко схватывает и перерабатывает весь необходимый объем информации. В ингратуале сфера деятельности уменьшается – информация схватывается и перерабатывается с трудом. Находясь в гратуале, говорят о предельной ясности сознания, об обострении чувства прогнозирования и т.п. Находясь в ингратуале, говорят о сознании сузившемся, темном; мышление становится при этом вязким, внимание рассеянным и т.п.» [8, С. 354].

Погружение в виртуальное пространство − это измененное состояние сознания, которое становится все более естественным с развитием технологий, техники и мультимедиа в целом. Это состояние позволяет обрести новый метафизический опыт – опыт дигитального воплощения в мире с заданными правилами, которые незримо сопровождают при каждом действии, но при этом они так технически «замаскированы», что внутри этого мира существует ощущение полной и безграничной свободы и включенности даже в фундаментальные онтологические процессы – управление пространством и временем.

Взаимодействие с виртуальным пространством зависит от того, как оно воспринимается. Машина предложит удобный интерфейс, различные варианты пользовательских инструментов. Все эти эргономические устройства разработаны в виде панели управления или приборной доски, что уже с самого начала работы создает сознательную иллюзию управления происходящим, ощущение абсолютной власти над дигитальным опытом.

Сознание участвует в различных событиях внутри виртуального пространства, где движение выступает в роли инициатора многих процессов, к примеру, изменяет местоположение предметов и объектов. Таким образом, внутри виртуального пространства происходит синтез движения объектов и их пространственного расположения, что создает виртуальную историю, виртуальное событие. Сознание воспринимает эти события и объекты как онтологически существующие, несмотря на отсутствие их физических параметров.

В виртуальном пространстве степень свободы пользователя ограничена, так как все обусловлено заранее прописанным сценарием, фреймом. Виртуальное пространство через действия авторов, сценаристов, программистов, дизайнеров способно управлять деятельностью мозга. Избегая оценочных категорий, необходимо отметить сам факт возможности воздействия, которое происходит, как уже было отмечено, на всех уровнях взаимодействия между человеком и машиной.

Таким образом, можно выделить следующие аспекты роли сознания в построении виртуального пространства и его деятельности внутри пространства:

1) виртуальное пространство во многом существует благодаря работе мозга и сознания;

2) виртуальные объекты и события способны «овеществляться» в сознании, во многом благодаря существованию в физическом мире их референтов, а при отсутствии онтологической основы объектов мозг «дорисовывает» свойства объектов;

3) при помощи различных семиотических уровней (звук, графика, текст) виртуальное пространство влияет на деятельность человеческого мозга;

4) граница между мозгом человека и виртуальным пространством стремительно стирается, человеческий мозг включается в виртуальные процессы, и виртуальное пространство становится неотъемлемой частью бытия.

Следует отметить, что роль сознания при взаимодействии с виртуальным пространством значительно изменилась. На первичных этапах развития технологий виртуальное пространство всецело существовало только благодаря работе сознания.

Из истории развития компьютерной графики известно, что все начиналось со схематичного изображения объектов в виде графических линий. Тогда вся «достройка» объектов осуществлялась только в сознании. На современном этапе развития компьютерной графики задача в ориентировании в виртуальном пространстве упрощается, так как графические объекты стали более объемными и правдоподобными.

Однако уникально то, что ощущение полного «погружения» в виртуальное пространство, которое воспринимается как реальное, создается сознанием, и в случае наличия простой линейной графики, и в случае взаимодействия с трехмерными моделями объектов.

Подведем некоторые итоги: виртуальное пространство – новая семиотическая среда для взаимодействия человека и машины;восприятие когнитивных процессов навигации и ориентации в виртуальном пространстве построено на тех же принципах, что и в реальном пространстве. Это достигается благодаря работе мозга по достройке и дорисовке недостающих элементов. Чем сложнее задача по пространственной навигации и чем меньше информации получает мозг от источников данных (перцептивных систем), тем большую работу он проделывает. Но восприятие пространства, как с большим количеством

исходных данных, так и с весьма ограниченным, одинаково; проведенные теоретические исследования и изучение существующих практических исследований позволяют определить виртуальное пространство как один из онтологических уровней.

Взаимодействие человека и машины перешло на новый уровень вместе с развитием информационных технологий. Виртуальное пространство представляет собой удобную площадку для формирования этого уровня. Оно открывает уникальные возможности для реализации сложного процесса взаимовлияния физического мира и виртуальности. Виртуальное пространство упорядочивает процессы восприятия и благодаря инструментам, которые используются для его реализации, делает многие виртуальные процессы «естественными» для человека. В итоге, можно сделать парадоксальный вывод о том, что вскоре граница между виртуальным пространством и реальным миром исчезнет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский Д. И. Социальная эпистемология и проблемы информационного общества / Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. – М.: Канон +, 2011. – 339 с.

2. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н. С. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 512 с.

3. Барышников П. Н. Компьютерные метафоры в теориях сознания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2011. – № 2. – Пятигорск: ПГЛУ. – С. 25.

4. Найссер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981. – С. 42.

5. Arthur E. J., Hancock P. A. and Chrysler S. T. The perception of spatial layout in real and virtual worlds. Ergonomics, P: Taylor and Francis Ltd, Minneapolis. – Volume 40. – Number 1, 1 January 1997. – Pp. 69 – 77 (9).

6. Шведов Г. И., Друганова Л. П., Шаева Т. В. Негативные факторы воздействия компьютера на здоровье человека // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2008. – № 32. – С. 85 – 88.

7. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 7. Труды Центра профориентации. – М.: Путь, 2000. – 69 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.virtualistika.ru/vip7_a_i.html. Дата обращения: 23.08.2013 г.

8. Носов Н. А. Три философии // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 354.

9. Шиффман Х. Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 928 с.

10. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы / В. Л. Эпштейн [Электронный ресурс]: Режим доступа // URL: http. www.ipu.ru/publ/epstn.htm Дата обращения 05.09.2013 г.

11. Dolins F. L., Mitchel R.W. Spatial Cognition, Spatial Perception: Mapping the Self and Space / F. L. Dolins, R. W. Mitchel. – Cambridge University Press. – Cambridge, 2010. – 600 p.

УДК 1

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ КАК РЕАКЦИЯ НА ГЛОБАЛИЗАЦИОННУЮ УНИФИКАЦИЮ

Лукьянов Г. И., Александров Д. С.

THE GROWTH OF NATIONAL CONSCIOUSNESS AS A RESPONSE TO THE GLOBALIZATION UNIFICATION

Lukyanov G. I., Aleksandrov D. S.

Исследуются особенности и механизмы эндогенного влияния глобализационных процессов на общественное сознание, и как результат описывается рост национального самосознания как закономерная реакция на глобализационную унификацию.

The features and mechanisms of endogenous influence of globalization processes on the public consciousness, and as a result of the growth of national consciousness is described as a natural reaction to the unification of globalization.

.

Ключевые слова: национальное самосознание, репрезентации общества, социальная динамика, социальные трансформации, глобализация, модернизация, кризис идентичности.

Keywords: national consciousness, society representations, social dynamics, social transformations, globalization, modernization, identity crisis.

Проявившись изначально как финансово-экономический феномен, глобализация превратилась в «термин со многими значениями», и это неслучайно, так как довольно скоро стало понятно, что она охватывает все сферы человеческого бытия и ведет к формированию новой реальности [15, С. 21 – 26]. И если задаваться вопросом, каким образом глобализация влияет на мироустройство, то, скорее всего, стоит отметить амбивалентность глобализации по отношению к жизни, что-то улучшается, что-то ухудшается; кто-то больше испытывает вызовы глобализации, а кто-то – меньше [2, С. 67 – 73]. Отмечая, что в процессе глобализации ни одна из сфер человеческой жизнедеятельности не остается неизменной, обратим внимание на то, каким образом глобализация влияет на национальное самосознание, которое всегда имеет конкретно-историческую форму, зависящую от специфики многообразной исторической действительности и не имеющую прямой зависимости от единичных факторов [23, С. 241].

Среди исследователей проблем глобализации и ее воздействия на национальное сознание можно встретить тех, кто высказывает сомнение по поводу того, что в ближайшем будущем у нас есть основания предполагать, что национальное самосознание может испытать разрушительное влияние [18, С. 58 – 64]. Разве что таковым считать обострение и гипертрофированное проявление. Так, Х. Э. Мариносян сомневается: «Действительно ли в обозримом будущем мироустройство суверенных национальных государств «уступит место мироустройству глобального сообщества открытых друг другу наций», эволюционизирующему в «глобальную демократию», «глобальное гражданское общество» или «глобальную деревню»? В это верится с трудом, хотя бы по той причине, что вся история человечества, колоссальный научно-технический прогресс, небывалая власть над природой так и не научили человечество строить межличностное, социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственных предпочтений. Тем более – предвидеть ближайшие и отдаленные последствия своих действий» [22, С. 6 – 7].

Не может быть, чтобы динамизм, обусловленный массовыми миграциями, а также активизация взаимодействия и напор новизны позволили сохраняться национальному сознанию в гомеостазном спокойном равновесии. Те процессы, которые имеют место в Европе, могут быть убедительным примером определенных и довольно глубоких трансформаций национального самосознания. Об этих процессах стоит говорить как о процессах формирования европейской идентичности. Очевидно, что в национальном сознании современных европейцев происходят изменения, создающие определенные предпосылки для европейской консолидации и создания устойчивой и значимой европейской идентичности [5, С. 23]. Изживаются недоверие и национальные предрассудки в отношении европейских народов, забываются исторические претензии и обиды.

Развитию национального самосознания как таковому свойственны противоречия и неоднозначность в проявлениях. Если можно применить к категории национального самосознания понятие самотворчества, то именно оно и выражает суть его динамизма как творчества собственных ценностей, изнутри (хотя и под влиянием извне), как творчества, противостоящего статике и застою, как творчества, не только охраняющего национальную самобытность, но и созидающего и осовременивающего. Это-то и сложно в современных условиях, когда непросто устоять и противостоять выработанным – и вполне успешным – архетипам в виде готовых клише и схем [13, С. 107 – 112]. Сопротивление процессам модернизации продуктивно потому, что делает национальное безжизненным и мертвым [3, С. 94 – 98; 25, С. 47 – 50]. Это диалектическое единство статики и динамики в структуре национального самосознания подчеркивает его определенную двуликость. Один лик национального самосознания неизменно обращен – и в этом его

статичность – к охранению и закреплению подлинного национального бытия. Эта статичность фиксирует момент национальной удовлетворенности, некоей сытости, опасность чрезмерности которой – пресыщенности – очевидна, так как она ведет к консервации отсталости. Охранительная функция должна распространяться на ядро национального, на то, что делает его национально особенным. И все-таки она обращена в прошлое [21, С. 88 – 95]. Другой же лик – потребность в ином, новом для успешного саморазвития – как бы обращен в будущее, в нем проявляется динамизм национального самосознания. Современный мир создает для такого динамизма широкий диапазон возможностей, помогая преодолевать пресыщенность национальным. Но опять-таки при чрезмерной увлеченности иным возникает своего рода голод уже по национальному. На этой почве возникает противоречие между национальной удовлетворенностью и национальной неудовлетворенностью: голод по поводу одного при пресыщении им рождает голод по поводу другого. Эти отношения, как видно, выстраиваются по принципу причинно-следственной связи, поэтому относительно спокойное развитие национального самосознания предполагает равновесное состояние между охранительной и осовременивающей функциями.

Современные процессы по различным линиям еще более раскалывают национальное самосознание. Оно как бы тоскует по прошлому, испытывает чувства чуждости, одиночества, заброшенности [1, С. 256 – 258]. Поэтому в нем как бы присутствует момент катастрофичности со всеми сопутствующими этому проявлениями. Оно и бунтует, возмущается, сопротивляется в стремлении сохранить свое прежнее «Я». Но оно и впитывает дух нового мира, его разнообразие, пытается преодолеть собственные «измы». И эти процессы (они всегда были свойственны национальному), непараллельные и не независимые друг от друга, находятся в сложном переплетении [17, С. 23 – 26], поэтому и говорят о феномене национального самосознания.

В рамках этой проблемы несколько по-иному рассматривают саму национальную самобытность. При всей привлекательности самого термина и содержания самого феномена она не предстает как однородное, исключительно позитивное явление, которое следует всячески защищать. Ее негативную сторону Н. Бердяев справедливо назвал национальной стихией, ее «темным вином» [6, С. 233]. В ней и пассивность, и покорность, и опасность самовозвеличивания, и вражды, и злобы, и религиозности. Современная жизнь с присущими ей противоречиями обнажила и обострила именно эти стороны национальной самобытности, и ее стали неправомерно ассоциировать с отсталостью. Движение друг к другу предполагает взаимное самоограничение национальной стихии и отказ от ее рабства и тех преград, которые она возводит на пути народов. Другие это называют способностью к самопокаянию, самоочищению, самокритике. Национальная самобытность, несомненно, стоит того, чтобы ее защищали, но ей нельзя пассивно отдаваться, лелеять. Это в силу

определенной искусственности не защитит ее, свобода для национальной самобытности может превратиться в свою противоположность [16, С. 116 – 118].

Сегодня многие понятия наполнились иным смыслом, в том числе понятие социальности [4, С. 219 – 223]. Это также касается и традиции. Она есть не только то, что сохраняет цепь времен, ее неразрывность, но и своеобразная иллюзия освобождения от проблем, рождаемых усложняющимся миром, это форма борьбы, противостояния чуждому, новому, решения новых задач старыми методами (потому что это привычнее, легче, требует меньше усилий, творчества). В такой иллюзорности ярко выраженная пассивность и статичность традиции, которая сталкивается с динамичностью модернизационных процессов. При всем том, что она обновляется, осовременивается, пропитывается новым содержанием, в том числе и универсальным, позволим себе высказать мысль о том, что она всегда как бы провинциальна, т.к. никогда до конца не отдается потоку жизни. Редкая традиция стоит на высоте происходящих перемен. И, кроме того, не следует забывать о том, при всей адаптированности, притирании, перемешивании любая неповторимость и индивидуальность, а тем более обладающая свойствами традиции, не вмещается в рамки целого.

Условия современной жизни привели к возникновению определенных форм социальной адаптации – в виде самоизоляции, приспособления, слияния, поглощения и т.п., на которые соответственно реагирует национальное самосознание. В условиях, когда жизнь в инонациональной среде осуществляется через воссоздание привычного национального мира – анклавный образ жизни, через сохранение традиционных институтов, с помощью которых идет медленный процесс вживания в иносреду, национальное самосознание не испытывает крайних потрясений, живя своим узким миром, но при выходе вовне подвергается сильным изменениям.

Глобализация достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения. Создавая феномен открытости, она способствовала исчезновению «железного занавеса» и свободе перемещения. Но при этом стали рушиться национально-территориальные барьеры и этнокультурная замкнутость. С одной стороны, открытость границ позволяет людям свободно перемещаться по миру, с другой – не позволяет им чувствовать себя везде, как дома. Это транзитное состояние и стало причиной особого выражения национального самосознания в особой его форме – транзитном национализме. Отметим, что оно обусловило устойчивую корреляцию между подъемом национализма и состоянием современного общества. И вот почему. Так как периоды радикальных перемен всегда порождают неуверенность, незрелость и неэффективность институтов демократии при ее росте (или транзите) на начальном этапе ведут к анархии, аномии. В такой ситуации востребованным оказывается национализм, который предлагает свои способы для компенсирования издержек, порожденных

глобализацией. Именно потому, что в нем есть уверенность, стабильность, питаемая возможностью жить по предписанным правилам, − чего нет в модернизирующемся мире, где все зыбко, неустойчиво, перспективно неопределенно.

Этим, однако, национализм не ограничивается, давно уже говорят о национализме ложном и истинном. Первый преувеличивает роль дистанцирования в межнациональных взаимоотношениях, сужая возможности общения, закупоривая человека в непроницаемой национальной оболочке, где, как ни странно, он начинает испытывать одиночество, подобное общению только со своими. В таком виде он не снимает ощущения неуверенности, но даже его питает. Второй предполагает развитие национального на широкой основе, рядом и вместе с инонациональным и универсальным. Но как в условиях взбудораженного национального самосознания отделить один от другого, если их проявления носят зачастую одинаковый характер? Тем более что всегда есть опасность подмены и перерождений.

Все, что говорится о необходимости защиты национального и его соразвития с инонациональным, выглядит убедительно и просто в мыслительных конструкциях, но на практике все сталкивается с неисчислимым количеством проблем, тонкостей, нюансов, которые не вмещаются в эти конструкты, носящие высокую степень обобщенности. Сложно не согласиться со словами Н. Бердяева: «Работа мысли над проблемой национальности должна прежде всего установить, что невозможно и бессмысленно противоположение национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства. Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества… и национальность есть ценность, творимая в истории… Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей… а утверждением национальных индивидуальностей. Национальность не может претендовать на исключительность и универсальность, она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними с общение» [7, С. 182].

Нельзя забывать о том, что национальное самосознание, по Бердяеву, несет в себе и с собой груз прошлого, настоящее и элементы будущего [14, С. 33 – 36]. Да и само национальное пространство, формирующее национальное самосознание, далеко не однородно (хотя бы уже в силу деления на моно- и полиэтничность). Чем пестрее национально-географическая картина, чем ближе регион к границам цивилизаций, всякого рода стыкам и соприкосновениям, которые во многом и объясняют многообразие социальных, национальных, экономических и культурных форм развития, тем сложнее процесс формирования и трансформации национального самосознания [27, С. 26 – 29]. Но и они развиваются из национальных основ. В то же время в условиях всеобъемлющей интеграции национальное неизменно соприкасается не только с инонациональным, но и государственным,

региональным, политическим, геополитическим и т. Д. Противоречивый характер таких соприкосновений и рождает конфликтогенность больше, чем собственно национальное, хотя это и не исключает конфликтогенность его самого.

В области национальных интересов речь идет не только о простом игнорировании одних и абсолютизации других, но и о возможности формирования ложных интересов, внешне представленных в качестве истинных [12, С. 128 – 137].

Так, за переносом производства товаров из, скажем, Европы в Азию стоит не провозглашаемое желание создать там рабочие места, а чисто экономические выгоды: дешевая рабочая сила, низкая оплата труда, минимальные социальные гарантии, снижение и уход от налогов, низкое протестное движение, подавляемое властями, и пр. В результате расширяются рынки сбыта, но на них местная (национальная) продукция продолжает оставаться неконкурентоспособной. Таким образом, другая страна может стать и становится выразителем и носителем чужих интересов – происходит плавное замещение одних другими.

Это заметнее всего проявляется в области культуры [9, С. 29 – 31], образования [10, С. 30 – 37; 19, С. 110 – 114], идеологии [11, С. 106 – 110]. Если и происходит переориентация, то не на признанные ценности разных цивилизаций, а только на западные, которые и преподносятся как универсально значимые, более того, общечеловеческие. Тревожит некритическое заимствование, абсолютный и односторонний характер которого, скорее, говорит о нем как о навязывании. На то есть как объективные причины (более высокая степень социально-экономического, информационно-технологического развития), так и субъективные. Естественный процесс заимствования идет посредством переваривания инонационального национальным, и на основе этого – либо отторжение, либо поглощение, либо взаимообогащение и формирование универсально значимого, трансформируя при этом идентичность социального субъекта [26, С. 151 – 154].

Подытоживая сказанное, отметим, что современные процессы, конечно же, подвергают сферу национального всяческим давлениям, и это отражается на всем национальном бытии и особенно на комплексе национальных восприятий и ощущений. Противоречивый характер системы взаимоотношений национального и глобального ведет к неизбежным трансформациям национального самосознания, вызывая множественные его реакции, которые становятся благодатной почвой для распространения националистических проявлений. При всей своей консервативности, устойчивости национальное самосознание чутко реагирует на всякого рода стеснения и ущемления. Но присущая ему конфликтогенность может быть использована и как мощный дестабилизирующий фактор. И тогда на смену позитивному национальному приходит гипертрофия либо национального высокомерия, либо стихии национального, его темных сторон. На этой основе происходит взаимоотторжение народов, как это ни странно, на фоне

процессов экономического, технического, информационного сближения. Унификация и стандартизация культуры, крушение привычной системы ценностей способны привести лишь к бездуховности и обезличиванию человека, к крушению его мировоззрения и дезориентированности в сложном социокультурном мире. В связи с этим он превращается в «одномерное существо». Такой человек становится не просто потребителем, но во многом продуктом массовой культуры. Такой человек, не имеющий внутренней опоры на духовно-нравственные константы своей идентичности, не способен уберечь и содержательно приукрасить мир; он способен лишь экстраполировать в него свой внутренний характер [24, С. 65 – 69]. Свидетельство тому – ужасающие пороки современного общества и их масштабы.

Жизнь опровергла однолинейность детерминистской диалектики с ее стремлением втиснуть сложные и многомерные процессы экономической, политической и культурной жизни в универсальную логику закономерностей. За последние десятилетия теорию ассимиляции как финальной фазы в развитии этносов и их культур сменила новая парадигма, а именно теория «этнокультурного плюрализма». Стереотип о преходящем чувстве этнонациональной принадлежности заменен в настоящее время на прямо противоположный лозунг о все возрастающей роли этнической идентичности в условиях глобализации. Между тем риски и опасности проявляются не только по отношению к государству [8, С. 64 – 69], но и к институтам, не справляющимся сполна со своими функциями, а также касаются и нашего образа жизни, нашей духовной жизни, культуры, в которой формируется личность, включая гендерные аспекты ее функционирования [20, С. 76 – 82].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Д. С., Лукьянов Г. И. Поиски идентичности как процесс формирования национального сознания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 256 – 258.

2. Бакланов И. С. Тенденции социальной динамики и когнитивные процессы: на пути к обществу ультрамодерна // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2008. – № 4. – С. 67 – 73.

3. Бакланов И. С., Зырянов И. Е. Социально-философский аспект проблем модернизации российского социума // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2012. – № 1. – С. 94 – 98.

4. Бакланова О. А. Компаративистский анализ исторических типов социальности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2011. – № 3. – С. 219 – 223.

5. Бакланова О. А. Тенденции социальной философии: западный и российский опыт осмысления постмодернизма // Философия права. – 2011. – № 5. – С. 23.

6. Бердяев Н. А. Народническое и национальное сознание // Судьба России. – М.: Эксмо, 2007. – С. 233.

7. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. – М.: Эксмо, 2007. – С. 182.

8. Васильева Е. Ю., Ерохин А. М. Роль культуры и культурной идентичности в преодолении социальных рисков // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 64 – 69.

9. Говердовская Е. В. О стратегии развития высшего профессионального образования в поликультурном регионе // Профессиональное образование. Столица. – 2008. – № 12. – С. 29 – 31.

10. Говердовская Е. В. Состояние, проблемы и перспективы эволюции высшего профессионального образования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2008. – № 11. – С. 30 – 37.

11. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 106 – 110.

12. Гончаров В. Н. Политическая культура в контексте политического сознания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. − № 3. – С. 128 – 137.

13. Душина Т. В., Лагунов А. А. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 107 – 112.

14. Камалова О. Н. Творческая активность личности и проблема интуиции в работах Н. Бердяева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 6. – С. 33 – 36.

15. Касьянов С. В. Глобализация как фактор трансформации мировоззренческих ориентиров личности // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 48. – С. 21 – 26.

16. Коломак А. И. Представления о свободе в российской социокультурной традиции // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2012. – № 4. – С. 116 – 118.

17. Колосова О. Ю. Глобализация и национальные формы глобализационных стратегий // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 2. – С. 58 – 64.

18. Колосова О. Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 23 – 26.

19. Лобейко Ю., Зарубина Н. Интеграция образования, науки и производства. // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 110 – 114.

20. Лопата В. В. Основные методологические стратегии исследования феномена гендерной идентичности в современной социальной философии // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 1. – С. 76 – 82.

21. Лукьянов Г. И., Игнатов В. Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности // Философия и культура. – 2012. – № 6. – С. 88 – 95.

22. Мариносян Х. Э. Философия модернизации: от дискурса национализма к императиву интернационализма, или от национального дискурса к интернациональному императиву // Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 6 – 7.

23. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.

24. Микеева О. А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // Философия права. – 2009. – № 06. – С. 65 – 69.

25. Полянкин А. А., Бакланов И. С. Факторы, определяющие формирование идентичности социального субъекта в современном обществе // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2012. – № 3. – С. 151 – 154.

26. Похилько А. Д. Основания социальной самодетерминации // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 26 – 29.

ЭКОНОМИКА

УДК 33

МАРКЕТИНГ В ПОСТРИЗИСНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БАНКОВСКОГО РЫНКА

Кошель Н.В.

MARKETING IN POST CRISIS REGULATION OF THE BANKING SECTOR

Koshel N. V.

В статье представлен обзор регулирования рынка банковских услуг. Описаны экономические и неэкономические (административные) меры регулирования банковского сектора. Определено, что совокупность экономического и административного воздействия не противоречит использованию маркетинга, а, наоборот, при его использовании образует триаду, в которой маркетинг выступает синтезом двух противоположных стороны регулирования рыночного механизма.

The article gives an overview of banking sector regulation. It describes the economic and non-economic (administrative) measures of banking sector regulation. It

identifies, that the whole set of economic and non-economic measures doesn't contradict the use of marketing. Conversely, use of the marketing forms a triad, where marketing synthesizes the two opposite measures of regulating market mechanism.
Ключевые слова: рыночное поведение, воспроизводственный подход, маркетинговое воздействие.
Key words: banking sector regulation, marketing, market impact.

Практика банковского регулирования

Необходимость государственного контроля и регулирования банковской деятельности диктуется многими обстоятельствами и подтверждается уроками исторического развития. С точки зрения организации надзора, связанной с историческими традициями и национальными особенностями, принято выделять три группы стран:

1) страны, в которых центральный банк разделяет обязанности по надзору с другими государственными органами (США, Германия, Франция, Япония и др.);

2) страны, где центральный банк монопольно осуществляет надзор за кредитными организациями (Италия, Нидерланды, Россия);

3) страны, в которых органы надзора отделены от центрального банка (Канада, Швейцария).

Как видно, среди каждой из этих групп есть вполне благополучные в экономическом отношении страны. В России единственным органом, осуществляющим банковское регулирование и надзор в соответствии с законодательством, является Центральный банк. Объясняется это, прежде всего, особенностями создания в нашей стране двухуровневой банковской системы и формирования механизма надзора, которые проходили почти одновременно и в исторически очень сжатые сроки.

Так, первые кооперативные коммерческие банки были созданы в РФ в 1988 г., а к середине 90-х гг. их стало уже свыше 2,5 тыс. История зарубежных стран не знает аналогов появления такого большого количества банковских учреждений за столь короткое время.

Параллельно организовывалась система банковского надзора. Департамент регулирования деятельности кредитных организаций был создан в системе Банка России в 1991 г., а Управление инспектирования в 1993 г. В течение более чем 10 лет формировалась система надзора, совершенствовались его количественные и качественные параметры, происходили организационные изменения. Важность государственного регулирования банковского бизнеса определяется спецификой данного рынка, которая уже была отмечена выше - являясь фундаментальным структурообразующим элементом рыночной экономики, банки оказывают сильное влияние на состояние всей финансовой сферы экономики, а в конечном счете - на стабильность хозяйственной системы в целом. Концентрируя огромные финансовые ресурсы, банки имеют реальную

экономическую возможность поставить себя над обществом, поскольку его частные интересы далеко не всегда совпадают с государственными, а тем более, с общественными.

Эти и другие особенности банковского рынка требуют довольно жесткого государственного регулирования его функционирования, причем рыночные процессы постоянно усложняется, что вызывает потребность во все более действенных и изощренных механизмах регулирования. Следует отметить, что учет специфики банковского рынка реализован во всех системах государственного регулирования банковского бизнеса - в США, Японии, Западной Европе, что способствует значительному снижению рыночных рисков.

В отечественной практике банковское регулирование является одной из функций Центрального Банка России, которая реализуется путем проведения постоянного надзора над финансовой деятельностью банков, при этом рыночные аспекты их работы остаются практически вне поля зрения регулятора. Преобладание финансовых параметров в оценке деятельности банковской организации закономерно, но их использование не должно приводить к отсутствию маркетинговых показателей. При этом концептуальный подход к банковскому регулированию предполагает использование широкого спектра инструментов для влияния на все значимые аспекты рыночной деятельности банка.

Так, в «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией А.Н. Азрилияна под банковским регулированием понимается активное упорядочивающее воздействие на деятельность кредитных организаций с помощью различных методов и инструментов [1]. Главной целью банковского регулирования в соответствии с законодательно установленными требованиями служит поддержание стабильности банковской системы, защита интересов вкладчиков и кредиторов. Указанная цель наиболее полно отражает сущность банковского регулирования.

С функциональной точки зрения банковское регулирование выступает как комплекс законов и систему мер, посредством которых государство через уполномоченный орган осуществляет воздействие на второй уровень банковской системы (кредитные организации) с целью обеспечения его стабильного и устойчивого функционирования в рамках общей экономической системы, а также защиты интересов кредиторов и вкладчиков. То есть, государство оказывает влияние на функционирование рынка на основе установленных норм и правил, а субъектом этого влияния является Банк России, который реализует все классические функции управления, в том числе планирование, организацию (регулирование), мотивацию, контроль. Однако, это не прямое управление банковской системой, а влияние на векторы ее развития в заданных целях, которые могут вступать между собой в определенные противоречия. Так, например, требования по целевому кредитованию сельского хозяйства вынуждают банки предоставлять ссуды низкого кредитного качества и таким образом связывать себя с большим риском. Возникающие

противоречия объективны и они должны разрешаться через согласование интересов участников рынка без потрясений самого рынка.

Регулирование рынка в банковской сферы осуществляется посредством допустимых экономических и неэкономических (административных) мер. Принципиальное различие между экономическими и административными инструментами состоит в способе воздействия на деятельность кредитных организаций - через рыночные отношения и помимо них.

К экономическим мерам относятся мероприятия, использование которых оказывает в основном косвенное воздействие и не предполагает установления прямых запретов или ограничений. В данную категорию входят, например, резервные требования (отчисления в фонд обязательных резервов), операции на открытом рынке и другие.

К административным мерам относятся прямые ограничения или запреты, устанавливаемые государственными органами и Центральным банком по отношению к кредитным организациям.

В качестве административных мер используются такие инструменты, как лимитирование доли участия в уставном капитале банка, ограничение на открытие филиалов, расширение деятельности, осуществление отдельных видов операций, установление лимитов (пределов) на выдачу различных категорий ссуд или привлечение средств и т.д.

Данный подход не противоречит теории макроэкономического регулирования, предложенной Дж. Кейнсом, а также основным принципам функционирования модели социального рыночного хозяйства, сформулированным руководителем Фрайбургской школы Вальтером Ойкеном и его последователем П. Эрхардом, воззрениям Э. Рида, Р. Коттера, Д. Полфремана, Ф. Форда и др. Он также не противоречит организационно-правовым нормам, действующим в Российской Федерации в настоящее время в сфере банковской деятельности.

Представленное понимание структуры мер регулирования совокупность экономического и административного воздействия не противоречит использованию маркетинга, а, наоборот, при его использовании образует триаду, в которой маркетинг выступает синтезом двух противоположных стороны регулирования рыночного механизма. Так, маркетинговое влияние может быть отнесено как к рыночным мерам - в случае установления определенных уровней финансовых показателей и нормативов рыночной деятельности, так и к административным, когда вводятся запреты на определенные действия в отношении потребителей.

Следует отметить, что использование маркетингового инструментария - это пока еще слабо разработанная область регулирования, требующая специфических информационных и управленческих технологий. В настоящее время банковское регулирование реализуется достаточно директивно (по сравнению с другими рынками) путем разработки и утверждения уполномоченными учреждениями конкретных правил или инструкций, базирующихся на дей-

ствующем законодательстве и определяющих структуру и способы осуществления банковского дела.

В то же время, результатом процесса регулирования является формирование таких рамок поведения банков, которые способствуют поддержанию надежности и эффективности всей банковской системы [2, С. 15-16].

Данный результат - это определенное качество рыночных отношений, в том числе его воспроизводственная характеристика. Он не может быть достигнут одними только финансовыми приемами, а требует комплексного подхода к оценке собственных рыночных действий каждым участником рынка.

Пока действия на рынке и экономические операции банков в целом оцениваются различными государственными органами, которые преследуют при проверке поставленные перед ними цели, которые могут существенно различаться и даже находиться в противоречии.

При этом, из всех субъектов контроля только Банк России и аудиторские фирмы в ходе проверок кредитных организаций руководствуются целью обеспечения стабильности банковской системы, то есть способствуют достижению одной из главных целей банковского регулирования - обеспечению воспроизводства рыночных отношений в сфере банковских услуг. Следовательно, именно в регулятивной деятельности данных субъектов должны начать использоваться маркетинговые инструменты.

В настоящее время ключевым аспектом банковского регулирования является механизм финансового контроля, однако, он может быть дополнен маркетинговыми оценка изменения рыночного состояния банковской организации.

Таким образом, формируется комплексная процедура оценки качества эффективности выполнения целей, поставленных перед банковской системой, то есть сравнение реальных достижений с показателями, установленными регулирующими и управляющими органами.

Обнаруживаемые отклонения - как финансового плана, так и рыночного являются источником управленческих мер, которые направлены либо на то, чтобы исправить отрицательные результаты и устранить или предотвратить негативные тенденции, либо усилить действие отдельных факторов, если результаты позитивные.

Таким образом, задача банковского контроля - определить совпадения или отклонения (недостатки) в системе регулирования банковской системы, способствовать устранению выявленных отклонений и выработке эффективных решений. Схема организации банковского контроля представлена на рис 1.

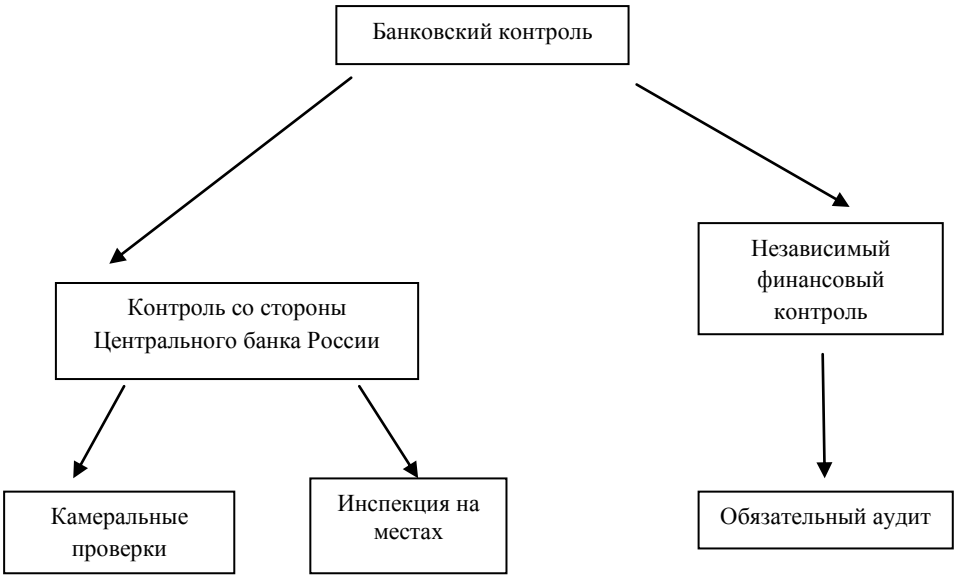

Рис. 1. Организация банковского контроля

Использование маркетингового инструмента может быть реализовано как Центральным Банком, так и аудиторскими организациями. Аудиторские организации обладают большими возможностями в применение различных методик и подходов в контрольной работе, могут полагаться на широкие экспертные оценки, в том числе и маркетинговые. Контрольная работы Банка России в большей степени регламентирована установленными правилами. Однако, учитывая именно этот аспект и авторитет Центрального Банка, начало применения маркетинга для контроля за рыночным состоянием банковской организации в его практике позволит распространить данные оценки, обеспечить их признание. Использование маркетинга изменяет и результаты контроля - это не только меры административного и финансового воздействия, но и компетентное влияние на процессы управления банковской организацией. Мировой опыт способствует таким изменениям.

Общность маркетинга и подходов пруденциального контроля

Так, в отечественный научный оборот уже введено понятие пруденциального контроля. В переводе с английского prudential он означает благоразумный осторожный. Под пруденциальным банковским надзором следует понимать совокупность способов, методов и механизмов, с помощью которых органы надзора, опираясь на требования законодательства, обеспечивают стабильность работы кредитной организации, не вмешиваясь в ее оперативную самостоятельность до момента появления потенциальной или реальной угрозы интересам кредиторов и вкладчиков

Говоря о необходимости создания системы пруденциального банковского надзора, можно выделить несколько основных целей: защиту интересов мелких вкладчиков от неэффективного управления и мошенничества; поддержание стабильности банковского сектора посредством предотвращения «системных рисков», заключающихся в том, что банкротство одного банка может привести к банкротству нескольких банков и утрате доверия ко всей системе. Следствием реализации указанных рисков могут быть следующие макроэкономические последствия: сокращение денежной массы, крах платежной системы, крупные и непредвиденные правительственные обязательства [3, С. 21]; защиту страхового фонда (фонда страхования депозитов) или других фондов, созданных при участии государства, от потерь в тех странах, где созданы национальные системы страхования депозитов или осуществляются другие меры по защите банковских вкладов.

Для достижения указанных целей органы банковского надзора должны не допускать такой деятельности банков, которая противоречит надежной банковской практике, обеспечивать поддержание капитала банков на адекватном уровне, контролировать соблюдение законодательства и нормативных актов, предотвращать мошеннические действия и иные злоупотребления.

Банковский надзор должен быть организован таким образом, чтобы обеспечить постоянную оценку адекватности банковской практики, что позволит наиболее оперативно выявлять проблемы или потенциальные проблемные ситуации, а также принимать необходимые меры по устранению выявленных в деятельности банков недостатков. Фактически, складывающаяся практика пруденциального контроля уже реализует воспроизводственный подход в широком смысле, обеспечивает высокий уровень доверия в банковской сфере и делает крайне востребованным использование маркетингового инструментария.

От темпов совершенствования и повышения эффективности регулятивной и контрольной деятельности надзорных органов во многом зависит состояние банковской системы, экономики страны в целом и благосостояние ее граждан.

Маркетинговое противодействие формированию фиктивного капитала

Раскрывающиеся сейчас подробности образования мирового финансового кризиса также свидетельствуют о подобном поведении и зарубежных банковских организаций. Следует отметить, что Центральный Банк РФ уделял внимание проблеме фиктивного капитала, осуществлял проверки деятельности коммерческих банков, стараясь выявить в их балансах схемы фальсификации собственных средств. В том случае, если такие схемы обнаруживались, ЦБ требовал от кредитных организаций заменить ненадлежащие активы реальными вложениями или привести размер капитала банка к реальному уровню. Однако, данная проблема обрела достаточно широкое распространение. Причем, проблема фальсифицированного капитала в равной степени относилась как к

крупным, так и к средним и малым российским банкам.

Так, у более чем половины российских банков в 2005 году (не входящих в число 500-от крупнейших) доля фальсифицированного капитала находилась на уровне 35%. Если Банк России смог бы провести поголовную чистку капитала коммерческих банков, то, по аналитическим оценкам, около 190 кредитных организаций могли оказаться за гранью минимально допустимого уровня достаточности капитала - это 12% от общей численности банковской системы и таким образом перед кризисам отечественная банковская система могла претерпеть значительные трансформации.

Данная работа проводилась для стимулирования объединения и укрупнения банков. Укрупнение банковского капитала является важным фактором рентабельности и устойчивости банковской организации.

Эффект прямой зависимости величины и рентабельности капитала банков, что прежде всего связано с возможностью экономии от масштабов операций. А значит, чем меньше банк, тем меньше у него возможностей наращивать капитал, как за счет получаемой прибыли, так и за счет привлечения новых инвестиций.

Предпринятые в докризисный период Центробанком меры по ужесточению регулирования были направлены на стимулирование создания крупных банковских организаций. Однако, данных мер оказалось недостаточно и сами меры были неточными: предпринятые меры в наименьшей степени затронули именно малые банки, так как выявилась обратная зависимость между показателями достаточности капитала и его величиной. Норматив Н1 30-ти крупнейших банков на 1 января 2005 г. находился на уровне 19%, тогда как для малых банков (500-ое и более низкие места в рейтинге) показатель достаточности капитала в среднем находился на уровне 36%. Таким образом, ожиданиям по укрупнению банковской системы за счет новых требований к достаточности капитала не оправдались, поскольку именно те малые банки, которые, прежде всего, должны участвовать в процедурах слияния и поглощения, показывают приемлемый уровень достаточности капитала.

Таким образом, анализ докризисной деятельности банковской системы России показывает, что абсолютные показатели, характеризующие финансовое положение кредитных организаций, демонстрировали стабильный рост, хотя оставлись достаточно невысокими для большинства банковских организаций: фактически из 1296 зарегистрированных банков на 1 января 2005 г. у 69% из них уставный капитал был ниже 150 млн. руб. Принятыми требованиями по увеличению банковского капитала и созданию новых банков с уставным капиталом, большим рублевого эквивалента 5 млн. евро, малые банки должны были в короткие сроки увеличить свой капитал, что сделать очень трудно; присоединиться к более крупным банкам или прекратить свою деятельность.

Однако, финансовые возможности действующих и потенциальных акционеров по отвлечению ресурсов в капитал банков ограниченны, тем более

что данное отвлечение традиционно не обеспечивает высокой доходности на вложенные средства; увеличение масштаба деятельности, минимизация затрат, снижение риска потери контроля со стороны действующих собственников. Есть вполне определенные преимущества большого капитала и связанного с ним масштаба операционной деятельности, которые в силу нормативных либо статусных проблем не представлялось возможным использовать.

Поэтому основная проблема роста капитализации отечественного банковского сектора в предкризисный период заключалась в том, что увеличение собственного капитала банками происходило не всегда за счет собственных средств акционеров и пайщиков и редко носит денежно-материальный характер. Эксперты по-разному оценивают уровень реальности банковского капитала и формулировали оценки, что не менее трети всего прироста уставного капитала российских банков является искусственно созданным, причем по российским стандартам применяемые схемы до недавнего времени считались абсолютно законными.

Открытость банка перед рынком, добросовестное формирование собственное капитала и проведение соответствующей маркетинговой политики - важнейший элемент обеспечения воспроизводства в банковской сфере. Поэтому необходимо подчеркнуть следующее.

Действия по очищению российской банковской системы от искусственно созданного капитала, предпринимаемые надзорными органами, не могут быть в полной мере эффективными до тех пор, пока размер собственного капитала будет определяться с помощью учетно-бухгалтерских методов, базирующихся на неполной либо вовсе недостоверной информации и не отражающих реальной стоимости активов и пока собственный капитал не станет ключевым маркетинговым активом банка.

Базой для расчета величины капитала должна служить рыночная капитализация, а информация о не ней - быть доступной всем заинтересованным сторонам. Постепенный переход к реальным рыночным оценкам может произойти лишь в том случае, если акционеры и инвесторы перестанут считать банки расчетными центрами, не будут вносить средства в уставный капитал в обмен на определенные преференции, а будут рассматривать участие в банковском капитале как альтернативное вложение денежных средств в ликвидный актив, которые оценивается по действующим рыночным ценам и становится важным активом банка в его коммерческой деятельности. Последний аспект должен стать важным фактором стимулирования банков к добросовестному формированию капитала - использовать его как маркетинговый возможно только при условии полноценного и реального формирования активов, которые можно представить публике и использовать как инструмент обеспечения доверия перед потребителями.

Представленные положения развития банковского надзора и контроля, анализ предкризисных проблем, возникавших в процессе обеспечения нормального воспроизводства рыночных отношений в банковской сфере, доказывают важность и востребованность использования маркетингового инструментария для решения задач устойчивого и стабильного развития. Использование такого

инструментария Центральным Банком - новый прием в его работе, но он способен оказать заметное воздействие на регулируемые процессы, обеспечить новое качество роста отечественной банковской сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь/Под ред. А.Н. Азрилияна.-4-е изд.., доп. И перераб. -М.: Ин-т новой экономики, 1999. - 1248 с.
2. Банковский контроль и аудит/ Сибирский институт финансов и банковского дела / Н.В. Фадейкина, Е.К. Болгова, М.Н. Скуринин, А.В. Брыкин; Под общей ред. проф. Н.В. Фадейкиной.- М.: Финансы и статистика, 2002.
3. Руководство по банковскому надзору - М.: ЦБ РФ, 1994.

УДК 33

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССНЫХ ИННОВАЦИЙ

Руденко Ф. Г., Каминская К. Р.

ECONOMIC ASPECTS IMPROVEMENT OF THE ACTIVITY OF MILITARY ENTERPRISES ON THE BASIS OF THE DEVELOPMENT PROCESS INNOVATION

Rudenko Ph. G., Kaminskaya K. R.

В статье обосновывается необходимость совершенствования деятельности организации на основе развития процессных инноваций. Приведены основные принципы эффективного управления предприятиями ОПК. Автором исследована методика представления процессов организационного развития как основных факторов развития предприятий.

The necessity of the improvement of the organization through the development of innovation process and the basic principles of effective management of defense companies are considered in this article. The author investigated the technique of representation of organizational development processes as key factors in the development of enterprises.

Ключевые слова: производство, оборонно-промышленный комплекс, управление, инновации.

Keywords: production of military-industrial complex, governance, innovation.

Методический характер модификаций обстоятельств хозяйствования требует применения теоретического и практического подходов при ликвидации проблем в бизнес-процессах. Можно отметить, что разработка и использование методологии для определенных форм организационных трансформаций и формирования не может быть разъяснена лишь как итог эволюции теорий и методов управления.

Формирование основных принципов результативного управления предприятиями ОПК и поиск выхода из выраженных выше проблем совершался в итоге и по мере накопления и закрепления практического опыта при разработке концепций менеджмента, связанных с системным подходом к исключению проблем управления. В прошлом веке было отмечено, что ситуация стала стремительно изменяться в связи с ускорением темпов научно-технического прогресса.

Важнейшие характеристики этого периода развития связаны с развитием информационных сетей на основе достижений в области информатики и телекоммуникаций. Употребление свежих идей создает условия по формированию новой комбинации бизнес-процессов, при этом в цепочке «новый бизнес – новая технология – новые рынки – новые источники сырья» основной смысл начинают заслуживать новые способы организации бизнес-процессов [2, С. 54].

Похожие изменения и нововведения порождают изменения траектории хозяйственного оборота, воздействуя на него как внешняя сила, выводящая из состояния стабильности. Характер экономической динамики при этом воздействует в направленности снабжения подходящих конкурентных взглядов бизнесмена на рынке.

В теоретико-методологическом смысле обратной стороной экономической динамики показывается экономическая статика как типовая, привычная траектория хозяйственного кругооборота, когда новшествами начинают пользоваться множество бизнесменов. В итоге случается спонтанное перемещение экономики к состоянию равновесия.

Поэтому на такой основе и сложилась современная эволюционная теория менеджмента, в соответствии с которой важнейшим условием обеспечения эффективного менеджмента выдвигается непрестанное формирование стратегий, систем и структур управления. Обозначился отбор соответственных стандартных организационных решений и оптимизация вероятных вариантов введения нововведений. При этом все внешние видоизменения и внутренние инновационные процессы анализируются не как непрерывные и случайные ситуации, а как взаимосвязанные элементы общей экономической эволюции, обеспечивающие переход от одного состояния равновесия к другому. В данном смысле эволюционная концепция менеджмента выполнит в итоге концепцию метода экономической статики в показанном выше отношении.

Вопросы, завязывающиеся перед предприятиями ОПК, разнообразны и непринужденно устанавливаются набором конкретных обстоятельств. Но, как подмечается в нынешних обследованиях по управлению, у предприятий присутствует специфики не более чем на 10%, остальные 90% – стандартны [1, С. 121]. Эффективность необходимых преобразований полагает учет опыта разработки бизнес-моделей предприятия на базе употребления теперешних информационных технологий, например, стандартов ERP-систем (Enterpraise Resource Planning). Применение этой системы планирования ресурсов предприятия

снабдит значительное снижение издержек и повышение качества бизнес-процессов на предприятии.

Острота возможных реформ полагает разработку и применение концепции и стратегий организационного развития на основании определения и достижения долгосрочных целей с поддержкой идеологии неизменных изменений BPI (Business Process Improvement) [2, С. 88].

Собственно, исполнение принципа постоянного улучшения деятельности бизнеса вынуждает организацию отступаться от жестких и застывших схем информационного изображения процессов оказания нужных услуг и передаваться к прочным моделям, что невозможно без информационной поддержки данных моделей. Философия BPI устанавливает, что достичь безупречности неосуществимо, но к нему нужно неизменно стремиться. BPI назначает уровни совершенства, или, говоря иначе, уровни постоянного улучшения бизнес-процессов предприятия. Перевод предприятия с одного уровня BPI на более высокий обозначает изменение философии оказания услуг, а употребляемые методики и технологии показываются инструментами преобразования предприятия.

Системность реорганизаций во многом устанавливается их организационной компонентой, разрешающей адаптировать предприятия к неизменно модифицирующимся рыночным реалиям в процессе их продолжительного функционирования. Важнейшей выигрыш предприятия приобретают не за счет экономии на масштабах и поиска недорогих ресурсов, а за счет своевременности реагирования на вызовы рынка. При этом актуально-значимым может выступать выделение и осуществление характерных взаимосвязей, умелая согласованность с потребителями и поставщиками, «управление организационными видоизменениями на основе латерального мышления» [1, С. 172].

Эксперимент показывает, что результативно действуют те фирмы, которые имеют системный взгляд на организацию, разбирают предприятие как единую систему, разъединив такие сферы, как маркетинг, организация новых услуг, снабжение, обслуживание, доставка продукции потребителю, сервис. Принцип представления процессов в динамике, когда хозяйственные процессы, события анализируются и моделируются во времени как постоянно вытекающие друг за другом, – фундаментальный принцип анализа и рассмотрения действия экономических приспособлений. С методологической точки зрения он разрешает: обнаружить причинные связи между явлениями, изменениями в разнообразных областях работы предприятия и фактором времени; осилить односторонность статической теории применительно к вопросу изучения процессов организационного развития; оценивать эмерджентные параметры и синергетические эффекты как результаты ОР предприятий в нынешних обстоятельствах хозяйствования.

Употребляемым в экономической теории, но маловыраженным и многозначным понятием, характеризующим установленный тип изменений в организации, является термин «организационное развитие».

В разнообразных концепциях оно истолковывается по-разному: как непринужденный процесс трансформаций, обусловленный возрастом организации; как процесс изменений, порожденный новшествами и выражающийся в росте размеров; как разумно спланированная деятельность руководства для достижения внутреннего и внешнего баланса организации; как процесс функциональной интеграции и дифференциации.

Таким образом, методика отображения процессов организации развития как модификация обстоятельств функционирования организаций во времени разрешает рассмотреть хозяйственную динамику как последовательное формирование эволюции организации через механизмы срыва равновесия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989.

2. Кудрявцев Е. М. Организация, планирование и управление предприятием. – М.: АСВ изд-во, 2011.

3. Сергеев И. В. Экономика организаций (предприятий). – М.: Проспект, 2010.

4. Оуен А. Как осуществить стратегию: Хрестоматия. Управление изменением. – М.: МЦДО «ЛИНК», 1996.

5. Новицкий Н. А. Инновационная экономика России: Теоретико-методологические основы и стратегические приоритеты. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ - старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин , Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волжский институт экономики, педагогики и права»
Адрес: 404121,Волгоградская обл., Волжский г., ул. Советская, 6

АЛЕКСАНДРОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ - старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волжский институт экономики, педагогики и права»
Адрес: 404121,Волгоградская обл., Волжский г., ул. Советская, 6

АРУТЮНОВА АНАИДА ЮРЬЕВНА - кандидат филологических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт - филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 11

БАБАЯН АНЖЕЛА ВЛАДИСЛАВОВНА - доктор педагогических наук, профессор, Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет»
Адрес: 357532, г. Пятигорск пр. Калинина,9

БАКЛАНОВ ИГОРЬ СПАРТАКОВИЧ - доктор философских наук, профессор, Федеральное государственное автономное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

БЕЛЯЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА − старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»
Адрес: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105

БИРЮКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛИРИАНОВИЧ – соискатель, Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Южный федеральный университет Адрес:
Ставропольский край, г. Железноводск, ул. Ленина, 56.

БИЧАХЧЯН МКРТИЧ КАРАПЕТОВИЧ - преподаватель, Ставропольский филиал Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 355044, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43

БОЛХОВСКОЙ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ − кандидат философских наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск пр. Калинина, 11
БОРИСОВА УЛЬЯНА СЕМЕНОВНА− кандидат экономических наук, доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
Адрес: 677000, г.Якутск, ул.Белинского, 58
ГОВЕРДОВСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА −доктор педагогических наук, профессор, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск пр. Калинина, 11
ГУРЬЯНОВ МАРК СТАНИСЛАВОВИЧ − Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, г. Шахты. 147. Адрес: 346500, г. Шахты, Ростовской области, ул. Шевченко, 147
ДОБЫЧИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 357532 Ставропольский край г. Пятигорск пр. Калинина 11
ЕРЕМИНА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА - старший преподаватель кафедры общей и социальной педагогики и психологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования«Ставропольский государственный педагогический институт» в г.Буденновске
Адрес: 356800, Ставропольский край, г. Буденновск, ул. Л. Толстого, 123.
ИВЧЕНКО АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ - кандидат фармацевтических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 357532 Ставропольский край г. Пятигорск пр. Калинина, 11
ИГНАТЕНКО ОЛЬГА ПЕТРОВНА - кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»

Адрес: 400011 Волгоград, Университетский просп., 1
КАМИНСКАЯ КСЕНИЯ РУДОЛЬФОВНА - старший преподаватель кафедры производственного и регионального менеджмента Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Кубанского государственного технологического университета»
Адрес: 350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2
КОЖИНОВ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ - директор Департамента строительства администрации города Сочи.
Адрес: 350061, Краснодарский край, г.Сочи ул. Советская, 26
КОШЕЛЬ НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА– кандидат экономических наук, докторант кафедры «Экономическая теория» Ростовского государственного экономического университета – (РИНХ)
Адрес: 344002, г. Ростов -на –Дону, ул. Большая Садовая, 69
ЛУКЬЯНОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Федеральное государственное автономное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
Адрес: 355029, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2
ЛУКЬЯНОВ ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ - доктор философских наук, доцент, Волжской политехнический институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный технический университет»
Адрес: 404121,Волгоградская обл., Волжский г., ул. Энгельса, 42а
ИГНАТЕНКО ОЛЬГА ПЕТРОВНА - кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»
Адрес: 400011 Волгоград, Университетский просп., 1
РАДЧЕНКО ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – учитель математики, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №23 с углубленным изучением отдельных предметов
Адрес: 357562 Ставропольский край, г.Пятигорск, 8-я линия, 54
РУДЕНКО ФИЛИПП ГРИГОРЬЕВИЧ - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального учреждения «Кубанский социально-экономического институт»
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3
СКНАРИНА ИРИНА ИВАНОВНА − старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»
Адрес: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105

ФОМИНА ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА - доктор социологических наук, профессор, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 400131 г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1
ШЕВЧЕНКО АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – докторант кафедры философии и социологии, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес: 350005 г. Краснодар ул. Ярославская, 128

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале
1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте *redsov@mail.ru.*
1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см.сайт *www.cegr.ru*).
II. Комплектность и форма представления авторских материалов
2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: *www.teacode.com.* название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);
2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210х297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта–14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и rtf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.
2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть

созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или rtf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. rtf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутоновых изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, риС. 1.jpg», «Петров, риС. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал
«Экономические и гуманитарные
исследования регионов» № 5 2013 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 30.09.2013. Формат 340х245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.